

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

На правах рукописи

УШАКОВА Алина Павловна

**Синтаксические фразеологизмы с семантикой
иронического неодобрения в современном русском языке**

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Специальность: 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Лагузова Евгения Николаевна

Ярославль
2018

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы изучения синтаксических фразеологизмов	13
1.1. История изучения синтаксических фразеологизмов в современном русском языке	13
1.2. Структурно-семантические особенности синтаксических фразеологизмов	24
1.2.1. Структура синтаксических фразеологизмов	24
1.2.2. Семантика синтаксических фразеологизмов	41
1.2.3. Признаки синтаксических фразеологизмов	51
1.2.4. Интонационное оформление синтаксических фразеологизмов в современном русском языке	56
1.3. Функционирование синтаксических фразеологизмов в современном русском языке	60
1.3.1. Функционирование синтаксических фразеологизмов в тексте	66
1.3.2. Функционирование синтаксических фразеологизмов в языке художественной литературы	72
1.3.3. Функционирование синтаксических фразеологизмов в языке средств массовой информации	75
1.4. Классификация синтаксических фразеологизмов в современном русском языке	79
Выводы	85
Глава 2. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке	89
2.1. Ироническое неодобрение как особое субъективно- модальное значение синтаксических фразеологизмов	89
2.1.1. Оценочное значение синтаксических фразеологизмов	89

2.1.2. Модальное значение неодобрения в высказываниях с синтаксическими фразеологизмами	94
2.1.3. Речевая агрессия как проявление иронического неодобрения	104
2.2. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке	111
2.2.1. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Хорош + N₁!</i> »	116
2.2.2. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Мало ли что + V!</i> »	124
2.2.3. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Много + Pron + V!</i> »	130
2.2.4. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Буду / стану + + Pron + V_{inf}!</i> »	134
2.2.5. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Нашёл кого + V_{inf}!</i> »	138
2.2.6. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Охота + Pron + + V_{inf}!</i> »	141
2.2.7. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Тоже мне + N₁!</i> » ...	144
2.2.8. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Какой там + N₁!</i> » ...	150
2.2.9. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Что за + N₁!</i> »	160
2.2.10. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Нет чтобы + V_{inf}!</i> »	166
2.2.11. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Хоть + V_{imper}!</i> »	172
2.2.12. Синтаксические фразеологизмы типа « <i>Ох + уж + этот + + Pron₃ + N₁!</i> »	177
2.3. Трансформация синтаксических фразеологизмов	181
2.4. Лексикографическое описание синтаксических фразеологизмов	185
Выводы	192
Заключение	194
Список литературы	200

Введение

Настоящая диссертационная работа посвящена проблеме функционирования в современном русском языке синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения.

Внимание современной лингвистики сосредоточивается на функционально-коммуникативном аспекте языка, предполагающем исследование особенностей реализации и функционирования языковых единиц в речи, а также на прагматических, социальных и психологических факторах речевого поведения личности [Караулов 1987: 24–25; Тураева 1994: 107; Золотова 1998: 389; Меликян 2001; Величко 2016].

Синтаксические фразеологизмы квалифицируются исследователями как особые построения, имеющие признаки фразеологических единиц (устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность) и синтаксических построений (двукомпонентность (наличие постоянного и переменного компонентов), способность реализовывать модусное значение).

До некоторого времени внимание к изучению синтаксической фразеологии не проявлялось, так как в основном исследовалась лексическая фразеология. В свою очередь, синтаксические фразеологизмы считались особыми построениями, не носившими системного характера, поэтому при рассмотрении синтаксиса русского языка относились к периферийным явлениям. Однако широкое распространение изучаемых конструкций в разговорной речи и последующее их проникновение в речь письменную, свидетельствующее о динамике языковой системы, не могло остаться без особого внимания лингвистов.

О неоднородности фразеологических единиц и существовании нетрадиционных построений, находящихся на границе между лексикой и синтаксисом, упоминалось в работах В. В. Виноградова, В. И. Кодухова, Н. М. Шанского, А. А. Шахматова, Н. А. Янко-Триницкой, и др.

Во второй половине XX века первыми к исследованию и комплексному анализу синтаксических фразеологизмов обратились Н. Ю. Шведова и Д. Н. Шмелёв.

Необходимость обращения к исследованию данных синтаксических единиц обуславливается неоднородностью используемой в лингвистической литературе терминологии. Исследователи употребляют разные термины для обозначения исследуемого явления. Так, Л. П. Якубинский (1986) называл данные построения *сложными синтаксическими шаблонами, целыми шаблонными фразами*, В. Ю. Меликян (2001, 2004) – *фразеосхемами*, Д. Н. Шмелёв (1958) – *фразеосхемами и связанными синтаксическими конструкциями*, А. В. Величко (1996) употребляет термины *синтаксический фразеологизм и предложения фразеологизированной структуры* и т. п. В настоящей работе для обозначения исследуемых построений используется термин *синтаксические фразеологизмы*, применяемый в «Русской грамматике», в работах А. В. Величко (1996, 2016), А. Н. Баранова (2008) и Д. О. Добровольского (2008).

Актуальность исследования обусловлена: 1) вниманием современной лингвистики к исследованию антропоцентрической составляющей языка; 2) тенденцией к сближению устной и письменной речи в современном русском языке; 3) продуктивностью синтаксических фразеологизмов в языке современных печатных средств массовой информации (интервью, очерках, заголовках газетных статей) и текстах современной русской литературы; 4) неоднозначностью интерпретации синтаксических фразеологизмов в отечественной лингвистике; 5) важностью многоаспектного описания синтаксических фразеологизмов для определения их статуса в современном русском языке.

Гипотеза исследования. Семантика иронического неодобрения, заключённая в синтаксических фразеологизмах, представлена имплицитно и основывается на асимметрии формы и содержания языковой единицы. В современном русском языке увеличивается отрицательная коннотация

в границах значения иронического неодобрения за счёт включения в состав синтаксических фразеологизмов и контекст слов со сниженной стилистической окраской.

Объектом исследования являются синтаксические фразеологизмы в текстах газетной публицистики начала XXI века и современной художественной литературы конца XX – начала XXI века. **Предметом исследования** являются структурно-семантические, прагматические, стилистические свойства синтаксических фразеологизмов со значением иронического неодобрения.

Цель исследования состоит в системном описании синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения и выявлении тенденций их функционирования в современном русском языке.

Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

- определить продуктивные модели синтаксических фразеологизмов конца XX – начала XXI века;
- описать структурные особенности синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения;
- проанализировать средства выражения модального значения неодобрения в синтаксических фразеологизмах;
- выявить механизмы создания иронии в синтаксических фразеологизмах;
- охарактеризовать способы создания речевой агрессии в синтаксических фразеологизмах с семантикой иронического неодобрения;
- установить роль контекста в формировании семантики синтаксических фразеологизмов;
- выявить основные способы трансформации синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке;
- разработать принципы составления словарных статей синтаксических фразеологизмов и представить их образцы.

На защиту выносятся следующие положения:

1) В основе синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения лежит асимметрия формы и содержания языковой единицы.

2) Ироническое неодобрение представляет собой субъективно-модальное значение, основанное на несоответствии лексического значения компонентов синтаксического фразеологизма смыслу высказываний.

3) Средствами выражения иронического неодобрения в синтаксических фразеологизмах являются порядок следования компонентов, десемантизация опорного компонента, лексическое наполнение переменного компонента, ложная положительная оценка, контекст.

4) Семантика иронического неодобрения в предложениях типа *Хорош друг!*, *Буду / стану тебя слушать!*, *Охота тебе слушать!*, *Много ты знаешь!* основана на использовании слов с ложной положительной оценкой.

5) Реализация модального значения неодобрения в предложениях типа *Ох, уж эти мне экзамены!*, *Тожже мне помощник!*, *Нет, чтобы помочь!*, *Хоть не общайся!* определяется синтаксической структурой высказывания и не зависит от контекста.

6) Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах выражается лексемами со сниженной стилистической окраской, лексемами с ложной положительной оценкой, закреплённым порядком следования компонентов.

7) Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке подвергаются трансформации, проявляющейся в изменении структуры за счёт включения в их состав факультативных элементов, изменения грамматических характеристик переменного компонента, соединения нескольких синтаксических фразеологизмов в границах одного предложения, при этом значение синтаксического фразеологизма не изменяется.

Теоретической базой диссертации послужили исследования отечественных и зарубежных учёных в следующих областях:

– общей фразеологии (Н. Ф. Алефиренко (2008), Ю. Д. Апресян (1968, 1978), В. Л. Архангельский (1968, 1978), О. С. Ахманова (1966), В. В. Виноградов (1972, 1977), Д. О. Добровольский (1977), А. М. Мелерович (1979, 2005), В. М. Мокиенко (2005), В. Н. Телия (1977), Н. М. Шанский (1976) и др.);

– синтаксической фразеологии (А. В. Величко (1996, 2016), О. П. Ермакова (1997), Н. Ю. Шведова (1957, 1966, 1973, 1960 (2003)), Д. Н. Шмелёв (1958, 1976, 1977, 2002) и др.);

– синтаксиса предложения (В. В. Виноградов (1958, 1995 и др.), А. А. Калинина (2012), А. В. Канафьева (2011, 2016, 2017, 2018), П. А. Лекант (1974, 2010, 2013 и др.), Е. Н. Орехова (2011), М. В. Петрушина (2005), Т. Е. Шаповалова (2000, 2004, 2007, 2016);

– теории оценки (Ю. Д. Апресян (1995), Н. Д. Арутюнова (1976, 1988, 1998, 2002), В. В. Виноградов (1950, 1955, 1963), Е. М. Вольф (2002), В. Г. Гак (1969, 1972, 1996, 1998), Т. В. Маркелова (2006, 2013, 2016), А. А. Потебня (1958), Г. Н. Складневская (1991), В. Н. Телия (1981, 1996) и др.);

– стилистики и культуры речи (М. П. Брандес (1988, 2004), Н. С. Валгина (1994), Л. А. Введенская (1966, 2002), Б. Н. Головин (1988), И. Б. Голуб (2006), Л. К. Граудина (1996), О. Н. Григорьева (2003), Л. В. Калинина (2013, 2014, 2016, 2017), М. Н. Кожина (2008), В. В. Леденёва (2005), О. Б. Сиротинина (2009), Г. Я. Солганик (1999, 2008), Д. Э. Розенталь (1974), Н. И. Формановская (1979, 1982, 2007, 2009, 2012), Н. Ю. Шведова (1956, 1966, 1973) и др.);

– теории текста и дискурса (Э. Бэнвевист (2002), И. Р. Гальперин (2016), Н. С. Валгина (2003), В. А. Лукин (1999), Г. Я. Солганик (1976, 1999, 2008), В. Е. Чернявская (2009), Д. Н. Шмелёв (1977, 2002), Л. П. Якубинский (1986) и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что

– проведён комплексный анализ синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения;

– выявлены основные способы трансформации синтаксических фразеологизмов;

– установлены механизмы создания иронического неодобрения в синтаксических фразеологизмах современного русского языка.

Теоретическая значимость исследования состоит

– в систематизации сведений об особенностях структуры и семантики синтаксических фразеологизмов;

– установлении тенденции к трансформации синтаксических фразеологизмов в современном русском языке;

– выделении способов создания иронического неодобрения в синтаксических фразеологизмах.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что результаты исследования, описанный языковой материал могут быть использованы в учебном процессе на практических и семинарских занятиях в вузе в курсе «Активные процессы в современном русском языке», в курсе стилистики в рамках дисциплины «Современный русский язык», а также в курсе русского языка как иностранного. Материал комплексного анализа синтаксических фразеологизмов может войти в состав словаря синтаксических фразеологизмов.

Личный вклад соискателя в получении результатов, изложенных в диссертации:

– представлен алгоритм описания моделей построения синтаксических фразеологизмов;

– проведён комплексный анализ продуктивных моделей синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения в русском языке конца XX – начала XXI века;

– выявлены и охарактеризованы средства формирования семантики иронического неодобрения, способы создания речевой агрессии и основные способы трансформации синтаксических фразеологизмов в современном русском языке;

– разработаны образцы словарных статей синтаксических фразеологизмов на основе проведённого анализа.

Материалом для исследования послужили синтаксические фразеологизмы, извлечённые из центральных газет Российской Федерации («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Российская газета», «Труд», «Коммерсантъ», «Советский спорт» и др.) XXI века (2000–2018 гг.), а также текстов произведений современной художественной литературы конца XX – начала XXI века. Привлекались материалы Национального корпуса русского языка. Картотека исследования насчитывает около 2000 примеров.

Несмотря на то что синтаксические фразеологизмы зарождаются в устной речи и характерны для неё, считается правомерным использовать в качестве источника материала обозначенные ресурсы. Это обусловлено тем, что в текстах художественной литературы, в том числе и литературы последних десятилетий, максимально правдоподобно воспроизводится звучащая речь с её специфическими особенностями. Среди текстов современных средств массовой информации интерес представляет интервью. Интервью – акт коммуникации, основанный на диалоге журналиста и респондента при последовательном чередовании вопросов и ответов с целью получения необходимой информации, мнений и суждений, представляющих общественный интерес [Ильченко 2003: 3].

При исследовании языка центральных газет было отмечено, что интервью становится обусловленным некоторыми политическими догмами. Тем не менее в данной «политически нагруженной речи» широко распространены конструкции разговорной речи, разговорного синтаксиса. Стоит отметить, что не только интервью как особый жанр политического дискурса становится предметом нашего внимания. Синтаксические фразеологизмы обнаруживаются в заголовках газетных статей, монологических текстах и т. д. Таким образом, выбор источников языкового материала позволит проанализировать функционирование синтаксических

фразеологизмов в разных типах коммуникативных контекстов и выявить тенденции их употребления.

Цели и задачи определили **методы исследования**, применяемые в процессе анализа языкового материала:

- индуктивный метод;
- лингвистическое описание;
- метод контекстуального анализа;
- сравнительно-сопоставительный метод;
- структурно-семантический метод..

Апробация результатов исследования. Основные положения и отдельные выводы исследования нашли отражение в выступлениях на международных научных конференциях «Чтения К. Д. Ушинского» (г. Ярославль, 2010–2018 гг.), международных научных конференциях «Семантика языковых единиц в разных типах речи» (г. Ярославль, 2016, 2018 гг.); Открытом университетском конкурсном отборе инновационных проектов молодых учёных по приоритетным направлениям науки и техники «Инновационный потенциал молодежи» (г. Ярославль, 2017 г.); Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2017» (г. Москва, 10–14 апреля 2017 г.); XII Международной научной конференции, посвящённой 65-летию кафедры русского языка «Языковые категории и единицы: синтаксический аспект» (г. Владимир, 26 сентября – 28 сентября 2017 г.); методической конференции «Актуальные проблемы современного образования» (г. Ярославль, Ярославское высшее военное училище ПВО, 2017 г.), в 14 публикациях по теме исследования, в том числе в журналах: «Верхневолжский филологический вестник», «Социальные и гуманитарные знания», включённых в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, выводов по каждой главе, заключения, списка

использованной и цитируемой литературы, включающего 266 наименований (в том числе 11 изданий на английском языке, 22 словаря и справочных издания).

Соответствие паспорту специальности. Отражённые в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.01 – «Русский язык», в частности, следующим областям исследования:

– п. 5. Синтаксис русского языка: Структура предложения. Некоторые теоретические положения «Русской грамматики» («Грамматика-80»). Порядок слов, интонация, частицы, специальные синтаксические конструкции. Двойственная функция порядка слов. Синтаксис разговорной речи.

– п. 6. Семантика русского языка: Семантика отрицания. Отрицание в русском языке. Семантика частиц. Субъективно-модальные частицы на примере частиц *а*, *ну*, *да*. Семантика императива.

Глава 1. Теоретические основы изучения синтаксических фразеологизмов

1.1. История изучения синтаксических фразеологизмов в современном русском языке

Внимание современной лингвистики сосредоточено на функционально-коммуникативном аспекте языка, прагматических, социальных и психологических факторах речевого поведения личности [Виноградов 1972: 5; Золотова 1998: 389]. Это обстоятельство обуславливает исследование особенностей реализации и функционирования языковых единиц в речи.

Актуальным представляется исследование функционирования в современном русском литературном языке конструкций, характерных изначально для разговорной речи. Предметом нашего внимания являются особые конструкции – синтаксические фразеологизмы, имеющие широкую степень распространённости как в текстах современной русской литературы, так и в текстах средств массовой информации. Наличие в сфере речи письменной подобных построений свидетельствует о демократизации языка.

Для разговорного синтаксиса характерны специфические синтаксические модели, «коренным образом отличающиеся от общелитературных и письменно-литературных синтаксических моделей» [Лаптева 2003: 271]. Синтаксические фразеологизмы, таким образом, представляются особыми конструкциями, свойственными как устной, так и письменной речи.

Исследование синтаксических фразеологизмов предполагает анализ их семантического и синтаксического устройства. В работе В. Г. Гака «К проблеме семантической синтагматики» отмечается, что «в естественных языках синтаксис семантичен, то есть его категории и элементы соотносятся

определённым образом с внешними объектами, а семантика – синтаксична, то есть отражает отношения между символами-обозначениями. В связи с этим наблюдается стремление исследовать отражение парадигматических отношений в синтаксисе и синтагматических отношений в семантике» [Гак 1973: 367].

Фразеологизация синтаксиса охватывает широкий круг явлений, построений, которые полностью или частично подвергаются идиоматизации. Явления фразеологизации на уровне синтаксиса было отмечено ещё в 1873 году И. И. Срезневским в работе «Замечания об образовании слов из выражений». И. Н. Кайгородова в работе «Проблемы синтаксической идиоматики: на материалах русского языка» (1999) отмечает тот факт, что развитие учения о синтаксической идиоматичности опирается на плодотворные идеи Л. В. Щербы, согласно которым «семантическая сущность слова не в его отдельности, а в смысловых отношениях между данным словом и другими словами высказывания. Учёный полагал, что «язык имеет в своём выражении такие выразительные средства, которыми он побеждает морфологические формы» [Щерба 1974 33].

Л. П. Якубинский (1986), занимаясь исследованиями в области фразеологии, отмечал существование особых построений, названных им *сложными синтаксическими шаблонами, целыми шаблонными фразами*: «говорение в связи с определенными шаблонами быта влечёт образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора. Эти фразы в силу их постоянного употребления в одной и той же бытовой обстановке становятся как бы окаменелыми, превращаются в своего рода сложные синтаксические шаблоны; членение фразы в значительной мере стирается, и говорящий почти не разлагает её на элементы» [Якубинский 1986: 17–58]. Таким образом, в речи мы лишь воспроизводим фразу как готовый шаблон, который не делится на отдельные слова. Синтаксические фразеологизмы, в свою очередь, частично воспроизводятся в речи говорящего (воспроизводится

модель их построения), строятся по устоявшимся в языке схемам и не расчленяются на отдельные элементы для истолкования их смысла. Основываясь на точке зрения Л. П. Якубинского, модель построения синтаксического фразеологизма следует рассматривать как шаблон, заключающий два элемента: постоянный и переменный компоненты.

Л. П. Якубинский уделяет внимание тому факту, что фразы употребляются «в одной и той же бытовой обстановке». Синтаксические фразеологизмы, являясь реакцией на сообщение или ситуацию, не несут новой информации, употребляются в какой-либо типичной ситуации, смысл высказывания одинаково понятен говорящему и слушающему.

В. В. Виноградов выделял особый тип фраз, называемых им *фразеологическими сочетаниями*, которые «не являются безусловными семантическими единствами». По мнению учёного, эти построения аналитичны, «в них слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах» [Виноградов 1977]. В. В. Виноградов приводит такие примеры построений: *нашло на кого-нибудь вдохновение, раздумье, нашел столбняк, нашла на кого-нибудь фантазия*. В приведённых конструкциях имеется постоянный компонент, выраженный глаголом *найти*, и компонент в форме именительного падежа.

«Во фразеологическом сочетании значения сочетающихся слов в известной степени равноправны. Даже несвободное значение одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть описано, определено или выражено синонимом. Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание делимости и заменимости

фразеологически несвободного слова (например, *затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость* и т. п., ср. *задеть*). В языке происходит постоянное столкновение аналитических тенденций, направленных на расчлененное понимание словосочетания, и тенденций синтетических, ускоряющих переход фразеологического сочетания в фразеологическое единство» [Виноградов 1977].

Важным для нашего исследования является определение, которое дано в одной из работ Н. Янко-Триницкой. «Фразеология – это общее название для всех отступлений от правил интеграции значимых единиц в одну более сложную. Фразеологическая единица, или фразеологизм – это такая структурная единица, строение которой не соответствует правилам интеграции значимых единиц того или иного уровня; иначе говоря, она является немоделируемым образованием» [Янко-Триницкая 1969: 431; Меликян 1999: 21].

Н. Янко-Триницкая указывает, что фразеологизация характерна для любого уровня языка, следовательно, присутствует и на уровне синтаксиса. Существование синтаксических фразеологизмов является объяснимым. Данное определение подтверждает, что синтаксические фразеологизмы изначально считались отступлением от традиционной модели построения предложения. Слияние компонентов в единую структуру синтаксического фразеологизма с закреплённым порядком следования компонентов и значением является закономерным развитием языка, то есть не считается отступлением от нормы.

Исследование фразеологизации на уровне синтаксиса можно проследить в работах В. И. Кодухова, выделяющего фразеологизированные построения в границах сложноподчинённого предложения, а также Г. Я. Солганика, понимающего фразеологизированные построения как модель, «состоящую из постоянных и переменных элементов и имеющую самостоятельное значение, не совпадающее с синтаксическим значением конструкции и с индивидуальным значением фразеологизма, к которому

восходит модель» [Солганик 1976: 74]. Данное положение значимо и интересно тем, что синтаксический фразеологизм, с точки зрения учёного, восходит к какому-либо фразеологизму, то есть устойчивому сочетанию слов с определённым набором компонентов и значением. Таким образом, структура синтаксического фразеологизма является мотивированной.

Начало систематического изучения синтаксических фразеологизмов датировано 50–60 годами XX века (Д. Н. Шмелёв, Н. Ю. Шведова), однако данное явление не получило достаточного научного освещения. Существует вероятность, что это обусловлено неравномерностью изучения фразеологии языка в целом. В основном исследования посвящены изучению лексической фразеологии, при этом синтаксическая фразеология остается за пределами систематического описания и всестороннего анализа.

Д. Н. Шмелёв утверждает, что существуют построения, «лишённые закономерно образуемых соответствий» [Шмелёв 2002: 417], называемые в научной литературе *синтаксические идиоматизмы* или *синтаксические фразеологизмы*. В работе «О связанных синтаксических конструкциях в русском языке» Д. Н. Шмелёв отмечает несомненную заслугу работ Н. Ю. Шведовой, которая положила начало подробному систематическому исследованию характерных синтаксису разговорной речи фразеологизированных конструкций.

В исследовании Н. Ю. Шведовой «О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи» подробно описаны конструкции, которые «строятся не по живым действующим в языке правилам, представляют собой изолированные структуры – следы когда-то свободных и легко расчленяемых построений» [Шведова 1958: 95]. Особенностью рассматриваемых построений является то, что, возникнув в языке, они в определённой речевой ситуации наполняются новым содержанием лишь частично – меняется наполнение их переменного компонента. Подтверждается идея Л. П. Якубинского о том, что исследуемые построения используются (или воспроизводятся)

в определённой речевой ситуации. Подробный анализ «устойчивых синтаксических конструкций» произведён в работе Н. Ю. Шведовой «Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке» (1955).

Развитие основных положений этой работы прослеживается в книге Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» (1960), а позже – в «Русской грамматике», где под синтаксическими фразеологизмами понимаются фразеологизированные предложения «с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой, словоформы в которых связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия», так и построения «с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Шведова 2003; Русская грамматика II].

Стоит отметить, что согласно «Русской грамматике», предложения фразеологизированной структуры, рассматриваемые в данном труде в отдельном параграфе, также причисляются к синтаксическим фразеологизмам.

Объектом исследования в работах Д. Н. Шмелёва становятся связанные синтаксические конструкции. Синтаксические фразеологизмы при этом относятся к построениям, «лишённым закономерно образуемых, по той или иной линии связанных с ними соответствий» [Шмелёв 2002: 417].

По мнению исследователя, «основным отличием конструкций <...> от «свободных» синтаксических построений можно признать их оторванность, изолированность от конструкций, вступающих в определенные ряды, синтаксически сопоставимых друг с другом моделей соединения слов» [Шмелёв 2002: 418]. Учёный считает, что общим для исследуемых конструкций является определенная («заданная») схема и её

«необратимость» [Шмелёв 2002: 418], а также отсутствие лексической «окаменелости». В своей работе Д. Н. Шмелёв также даёт развитие такому понятию, как «фразеологическая схема» («фразеосхема»), считая такие схемы продуктивными в современном русском языке. Исследование фразеосхем мы находим в работах В. Ю. Меликяна.

Синтаксические фразеологизмы обладают фиксированной схемой построения, которая не изменяется, задаёт обязательный порядок следования компонентов и «наличие строго определённых, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов» [Шмелёв 2002: 419]. Таким образом, в своей работе Д. Н. Шмелёв развивает учение о построении «связанных» синтаксических конструкций по существующим в языке фразеосхемам. При этом в синтаксических фразеологизмах «нет фразеологизации какого-либо одного слова, фразеологизированной является сама схема предложения» [Шмелёв 2002: 418].

Н. Ю. Шведова, а вслед за ней и Д. Н. Шмелёв отмечали, что фразеологизированные конструкции могут быть сходны с уже имеющимися в языке фразеологизмами. «Отражая общее значение <...> фразеосхемы, эти устойчивые словосочетания <...> индивидуализируют его. Конкретное значение каждого из таких лексических фразеологизмов не определяется полностью «типовым» значением данной фразеосхемы, а закреплено именно за ним» [Шмелёв 2002: 437].

В качестве примера Д. Н. Шмелёвым приводятся фразеологические сочетания со значением трудности, безысходности: *Хоть глаз выколи, Хоть волком вой*, со значением большого количества: *Хоть пруд пруди, Хоть отбавляй* и т. д. Данные фразеологические сочетания неоднородны, так как включают различные по своим грамматическим характеристикам переменные компоненты. Общим для них является необратимость, как говорит Д. Н. Шмелёв, «замкнутость в себе», заключающаяся в «синтаксической обусловленности значения организующих их грамматических форм», модальности, «невозможности их однозначного

преобразования в соотносительные по форме или по смыслу свободные синтаксические построения» [Шмелёв 2002: 438].

В работах В. Ю. Меликяна рассматриваемые нами построения именуется как синтаксические фразеологические единицы, которые, как указывает исследователь, называются также и нечленимыми предложениями [Меликян 2001: 6]. Данные построения представляют собой одну из структурно-семантических разновидностей простого и сложного предложения.

Д. О. Добровольский и А. Н. Баранов называют исследуемые построения синтаксическими фразеологизмами согласно сложившейся традиции, ссылаясь на работы А. В. Величко (1996), Всеволодовой, Лим (2002).

З. Г. Бурдина отмечает, что синтаксические фразеологизмы находятся на пересечении трёх уровней: лексического, синтаксического и фразеологического [Бурдина 1987: 26]. Поэтому относит исследуемые построения к так называемым интегрированным структурам, основные признаки которых: фиксированный порядок слов (компонентов), неявные грамматические значения и отношения [Бурдина 1987: 27]. Эти признаки присущи всем синтаксическим фразеологизмам, являются обязательными, но не единственными.

З. Г. Бурдина считает, что синтаксические фразеологизмы находятся на стадии перехода во фразеологизмы. Если у фразеологических единиц формируется лексическое значение, то у синтаксических фразеологизмов – грамматическое. Однако каждый синтаксический фразеологизм имеет свою семантику, отличающую его от других построений такого рода, об этом свидетельствует «Русская грамматика», а также работы В. Ю. Меликяна, Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелёва, А. В. Величко и др.

З. Г. Бурдина характеризует синтаксические фразеологизмы как «синтаксически неразложимые структуры разных уровней, охватывающие свободные соединения слов различных структурных типов, лексически ограниченные соединения слов различных структурных типов,

моделированные образования и чисто фразеологизированные структуры с фиксированным порядком компонентов, отличающиеся наличием в них скрытых семантико-синтаксических значений» [Бурдина 1987: 29]. «Скрытность семантико-синтаксических значений» может быть обусловлена невыводимостью значения синтаксического фразеологизма из составляющих его элементов.

В. Ю. Меликян называет синтаксические фразеологизмы нечленимыми предложениями и понимает их как «синтаксические единицы, обладающие устойчивостью, воспроизводимостью, целостностью, идиоматичностью, специфическим характером отношений между компонентами, а также выполняющие в языке коммуникативную и эстетическую функции» [Меликян 2013: 52].

Подобную характеристику синтаксических фразеологизмов находим в работах З. Г. Бурдиной. Синтаксические фразеологизмы относятся к несвободным сочетаниям слов, для которых характерны «определенный лексический состав, фиксированный или частично переменный, но всегда ограниченный в выборе чем-то внешним по отношению к реализуемому значению слов или значению конструкции. Выбор переменных компонентов может быть ограничен по причине несочетаемости слов или их означаемых, либо тех или других вместе» [Бурдина 1987: 27]. Коммуникативная и эстетическая функции, о которых говорит В. Ю. Меликян, являются следствием того, что синтаксические фразеологизмы предназначены не для передачи новой информации, а для выражения реакции на сообщаемое, отношения к ситуации или предмету речи.

Синтаксической фразеологии посвящены работы А. В. Величко (1996, 2016, 2017 и др.). В диссертации А. В. Величко «Предложения фразеологизированной структуры в русском языке» (2017) проведено комплексное исследование предложений фразеологизированной структуры с позиций антропоцентрической направленности современной лингвистики.

Работа представляется ценной с точки зрения того, что предложения фразеологизированной структуры рассмотрены как особый тип фразеологизмов, которые «отражают специфику проявления свойства фразеологичности в основной синтаксической единице – в предложении» [Величко 2016]. С точки зрения исследователя, предложения фразеологизированной структуры, синтаксические фразеологизмы – это «системное явление синтаксиса и языка в целом они представляют собой отдельный, особый класс русских предложений, входят в систему русского языка как её самостоятельный сегмент» [Величко 2016].

Такое положение является возможным, так как синтаксические фразеологизмы строятся по закреплённым в языке фразеосхемам, имеют закреплённый порядок следования постоянного и переменного компонентов, набор отличительных признаков, а также обладают устойчивой семантикой, не зависящей от лексического наполнения переменного компонента.

А. В. Величко даёт следующее определение: предложения фразеологизированной структуры – «это специфические предикативные структуры, знаки вторичного образования, которые включают компоненты двух видов, обеспечивающие сочетание в них признаков фразеологичности и синтаксичности. С одной стороны, это постоянные компоненты с утраченными или ослабленными лексическими и грамматическими значениями и функциями, являющиеся конструктивно и семантически образующими; с другой стороны, это переменные компоненты со свободным лексическим наполнением» [Величко 2016: 15].

Как показывает исследование лингвистической литературы, среди лингвистов нет единой точки зрения на исследуемую проблему, в связи с этим нет и единства в терминологии, что обуславливает особый интерес к изучению синтаксических фразеологизмов как системного явления русского языка.

В исследовании мы придерживаемся термина *синтаксический фразеологизм*, который употреблён прежде всего в «Русской грамматике», а также в работах А. В. Величко, А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского.

Представляется оправданным в отдельных случаях использовать терминологию В. Ю. Меликяна, а именно – *фразеосхема*, при описании структуры синтаксических фразеологизмов. Следует разграничить понятия *синтаксический фразеологизм* и *фразеосхема*, так как последнее обуславливает грамматическое устройство конструкций, их структуру. В свою очередь термин *синтаксический фразеологизм* отражает как структурные, так и семантические особенности исследуемых построений.

Для настоящего исследования важным представляется рассмотрение синтаксических фразеологизмов как системного явления современного русского языка, обладающего набором отличительных признаков, имеющего устоявшуюся структуру и закреплённые значения. Под признаками синтаксических фразеологизмов подразумеваются устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность, двукомпонентность (наличие постоянного и переменного компонентов), способность реализовывать модусное значение. Синтаксические фразеологизмы являются информативно ёмкими единицами синтаксиса, в максимально сжатой конструкции, состоящей из десемантизированного опорного компонента и лексически свободного переменного компонента, заложена семантика, которая одинаково трактуется как говорящим, так и адресатом. Компоненты в составе синтаксического фразеологизма становятся перегруженными значениями, что обусловлено наделением их в составе синтаксического фразеологизма новыми смыслами.

При исследовании синтаксических фразеологизмов мы учитываем структурные, семантические, коммуникативно-прагматические, стилистические особенности, взаимодействие с другими единицами в структуре предложения и контексте. Только подробное описание заявленных особенностей в сочетании с описанием пунктуационного оформления и способностей синтаксических фразеологизмов к трансформации позволяет сделать вывод о состоянии исследуемого явления в современном русском языке, определить его системность или несистемность.

1.2. Структурно-семантические особенности синтаксических фразеологизмов

1.2.1. Структура синтаксических фразеологизмов

Синтаксические фразеологизмы, являясь единицами синтаксиса, имеют грамматическое и лексическое значения. Традиционно лексическое значение синтаксической единицы обусловлено значениями слов, входящих в её состав. В русском языке предложения строятся по определенным моделям, под которыми понимается «состав взаимообусловленных субъектного и предикатного компонентов в единстве их морфологических, синтаксических и семантических характеристик» [Золотова 1998: 443]. Синтаксические фразеологизмы представляют собой нестандартные с точки зрения действующих норм построения, поэтому значения, реализуемые ими, формируются иначе.

В синтаксических фразеологизмах происходит процесс интеграции между компонентами синтаксической структуры, который приводит к возникновению в конструкции скрытых семантико-синтаксических значений [Бурдина 1987: 32]. Интеграция, происходящая между компонентами синтаксического фразеологизма, свидетельствует о несоответствии плана содержания и плана выражения.

Постоянный и переменный компонент синтаксических фразеологизмов

Как было сказано в пункте 1.1, построение исследуемых синтаксических конструкций отклоняется от традиционных способов построения предложений. Синтаксические фразеологизмы как особые

синтаксические построения обладают структурой, в которую входят постоянный и переменный компоненты.

В лингвистической литературе существует вариативность в терминологии, неизменяемый компонент именуется *опорным* или *постоянным*. В работе мы используем термин *постоянный*, чтобы сохранить противопоставление изменяемому компоненту, называемому *переменным*.

Синтаксические фразеологизмы строятся на основе фразеологической схемы (фразеосхемы) – устойчивой модели, которая определяет порядок следования компонентов и грамматические характеристики переменного компонента. Именно наличием фиксированной фразеосхемы синтаксические фразеологизмы противопоставляются предложениям, строящимся по свободным структурным схемам.

В. Ю. Меликян под фразеосхемой понимает «коммуникативную предикативную единицу синтаксиса, представляющую собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующуюся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающую логически и семантически членимое смысловое содержание (т. е. равное суждению), обладающую грамматической и лексической нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью, сочетающуюся с другим высказыванием в тексте по традиционным правилам и выполняющую в речи эстетическую функцию» [Меликян 2013: 153].

Постоянный компонент чаще всего представлен местоименными словами, служебными словами, частицами, междометиями, однако может быть выражен и знаменательными частями речи, которые в структуре синтаксического фразеологизма подвергаются деграмматикализации. Морфологическая природа знаменательных частей речи в составе постоянного компонента синтаксического фразеологизма полностью или частично изменена. В структуре синтаксического фразеологизма они остаются неизменными, благодаря этому задается обобщающее

фразеологизированное значение исследуемых конструкций, понятное всем участникам коммуникативного акта.

Постоянный компонент представляет собой «застывшую форму, оторвавшуюся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной мере утратившую лексическое и категориальное значения» [Шведова 1958: 94].

Переменный компонент для каждой из моделей синтаксических фразеологизмов имеет строго закреплённую морфологическую форму, при этом лексически свободен. За счёт такой свободной лексической наполняемости синтаксического фразеологизма на основе одной модели возможно построить неограниченное число синтаксических фразеологизмов, что свидетельствует о воспроизводимости фразеосхемы. При этом значение, реализуемое синтаксическим фразеологизмом, будет неизменным.

Так, синтаксический фразеологизм типа *Что за ерунда!* образован по модели *что за* + существительное в форме именительного падежа: *Что за наёмники, с которыми останавливать танковые колонны выходят даже женщины?* (Известия, 2014.06.26); *Голубчик, ну что за капризы? Ответственно, как врач, заявляю, вашему здоровью ничего не угрожает* (О. Павлов. Карагандинские девятины). Синтаксический фразеологизм типа *Тожже мне помощник!* построен по модели *тоже мне* + существительное в форме именительного падежа, число и род не являются показателями вариативности: *Тожже мне, тень отца Гамлета!* – *фыркнул начмед* (О. Павлов. Карагандинские девятины); *Ну вдарила разок... Тожже мне трагедия... Думаете, случай с Мариной Охрименко из ряда вон выходящий?* (Комсомольская правда, 2014.04.02). Данные слова изменили или утратили принадлежность к определенной части речи (рассмотрим это в следующей главе исследования). Лексическое наполнение переменных компонентов свободное: *помощник, наёмники, капризы; тень отца Гамлета, трагедия.*

Рассмотрим особенности структуры синтаксических фразеологизмов на примере одной из моделей. Модель построения синтаксических фразеологизмов *чем не* + имя существительное включает постоянный именной

компонент – местоимение *чем*, и переменный компонент – существительное в форме именительного падежа. Второй компонент лексически варьируем и его наполнение определяется говорящим: *Как ни странно, а первым, кого пришлось бы расстрелять, оказался бы Кирнос. Чем не диктатор, дай только волю!* (Г. Владимов. Генерал и его армия); *Чем не выход из положения, даром что наша девушка уже закончила университет только что, две недели назад* (Л. Петрушевская. Музыка ада) и т. п.

Н. Ю. Шведова относит данные синтаксические фразеологизмы к построениям, которые «могут быть объяснены существовавшими, но изменившимися или устаревшими нормами. Формальные связи неизменяемого компонента с соответствующей категорией слов не утрачены» [Шведова 2003: 269–270]. Таким образом, синтаксический фразеологизм восходит к двусоставному вопросительному предложению. Ср.: *Чем он тебе не жених? – Чем не жених?*

Для подобных конструкций характерен неизменяемый порядок следования компонентов. В «Русской грамматике» указано, что «реализации, видоизменяющие исходную форму предложения, не отмечаются; распространение нехарактерно» [Русская грамматика II: 385], однако постоянный и переменный компоненты могут быть отделены друг от друга факультативными элементами. Так, В. Ю. Меликян отмечает использование частицы *же*, которая имеет фиксированное местоположение (между постоянным и переменным компонентом): *И в каждом райцентре – так, чем же не пересылка?* (А. Солженицын); *Чем же не занавес для финала современной пьесы?* (И. Анненский); *Только что начнёшь забываться под журчание мудрецов, только что скажешь себе: чем же не жизнь!* (М. Е. Салтыков-Щедрин) [Меликян 2001: 125] (примеры В. Ю. Меликяна).

Как показывает анализ, в структуру фразеологизированных предложений включаются и другие факультативные элементы – указательное местоимение *это* или личное местоимение второго лица в дательном падеже. Местоимение *это*, разделяющее постоянный и переменный компоненты

синтаксического фразеологизма, указывает на предмет речи, которому приписывается тот или иной признак: *И вот я думаю: а чем это не повод для того, чтобы российский парламент или правительство (в качестве асимметричной меры) запретили Роскосмосу сотрудничать с американскими космонавтами?* (Комсомольская правда, 2012.07.20); *Хотя чем это не повод встретить праздник дважды?* (Комсомольская правда, 2010.12.28); *Что-то надо делать и с дорожно-транспортной ситуацией, а то у нас вся страна скоро встанет в пробках. Чем это не работа для премьера? Сергей Митрохин, политик, лидер партии «Яблоко». «Восстановить лесную охрану» Да у нас проблем, что ли, мало, которые срочно нужно решать?* (Труд-7, 2010.08.30); *Между тем за этой чертой живут 2,7 миллиарда человек – почти половина всего мирового населения. Чем это не безысходная нищета?! Поистине наша планета создана лишь для «золотого миллиарда»* (А. Волков. На полпути от Миллениума); *Даешь ежедневно стране угля, мелкого, но много, а не упираешься, как стахановец, один раз для рекорда, – ну и чем это не подвиг?* (А. Слаповский. Синдром Феникса); *Этот заиндевелый темный вагон перед нами – чем это не молот Тора, брошенный в неведомого врага!* (В. Пелевин. Чапаев и пустота).

Личное местоимение второго лица в форме дательного падежа (вам, тебе) указывает на адресата речи: *Очуметь можно! Чем тебе не античная трагедия!* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын); *Чем вам не телепатия – пусть даже авторы и не употребляют этого слова?* (Б. Жуков. Замыкание мозгов, или Рукотворная телепатия); *Ну, чем вам не роман Бориса Акунина «Азазель» о питомцах эстернатов леди Эстер?* (Комсомольская правда, 2013.07.09); *А ещё через несколько месяцев астрономы обнаружили, что у 2003UB313 тоже есть свой спутник. Ну чем вам не новая планета? По давней традиции первооткрыватель Браунсам дал имя своей находке* (Комсомольская правда, 2016.02.06); *Да и телерепортаж по ЦТ чем тебе не доказательство?!* (Комсомольская

правда, 2013.05.13); *В общем, чем тебе не «Бeverли-Хиллз, 90210» – только не надо платить актерам и строить навильоны* (Труд-7, 2010.01.26).

Значение, которое реализуют синтаксические фразеологизмы, можно обнаружить в некоторых словарях. Например, синтаксический фразеологизм *Тожe мне друг!* зафиксирован в толковых словарях современного русского языка с таким значением: ‘употребляется при выражении неодобрения по отношению к кому-либо’ [МАС IV: 373]; ‘прост. презр. Кто-либо совсем не соответствует тому, на что претендует, чем занимается’ *Видать, и не ждали... Тожe мне, земляки!* (В. Пикуль)» [ФСРЛЯ: 685]; ‘выражает недоверчивое или отрицательное, ироническое отношение (прост.)’ *Тожe умник нашёлся! Он поэт. Поэт тожe (мне)!* [ТСО: 798].

Постоянный и переменный компонент обуславливают неизменное лексическое содержание, смысловое наполнение. Именно постоянность построения и постоянность семантики конструкций определяет возможность существования синтаксических фразеологизмов. Неизменяемость синтаксического фразеологизма заключается не в абсолютной неизменяемости фразеологизма, а в ограниченности его трансформации.

Постоянство построения синтаксических фразеологизмов заключается в том, что форма существования постоянного компонента неизменна. Переменный компонент закреплён в установленной форме, меняется только его лексическое содержание. Форма определена для каждой модели синтаксического фразеологизма. Например, для синтаксического фразеологизма типа *Хорош друг!* постоянного компонента характерна форма краткого прилагательного, для переменного компонента – имени существительного в форме именительного падежа.

Постоянный компонент может быть представлен не одним словом, а сочетанием знаменательных и незнаменательных частей речи (*Что за ерунда!, Ох, уж эти мне экзамены!, Тожe мне друг!, Нет бы (Нет, чтобы) помолчать!* и т. д.). Как указывает А. В. Величко, «связи между этими словами внутри фразеологизированных структур носят

идиоматический, а не грамматический, синтаксический характер, можно говорить об одном, едином постоянном компоненте, который является составным, то есть состоит из нескольких слов» [Величко 2016: 82]. Связь слов в составе постоянного компонента не всегда может быть объяснена существующими в языке правилами, но, очевиден тот факт, что она является мотивированной, обусловленной существовавшими в язык конструкциями, подвергшимися изменениям.

Постоянный компонент организует структуру синтаксического фразеологизма, задаёт порядок слов и следования компонентов, представляет собой определённую «канву», которая заполняется лексически свободным переменным компонентом, и больше, чем переменный компонент, участвует в реализации значения конструкции. В свою очередь переменный компонент меняет лишь своё наполнение, форма при этом остаётся неизменной.

Особенностью построения синтаксических фразеологизмов является строгое закрепление порядка следования компонентов. Расположение компонентов в составе синтаксического фразеологизма не изменяется, они позиционно закреплены. В синтаксических фразеологизмах типа *Нет, чтобы помолчать!* препозицию занимает постоянный компонент *нет чтобы*, в постпозиции находится переменный компонент – инфинитив: *Нет, чтобы сказать «хватит», такого точно не было* (Известия, 2014.05.21); *Нет чтобы рвануть дверь посильнее. Вместо этого солдат испугался ещё больше...* (В. Маканин. Асан). В синтаксических фразеологизмах типа *Что за ерунда!* В препозиции постоянный компонент *что за*, переменный компонент следует за постоянным компонентом: *«Пьянь», – сказал другой, постарше, в очках. «Что за народ, – возмутилась женщина.– Уходите»* (Д. Гранин. Она и всё остальное. Роман о любви и не только).

Нарушение порядка следования компонентов и замена переменного компонента словоформой с иными грамматическими характеристиками является трансформацией структуры синтаксического фразеологизма, которая может повлечь за собой утрату обобщённого фразеологизированного

значения синтаксического фразеологизма, например: «*Лев*» *был очень хороши в плей-офф, но в итоге справиться с первой тройкой магнитогорцев так и не сумел* (Известия, 2014.04.30) (положительная характеристика). Переменный компонент занимает препозицию по отношению к постоянному, предложение имеет стандартную структуру, не реализует значение синтаксического фразеологизма.

В основе каждого синтаксического фразеологизма лежит схема, которая обладает внутренней формой. Внутренняя форма фразеосхемы – это диахроническая связь фразеологического значения оборота и его этимологического значения. Внутренняя форма синтаксического фразеологизма значима для определения его структуры, а также значения. Таким образом, каждый синтаксический фразеологизм является мотивированным.

Н. Ю. Шведова считает, что синтаксические фразеологизмы и сходные с ними построения, свойственные синтаксису русской разговорной речи, «строятся не по живым действующим в языке правилам, а представляют собой изолированные структуры – следы когда-то свободных и легко расчленяемых построений» [Шведова 1958: 94].

Функционируя в речи в качестве выражения различных субъективно-модальных значений, синтаксические фразеологизмы не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся говорящим в готовом виде [Шутова 1996: 82–83]. Н. Ю. Шведова определяет специфичность построения синтаксических фразеологизмов, выделяя в их составе «застывшую форму, оставшуюся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившую свои лексические и категориальные значения» и переменный компонент [Шведова 2003: 269].

Подобные высказывания, как правило, являются производными, а потому мотивированными. Однако формирование их смыслового содержания происходит на основе не метафорического переосмысления: за ними может закрепляться какое-либо определённое значение («утвердительное»,

«отрицательное» или «оценочное»), а также происходит переосмысление значения производящей конструкции на противоположное (конвертация), что обуславливает отсутствие у них образности [Меликян 2013: 155].

Таким образом, следует говорить о том, что синтаксические фразеологизмы представляют собой не какой-либо конкретный трансформированный фразеологизм, а лишь воспроизводимую в речи конструкцию, которая строится по определенной фразеологической схеме, определяющей точный порядок слов, грамматические формы переменного компонента и наличие необходимых служебных слов. При этом постоянный компонент в подобных структурах – это переосмысленные слова или сочетания слов.

Категория времени синтаксических фразеологизмов

Синтаксические фразеологизмы, как и любые предложения, обладают предикативностью. Предикативность – это отнесённость содержания предложения к действительности, выраженная синтаксическими средствами (формами слов, служебными словами, порядком слов, интонацией – в их взаимодействии) [Лекант 2004: 7]. Предикативность раскрывается прежде всего в основных грамматических категориях предложения (модальность, время, лицо). Категория времени является центральной единицей синтаксиса. Синтаксические фразеологизмы, являясь синтаксической единицей, обладают способностью противопоставляться по времени, то есть образовывать временную парадигму.

В составе синтаксических фразеологизмов в качестве переменного компонента могут употребляться глаголы в форме настоящего времени: *Мало ли чего он просит!*, *Много он знает*. Действие глаголов соотносится с моментом речи, время – настоящее актуальное. В конструкции типа *Мало ли чего он просит* постоянный компонент занимает препозицию, выражен

наречием *мало* и падежной формой местоимения; элемент *ли* является переменным и вариативным, в ряде построений он может отсутствовать.

Ср.: «**Мало** ли чего хотят,» – Михайлов не понакает хозяйским вкусом, он навязывает свой (В. Маканин. Отдушина); **Мало** ли что это слово может значить у Толика на родине (Комсомольская правда, 2014.06.19); Скажут, что фальшивка. **Мало** ли сейчас выдают таких артефактов (Комсомольская правда, 2014.06.15). В данных синтаксических фразеологизмах употребляются глаголы в форме настоящего времени: *хотят, происходит, выдают*. Значение глаголов в таких синтаксических фразеологизмах отмечается как неважное, незначительное. Данная фразеосхема может включать в свой состав глаголы не только в форме настоящего времени, но и в форме прошедшего: *За 35 лет работы в разведке я не помню случая, чтобы разведка сказала: мы этого сделать не можем. Мало ли что мы добывали? Например, отыскивали образцы картофеля, который колорадские жуки не едят* (Комсомольская правда, 2014.06.10).

Следует отметить, что в таких синтаксических фразеологизмах возможна реализация настоящего неактуального времени за счёт контекста, в котором функционирует конструкция. При обозначении постоянного действия «в плане настоящего времени не выражается протекание действия в момент речи, хотя и не исключается, что постоянное действие (отношение) действительно и для этого момента. Когда передается постоянное отношение, момент речи специально не выделяется» [Русская грамматика II: 628]. Например, *Не то, чтобы он замалчивался, но мало ли таких майданов в мире каждый день происходит* (Комсомольская правда, 2014.08.05). Действие характеризуется как постоянно повторяющееся, употреблён маркер времени *каждый день*, а также глагол в форме несовершенного вида, настоящего времени. Некоторые контексты представляют собой промежуточный тип, совмещающий признаки настоящего неактуального и актуального времени: *Мало ли чего человек не скажет в запале...* (В. Войнович. Дваплюсодин в одном флаконе (сборник)). Данная оценка

может относиться как к оцениваемому человеку, так и к любому человеку вообще.

В синтаксических фразеологизмах, построенных по модели *Много ты знаешь!* (*Много ты сама можешь!* *Говорит, я её не пускаю* (Комсомольская правда, 2013.02.01)) глаголы *можешь*, *знаешь*, *видишь* не имеют положительного признака или возможного действия из-за противоположного значения постоянного компонента *много*. Несмотря на это реализуется значение актуального настоящего времени.

Возможны варианты построения с глаголом прошедшего времени: *И много ты видел нашего брата среди дворников Москвы?* (Комсомольская правда, 2013.10.07). В таком построении нельзя определить значение конструкции на основе входящих в неё компонентов. Значение глагола *видеть* ‘обладать способностью зрения; воспринимать зрением’ в данном синтаксическом фразеологизме не реализуется. Значение глагола *видеть* подменяется значением глагола *знать* ‘иметь сведения; обладать знанием кого-чего-нибудь, иметь о ком-чём-нибудь понятие, представление’. Значение глагола в форме прошедшего времени не реализуется, глагол имеет обобщающее значение и не соотносится с конкретным временем (настоящим или прошедшим).

В качестве переменного компонента в синтаксических фразеологизмах также используется инфинитив. Инфинитив не обозначает отнесённость глагола к конкретному лицу, числу, времени и наклонению. Предикативное значение синтаксических фразеологизмов подобных типов – указание на ирреальное действие, которое произошло или ещё произойдет.

Схема построения синтаксического фразеологизма *Очень нужно советоваться!* включает в себя обязательный компонент *очень нужно (надо)* и переменный компонент, выраженный инфинитивом. В конструкции экспрессивно-иронически выражается отрицание.

В синтаксическом фразеологизме *Охота тебе заниматься этим!* несмотря на то что инфинитив не выражает значения времени, отношения

к действительности, он употребляется для соотнесения действия с настоящим или будущим временем: ***Охота** тебе иметь судимость за такие смешные деньги* (Известия, 2006.03.17); *По поводу графини Надины Пушкин писал супруге 21 октября 1833 года: «**Охота** тебе, женка, соперничать с графиней Соллогуб»* (Наука и жизнь, 2006); ***Охота** тебе эксперименты проводить... я в тебя и так верю* (А. Слаповский. Синдром Феникса); *В лифте Скворцов сказал с досадой: «**Охота** тебе непрерывно лезть на рожон. Только против себя их настраиваешь»* (Т. Устинова. Персональный ангел).

В данном синтаксическом фразеологизме может реализовываться значение и прошедшего, и будущего времени. Ср.: *И **охота** вам было учить!* – *И **охота** тебе будет учить!*. Это зависит от того, что инфинитив употребляется для образования сложных форм прошедшего и будущего времени. Глагол *быть* в данных синтаксических фразеологизмах употребляется как показатель синтаксического времени (темпоральности).

В других синтаксических фразеологизмах типа ***Нет бы** (нет чтобы, нет того чтобы) помолчать* в качестве переменного компонента используется инфинитив, реже – форма прошедшего времени (*Нет чтобы подождать – Нет чтобы подождал*). Слова, входящие в постоянный компонент, утрачивают категориальное и лексическое значение. Ср.: ***Нет, чтобы** сказать: раз так, вы не пускаете, оскорбляете наших известных людей, мы соответствующим образом, адекватно реагируем на ваших, на то, что вы предлагаете, чтобы у нас и гастролировали, и приезжали ваши артисты* (Комсомольская правда, 2013.10.31); *Год тогда нелепый был и бурный. **Нет, чтобы** работать, – на турбинах тусовались* (Комсомольская правда, 2013.05.27); ***Нет чтобы** поспать лишние пару часов перед экзаменом* (Комсомольская правда, 2013.05.27); *Затея на первый взгляд совершенно дурацкая – **нет чтобы** просто применить электронагреватель* (Комсомольская правда, 2013.04.05); *И **нет, чтобы***

поработать с человеком, перевоспитать его (Комсомольская правда, 2013.01.06).

Общая семантика синтаксического фразеологизма позволяет говорить о наличии темпоральности у инфинитива. Как сказано выше, конструкция в целом реализует значение неодобрения по поводу неосуществления целесообразного. Осуждаемое действие – действие, выполняемое в настоящем или прошедшем времени. Будущее время исключается, так как осуждению не может подвергаться ещё не произошедшее действие. В синтаксических фразеологизмах выражается ирреальная модальность (значение возможности, необходимости).

Инфинитив в качестве переменного компонента употребляется в синтаксических фразеологизмах типа *Надо же такой беде случиться!*. Инфинитив в синтаксическом фразеологизме лексически свободен. Синтаксический фразеологизм несмотря на инфинитив реализует временное значение, в данном случае – значение прошедшего времени. В структуру синтаксического фразеологизма может добавляться глагол *быть* для реализации сложного прошедшего времени. В повествовательных синтаксических фразеологизмах данного типа связочный компонент глагол *быть* употреблен в форме настоящего, прошедшего или будущего времени индикатива, проявляется объективная модальность реальности: *Надо же ему не вовремя приехать!* – *Надо же ему было не вовремя уехать!* – *Надо же ему будет не вовремя уехать!*. Реализуется значение ирреальной модальности. Таким образом, синтаксические фразеологизмы данной модели имеют полную временную парадигму за счёт связочного компонента.

Трёхчленная временная парадигма (настоящее, прошедшее, будущее время) реализуется в синтаксических фразеологизмах типа *Что за характер был – будет!*. Как указано в «Русской грамматике», возможны реализации с глаголами *бываться, делаться, сделаться, оказаться, оказываться*: *Что за шум бывает!*; *Что за характер у тебя сделался!*; *Что он за негодяй оказался!*; *Тоже мне друг оказался!*; *Тоже мне друзья бывают!* и т. д.

А. В. Величко расширяет список полузнаменательных глаголов, которые включаются в структуру синтаксических фразеологизмов, тем самым вызывая регулярные изменения: *бываться, стать, становиться, делаться, сделаться, казаться, оказаться, показаться, получиться, получаться, остаться, оставаться, представляться* ('казаться'), *представиться* ('показаться') [Величко 2016: 85]: *Хорош друг оказался!, Хорош друг получился!* и т. д.

Указывают на время в таких построениях не только глаголы, но и временные показатели (лексемы с временным значением). Ср.: *Нас за это осуждают, дескать, что за бесчувственность* (Комсомольская правда, 2014.07.21); *Что за народец, не только мальчишки, но и девчонки, собраны были под одной крышей – это нужно было видеть!* (Комсомольская правда, 2014.06.13); *Что за законы нынче, мы видим* (Известия, 2014.05.20).

«Формы простого предложения – это его изменения, осуществляемые такими грамматическими средствами, которые специально предназначены для выражения объективно-модальных значений – синтаксических времён и наклонений» [Русская грамматика I: 98]. Эти формы соотносят сообщаемое с тем или иным временным планом реальной действительности (настоящим, прошедшим, будущим) или позволяют указать, что выражаемое отношение мыслится как ирреальное (возможное, желаемое, должное, требуемое). Формы предложения образуют его грамматическую парадигму [Величко 2016: 86].

В синтаксических фразеологизмах типа *Нашёл, кого слушать!* постоянный компонент в форме прошедшего времени отходит не только от лексического значения самого слова, но и от грамматического значения. Постоянный компонент выражен формой прошедшего времени – «сильной грамматической категорией» [Виноградов 1972]. В формах совершенного вида на –л исследователи, вслед за А. А. Потемней, подчеркивают значение такого прошедшего действия, результат которого остается налицо. Выражение «факта, совершившегося и пребывающего донныне» [Потемня

1958], или выражение состояния как продукта осуществленного действия, обозначение «совершившегося результата», остающегося при отсутствии противопоказаний вплоть «до момента речи», – таково основное значение формы прошедшего времени совершенного вида [Виноградов 1972].

Например: *Однако, проснувшись утром и увидев, как тот мирно посапывает на кухне, Вадим устыдился своей трусости. Нашёл кого бояться. Он просто запер дверь на два замка и ушёл* (Труд-7, 2010.07.07). Форма прошедшего времени указывает на произошедшее действие с сохранившимся результатом. В данном построении при взаимодействии с переменным компонентом глагол *нашёл* и инфинитив *бояться*, составляющий переменный компонент, обозначают соотносительность действия не только с прошедшим временем, но и с настоящим.

Такая способность форм выражать время отмечается В. В. Виноградовым: «При определении значения глагольных форм обычно указывается на способность форм прошедшего времени (совершенного вида) в отдельных случаях быть отнесёнными к сфере настоящего или будущего времени» [Виноградов 1972; Шмелёв 2002: 331]. Несмотря на то что такое временное перенесение временных форм ограничено лексически, так как в русском языке небольшое число глаголов могут реализовывать такое значение, в пределах синтаксического фразеологизма подобные реализации становятся регулярными. Это обусловлено выражением синтаксическими фразеологизмами оценочного значения или экспрессивно-иронического отрицания [Виноградов 1972; Шмелёв 2002: 331].

Продуктивными типами синтаксических фразеологизмов являются построения, переменный компонент которых выражен формой прошедшего времени глагола. Так, синтаксический фразеологизм типа *Тоже мне выступил* имеет в своём составе переменный компонент, выраженный формой прошедшего времени глагола. Представление переменного компонента таким способом позволяет отнести выражаемое значение к действию.

Синтаксические фразеологизмы, построенные по данной модели, указывают на соотнесенность действия с прошедшим временем. Ср.: *Я смотрю на неё и думаю – а как мама могла так долго сюда ходить? **Тожже мне** – нашла себя в жизни. Учитель французского языка (А. Геласимов. Жанна); **Тожже мне**, сравнили советского «принца крови» и мелкого буржуа, спроворившего себе адвокатскую корочку (Известия, 2013.07.24); **Тожже мне** нашли проблему! (Комсомольская правда, 2013.03.25); Тем более что продажа велась с ограничениями – не больше четырёх штук в одни руки. «**Тожже мне** удивили!» – хохочет спекулянт по имени Николай (Советский спорт, 2008.09.10); Я даже не могу реагировать на такую ерунду. **Тожже мне**, конфликт нашли. Сегодня ругаются, завтра помирятся – целоваться будут при встрече (Известия, 2012.06.14).*

Парадигма других времен в данном построении отсутствует, но в синтаксическом фразеологизме, где переменный компонент выражен именем существительным в форме именительного падежа, наблюдается полная временная парадигма. Действие может быть соотнесено с прошедшим временем: *Ну вдарила разок... **Тожже мне** трагедия... Думаете, случай с Мариной Охрименко из ряда вон выходящий? (Комсомольская правда, 2014.04.02); Первоначальная шумиха вокруг истории рождения двойни у звёздной пары меня просто раздражала. «**Тожже мне** событие!» – думал я, пока не взглянул на всю эту историю под другим углом (Комсомольская правда, 2013.10.18); настоящее время: Обеспечив себя и потомков на три поколения вперед, вдруг едут в глушь, за копейки берут развалившийся колхоз и пытаются «поднять село». **Тожже мне** народники! А может, романтики? (Комсомольская правда, 2013.09.09); будущее время: **Тожже мне** новость, скажете вы. Да, не новость, но об этом нужно напоминать, пока мы окончательно не поверили, что так и надо (Известия, 2012.08.01).* Показатели времени находят в контексте – глаголы в форме соответствующего времени.

В синтаксических фразеологизмах отсутствует тождество между грамматическим временем и представлениями о членении реального времени. Синтаксическое время исследуемых построений вычленяется на основе грамматических характеристик входящих в их состав видо-временных форм глагола. Однако значения, реализуемые синтаксическими фразеологизмами, часто не совпадают с их грамматическим временем. Функционируя в контексте, синтаксические фразеологизмы приобретают характеристики времени, заложенные в окружающих словах. «Синтаксическое время хотя и опирается на морфологическое время глагола, но по своей природе отличается от соответствующей морфологической категории» [Шаповалова 2000].

В работах И. Н. Кайгородовой мы встречаем понятие синтаксической идеоматизации – «сложный диахронический процесс, сущность которого состоит в асимметричном сочетании слов, когда план выражения, образованный по законам синтаксиса, не соответствует семантической целостности плана содержания. Это лингвокреативный процесс интеграции синтактико-семантической структуры предикативных образований, вызванный фразеомообразующим взаимодействием семантико-грамматических и лексических компонентов» [Кайгородова 1999: 30–31].

Синтаксическая идеоматизация обуславливает сложность определения мотивированной основы синтаксического фразеологизма. Так как значение входящих в синтаксический фразеологизм элементов стирается и трансформируется, нарушаются грамматические связи между словами в составе конструкции. Предложения, построенные на основе свободной схемы, становятся неактуальными для определения построения синтаксического фразеологизма.

1.2.2. Семантика синтаксических фразеологизмов

Синтаксические фразеологизмы, строящиеся по устоявшимся в языке фразеосхемам, имеют строго закреплённые значения. Такое определённое обобщённое фразеологизированное значение характерно для каждой модели исследуемых конструкций.

Как отмечает Н. Ю. Шведова, значение синтаксического фразеологизма не выводится из значения слов, входящих в состав фразеологизма. Это связано, в первую очередь, с тем, что элементы синтаксического фразеологизма теряют не только грамматические признаки (соотнесенность с определенной частью речи), но и семантические.

Постоянный компонент, выраженный незнаменательными частями речи и местоименными словами, десемантизируется; знаменательные части речи в составе синтаксического фразеологизма приобретают иное значение.

Семантика синтаксического фразеологизма возникает как результат переосмысления лексического и грамматического значения его постоянного компонента и его связи с переменным (свободным) компонентом, имеющей (носящей) идиоматический характер. Общее определение значения синтаксического фразеологизма должно определяться с учётом специфики этих синтаксических единиц, их синтаксической природы и роли в языке, и ориентация на современные направления изучения языка открывает путь к решению этого вопроса.

Фразеосхемы могут выражать предметное (диктумное) и оценочное (модусное) значение, то есть конструкции содержат как рациональный план содержания, так и иррациональный.

Диктумное содержание – это объективное отражение действительности, заложенное в синтаксическом фразеологизме. Синтаксические фразеологизмы, как и предложения, в отличие от слов не могут ограничиваться выражением только предметного значения.

Синтаксические фразеологизмы характерны как для устной, так и для письменной речи. Возникновение в устной речи обуславливает наличие у синтаксических фразеологизмов постоянного разговорного оттенка. Таким образом, построения стилистически маркированы, имеют модальные и эмоциональные оттенки. Такие конструкции «не несут воздействующей функции на адресата, а замкнуты в говорящем» [Акимова 1990: 83].

Так, например, синтаксические фразеологизмы, построенные по схеме *чем не* + имя существительное в форме именительного падежа, имеют значение полного соответствия предмета представлению о нём. Предложения с подобными синтаксическими фразеологизмами выражают а) высокую степень уверенности говорящего в наличии положительных качеств у предмета речи, б) удивление или ироническое неодобрение. Ср.: а) *Чем не дело?.. Завести знакомство на товарняках...* (В. Маканин. Асан); б) *Пройдитесь по улицам Лондона да Нью-Йорка, азиаты торгуют и убирают, русские и африканцы крутят баранки авто... Чем не роботы? Или рабы* (Комсомольская правда, 2014.02.27). Приведённые значения закреплены за указанной схемой, реализуются в ситуациях, когда говорящий намерен сообщить о своей уверенности в чём-либо и выразить удивление по поводу чего-либо.

Синтаксические фразеологизмы реализуют субъективную модальность. Модальность является универсальной категорией, под которой В. В. Виноградов понимал «отношение к действительности» [Виноградов 1975: 55]. Модальность представляет собой «единую синтаксическую категорию, содержанием которой является оценка тех или иных сторон отношения высказывания к действительности, устанавливаемая говорящим» [Ицкович 1958: 162; Лекант 2002: 104].

К модальным значениям в «Русской грамматике» относятся а) объективно-модальные значения (значения реальности и ирреальности – отношение того, о чём сообщается, к действительности); б) субъективно-

модальные значения (отношение говорящего к сообщаемому; в) слова (глаголы, краткие прилагательные и предикативы), своими лексическими значениями выражающие возможность, желание, долженствование, необходимость или вынужденность, предстояние, готовность; г) значения, относящиеся к сфере утверждения и отрицания, вопроса [Русская грамматика II: 214–215].

Среди субъективно-модальных значений выделяются два типа значений: оценочно-характеризующие и собственно оценочные. Оценочно-характеризующие значения заключают в себе «выражение субъективного отношения к сообщаемому с такой его характеристикой, которая может считаться несубъективной, вытекающей из самого факта события, из его качества, свойств, характера его протекания во времени или из его связей и отношений с другими фактами или событиями» [Русская грамматика II: 215].

Собственно оценочные значения целиком лежат в сфере субъективной модальности, в них включаются значения, «заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения: согласие или несогласие, принятие или непринятие (уверенное, категорическое или смягчённое, ослабленное в сочетании с эмоциональным отношением); положительную или отрицательную оценку (удовлетворение, предпочтение, одобрение или неодобрение, порицание, осуждение); разные виды волеизъявления; удивление, недоумение или непонимание; стремление уяснить или разъяснить что-либо; стремление выделить что-либо в сообщении) [Русская грамматика II: 215].

Значение иронического неодобрения синтаксических фразеологизмов можно квалифицировать как субъективно-модальное значение. Модальность является субъективной категорией, так как выражает отношение говорящего к ситуации и предмету речи, то есть исходит от оценивающей личности. В связи с этим проявлением модальности следует считать оценку, заложенную в каждом синтаксическом фразеологизме независимо от его

схемы. В отличие от других построений (простых и сложных предложений) оценочное значение принадлежит всей конструкции синтаксического фразеологизма, тогда как в предложении конструкция со значением оценки функционирует и взаимодействует с другими элементами, то есть является лишь компонентом конструкции.

Конструкции со значением оценки включают в себя объект оценки, субъект оценки, основание оценки и её характер (оценочное значение). Так как синтаксические фразеологизмы характерны для диалогической речи и служат реакцией говорящего, субъектом оценки является говорящий, объектом оценки – ситуация или предмет речи, основание для оценки находится в контексте и зависит от описываемой ситуации.

Синтаксические фразеологизмы функционируют в контексте, поэтому оценочное значение реализуется тоже в контексте. Положение актуально для синтаксических фразеологизмов типа *Хорош друг!*, *Буду / стану я тебя слушать!*, *Охота тебе работать!* и некоторых других, значение которых достоверно можно определить при наличии контекста. Исследуемые конструкции обладают максимальной структурной сжатостью, поэтому выражаемое ими оценочное значение можно установить только при наличии контекста. Для определения значения синтаксических фразеологизмов типа *Ох, уж эти мне экзамены!*, *Что за ерунда!*, *Тож же мне друг!* наличие контекста не требуется, так как компоненты таких построений максимально десемантизированы и подвержены деграмматикализации, их значение трактуется однозначно всеми участниками коммуникативного акта. Это обуславливает их использование в качестве заголовков газетных статей.

Модальные реакции говорящего обычно связаны с его эмоциональным состоянием, поэтому эмоциональность является частью модальности. В связи с этим эмоциональная экспрессия является формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что даёт основание для отнесения эмоциональной экспрессии к категории модальности.

Синтаксические фразеологизмы реализуют не только субъективную модальность, как это было отмечено выше. В них присутствует и реальный план, и субъективный план. Реальными, объективными следует считать предмет речи и ситуацию в целом, субъективным – само отношение говорящего к ним. Так, в конструкции *Когда слава о болгарской ясновидящей дошла до СССР, Венцислав возмущался: «Что за чушь у вас пишут?»* (Комсомольская правда, 2014.08.07) диктумным значением обладает сама ситуация, выраженная в контексте словами *Когда слава о болгарской ясновидящей дошла до СССР*. В данном предложении происходящее действие соотносится с временным планом – прошедшим временем, представляет собой объективное реально происходившее событие. Субъективное значение заложено в синтаксическом фразеологизме, являющимся реакцией на сообщение о данном событии, в нём заключено оценочное значение. Однако и в нём есть объективное содержание – факт, выраженный глаголом *пишут*. Именно этот факт и подвергается оценке.

В построении *Однако, проснувшись утром и увидев, как тот мирно посапывает на кухне, Вадим устыдился своей трусости. Нашёл кого бояться. Он просто запер дверь на два замка и ушёл* (Труд-7, 2010.07.07). Объективное значение заключено в ситуации и эмоции субъекта, выраженной глаголом *бояться*. Модусное значение реализуется синтаксическим фразеологизмом, реализующим иронию по отношению к поступку. Исследуемые синтаксические фразеологизмы реализуют ряд частных модальных значений ирреальности: ироническое неодобрение, порицание, возмущение, безразличие, равнодушие и др.

Синтаксические фразеологизмы являются специальными конструкциями языка, которые предназначены для того, чтобы передать в конструкции, внешне выражающей согласие, утверждение, отношение несогласия, неодобрения, иронии.

Слова в составе постоянного компонента могут менять своё значение, таким образом, например, происходит нейтрализация и реализация значения

негативной оценки или отрицания. В современном русском языке продуктивны модели построения синтаксических фразеологизмов, в которых постоянный компонент представлен словом с ложной положительной оценкой. Наиболее отчетливо это прослеживается в синтаксических фразеологизмах типа *Хорош друг!*, *Буду / стану я тебя слушать!*, *Охота тебе работать!*, *Много ты знаешь!* и др.

Данные синтаксические построения предназначены для выражения субъективно-модального значения, в них не заложена новая информация, они не являются новым сообщением, а служат лишь для оценки и реакции на сообщение говорящего.

В состав постоянного компонента в приведенных схемах входят знаменательные части речи (краткое прилагательное *хорош*, глаголы *буду*, *стану*, наречие *много* и т. д.). Постоянный компонент подвергается десемантизации, которая связана с асимметрией языкового знака, а следовательно, и с ложной положительной оценкой.

В. Г. Гак полагал, что языковая асимметрия заключается в различении ядра–периферии, а также в расхождении между означающим и означаемым, последнее можно наблюдать в синтаксических фразеологизмах.

Значение прилагательного *хорош* нейтрализуется, обобщается до значения негативной оценки или вовсе отрицания. Ср.: *Хорош свидетель, на основании показаний которого Ликуся загремела за решетку!* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Это чисто джентльменский договор. «Хорош джентльмен!» – подумал я, сжимая кулак в узком кармане кожаных брюк.* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь); *Уехал в день решающего матча? Хорош, нечего сказать! А Медузия, надеюсь, здесь?* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона); *Хорош, ничего не скажешь, этот Верховный Совет, если его фашисты охраняют!* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); *Степаша запаздывал, а матушка его несла что-то с Дону, с моря... занимала время. Тоже хороша, ничего не скажешь. Та ещё штучка* (А. Волос. Недвижимость).

Синтаксический фразеологизм с постоянным компонентом кратким прилагательным *хорош* может реализовать значение негативной оценки предмета речи, который формально оценивается положительно, в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением; а также значение несогласия, отрицания факта, который формально утверждается и положительно оценивается, в сочетании с недоверием, неодобрением, пренебрежением, насмешкой.

Наречие *много* ('в большом количестве, в значительной степени; не мало') десемантизируется в структуре синтаксического фразеологизма. Слово *много* в структуре синтаксического фразеологизма приобретает обратное значение ('мало') и влияет на семантику переменного компонента, которая под воздействием тоже меняется на противоположную. Ср.: *Много ты знаешь, кто чего может придумать или не может* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1). Интерпретировать значение такого построения возможно двумя способами, которые будут означать следующее: 1) *Ты мало знаешь о том, что ...* ; 2) *Ты много не знаешь о том, что ...* . Высказывание содержит оценку говорящим предмета речи как абсолютно не удовлетворяющего какому-либо признаку в сочетании с безразличием, равнодушием и т. п. Ср.: «*И потом, ты не медийное лицо*». «*Много ты понимаешь. Медийное-шмедийное...*» (М. Трауб. Не вся la vie); *Много ты сама можешь! Говорит, я её не пускаю* (Комсомольская правда, 2013.02.01).

Формально реализуется ложная положительная оценка предмета речи. Однако адресат речи оценивается говорящим как обладатель самой низкой степени признака – 'абсолютно ничего не знающий, не думающий, не понимающий'. При этом оценка содержится в постоянном компоненте – наречии, которое формально является показателем проявления высшей степени какого-либо признака. «Чаще всего это не насмешка, а просто фамильярное «отрицание» или грубое возражение» [Шмелёв 2002: 320].

Ложная положительная оценка может заключаться в синтаксических фразеологизмах, постоянным компонентом в которых является глагол.

Например, синтаксические фразеологизмы, построенные по схеме *Буду / стану* + инфинитив, формально представляют собой согласие говорящего с чем-либо и абсолютное намерение что-либо совершить, однако в таких построениях реализуется значение отрицательного отношения говорящего к ситуации и предмету речи. Ср.: *Стану я время терять! Достаточно сходить на дюжину свиданий, чтобы узнать о мужчинах всё* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона); *Ни в какой комитет комсомола я, разумеется, не пошла – ещё чего? Буду я доносить! Дала отпор – и прекрасно* (Н. Катерли. Сквозь сумрак бытия).

Слова *стану, буду* в ироническом употреблении означают ‘совершенно не намерен’. Значение реализуется без использования отрицательных средств (*не буду, не стану*). Внешне реализуя утверждение, они имеют значение иронического отрицания.

Ложная положительная оценка реализуется в синтаксических фразеологизмах, построенных и по иным схемам. Например, в конструкциях типа *Надо (же)* + инфинитив прямое лексическое значение модального слова утрачивается. *Надо* (‘следует, необходимо’) в структуре синтаксического фразеологизма приобретает значение, близкое слову *неужели* или *зачем, почему*. Ср.: *И надо же было так случиться, что именно этот, в общем, здоровый парень упал в самый решающий момент, не удержав лагу, и та неожиданно выскользнула из-под камня* (В. Быков. Камень); *И надо же случиться такому совпадению: великий вождь сянби Танишхай умирает через год после смерти императора Марка Аврелия!* (С. Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180).

Модальное слово может приобретать обратное значение (‘не надо’), но при этом схема построения иная – *Очень / больно надо* + инфинитив – в русском языке она продуктивна в измененном виде (без переменного компонента): *На самом деле мне все равно, но вдруг дойдет до моих родителей, начнут расстраиваться, очень надо!* (А. Слаповский. Большая книга перемен); *Чтобы за прогулку в шортах камнями закидали? Очень*

надо! (Комсомольская правда, 2012.06.25); *Вот ещё, яичницы жарить, носки стирать каждый день, да ещё критику слушать, больно надо!* (Комсомольская правда, 2011.07.18). В последнем примере употреблены глаголы *жарить, стирать, слушать*. По мнению Д. Н. Шмелёва, именно глаголы в форме несовершенного вида «поддерживают» ироническое отрицание, которое создается интонацией и противоречит логическому содержанию высказывания [Шмелёв 2002: 315].

Одно из возможных значений, которое реализуется в синтаксических фразеологизмах данного типа, – это значение негативной оценки, удивления, неодобрения, недовольства, сожаления, огорчения, досады. В «Русской грамматике» это значение сформулировано следующим образом: неодобрение, недовольство, сожаление по поводу неуместности или незакономерности чего-либо [Русская грамматика II: 217].

Десемантизация постоянного компонента прослеживается и в синтаксических фразеологизмах типа *Охота* + инфинитив. Ср.: *Охота тебе эксперименты проводить... я тебе и так верю* (А. Слаповский. Синдром Феникса); *Да охота вам там колготиться почем зря* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы). В таких построениях слово *охота* изменяет своё закрепившееся в русском языке значение ‘хочется’. Однако для реализации семантики экспрессивного отрицания необходимости, желательности слово не меняет своё значение на противоположное (‘не хочется’), а приобретает абсолютно иное – ‘зачем, к чему, с какой стати’ [Шмелёв 2002: 317].

Однако В. Ю. Меликян отмечает реализацию данным фразеологизмом следующих значений: 1) отрицание необходимости какого-либо факта, о котором формально спрашивается: «не следует», «не стоит», «не делай», «не буду делать что-либо»; в сочетании с несогласием, неодобрением, осуждением, порицанием, возмущением; 2) негативная оценка факта, о котором формально спрашивается, его оценка как нецелесообразного, ненужного, бесплодного в сочетании с неодобрением, порицанием, огорчением, удивлением [Меликян 2013: 65]. Второе значение близко

выделяемому Д. Н. Шмелёвым, а первое является подтверждением факта реализации в синтаксических фразеологизмах ложной положительной оценки, асимметрии между означаемым и означающим.

Оценочное значение синтаксических фразеологизмов обусловлено не только полной или частичной десемантизацией постоянного компонента, но и определенным порядком слов, когда на первое место выносятся постоянный компонент, интонацией. Асимметрия плана содержания и плана выражения обуславливает неизменный порядок следования компонентов синтаксических фразеологизмов.

Значение, которое приобретает слово, актуально только в структуре синтаксического фразеологизма при реализации схем построения. Формальная невыраженность такого значения отрицания или негативной оценки является проявлением признака, присущего всем фразеологическим единицам, – идиоматичности.

Л. Витгенштейн высказывает мнение о том, что «только предложение имеет смысл, только в контексте предложения имя обладает значением» [Витгенштейн 1958: 39]. Синтаксический фразеологизм приобретает значение только при реализации и употреблении в конкретном предложении, обуславливающим определённый порядок слов и лексическое содержание конструкции.

Так, рассматриваемые нами синтаксические фразеологизмы реализуют семантику иронического неодобрения «скрытно». То есть заложенная семантика выражается не лексическими компонентами, которые для этого предназначены в языке, а конструкцией в целом. Конструкция каждого синтаксического фразеологизма подчинена выражению конкретного значения. Именно поэтому в словарях нередко фиксируются рассматриваемые синтаксические фразеологизмы.

Например, в словарях зафиксированы конструкции вида 1) *Мало ли что говорят!* ((разг.) неважно, несущественно, что... *Мало ли что устали, отдохнуть некогда* [ТСО: 338]) 2) *Хорош друг!* (обычно краткая форма

употребляется в реплике, имеющей значение возражения, отрицания чего-нибудь, а также вообще при выражении иронического отношения к кому-чему-нибудь (разг.). *Хорош учёный!* [ТСО: 865]; 3) **Что за...** и **Какой** ((разг.) в ответной реплике обозначает отрицание, 'никакой, совсем не': *Что за чудак! Что он за советчик?* (т. е. плохой советчик), *Что за ерунда!* [ТСО: 885]; *Какой он знаток!* (т. е. совсем не знаток) [ТСО: 262]); **Нет того чтобы...** (*нет чтобы..., нет бы...*), ((разг.) надо бы, но не сделано (не делается)). *Нет (того) чтобы (нет бы) помочь: сидит сложа руки* [ТСО: 412] и т. д.

В подобных конструкциях реализуется отрицание, говорящий не соглашается с ситуацией или предметом речи, являющимися «неприемлемыми с точки зрения рациональных, эмоциональных, этических, эстетических установок» [Канафьева 2011: 34].

В синтаксических фразеологизмах, реализующих оценку говорящим предмета речи и ситуации в целом, ироническое неодобрение является обобщающей квалификацией. То есть внутри категории оценки, в данном случае иронического неодобрения, заключаются другие значения и их оттенки.

1.2.3. Признаки синтаксических фразеологизмов

Синтаксические фразеологизмы, являясь особенными построениями современного русского языка, обладают рядом признаков: нечленимостью, воспроизводимостью, устойчивостью, структурно-семантической целостностью, идиоматичностью.

Учитывая тот факт, что во фразеологизме (фразеологической единице, фразеологическом обороте) взаимодействуют единицы разных уровней: фонетического, словообразовательного, семантического и грамматического,

в синтаксическом фразеологизме добавляется ещё один уровень – синтаксический.

Предложения фразеологизированной структуры как языковой феномен характеризуются тем, что они обладают теми же признаками, что и все фразеологические единицы (семантическая несвобода, устойчивость и воспроизводимость), но эти признаки реализуются в них по-другому, в соответствии со спецификой уровня языка, к которому они относятся, т. е. синтаксиса. Основопологающим отличительным признаком синтаксических фразеологизмов является то, что их грамматическая природа имеет двойственный характер: они являются фразеологическими единицами и в то же время обладают основными грамматическими признаками предложения. В соответствии с этим синтаксические фразеологизмы образуются компонентами двух видов, имеющими разную природу, – постоянными и переменными (свободными) [Величко 2017: 14].

В русском языке выделяют два типа предложений на основе их членимости: членимые и нечленимые. Синтаксические фразеологизмы относятся ко второму типу. Построения типа *Вы хотите в отпуске поехать на Байкал? – Ну как не хотеть?* рассматриваются как нечленимые предложения, обладающие номинативной семантикой, выраженные фразеологизированной конструкцией [Акимова 2009: 106]. **Нечленимость** синтаксических фразеологизмов обнаруживается в плане синтаксиса, морфологии, лексики и семантики. Нечленимость проявляет себя как невозможность разделения синтаксического фразеологизма на простые структуры, то есть в синтаксическом фразеологизме нельзя выделить, например, члены предложения

Воспроизводимость во фразеологии трактуется как способность фразеологической единицы не строиться каждый раз заново, а воспроизводиться в речи в готовом виде. Такое определение полностью нельзя применить к синтаксическим фразеологизмам. Воспроизводимость синтаксического фразеологизма понимается как возможность его построения

на основе готовой модели. Синтаксический фразеологизм не создается заново при каждом употреблении в речи, а лишь меняет своё наполнение, то есть воспроизводит готовую схему. Такое наполнение возможно за счёт лексически свободного переменного компонента.

В. И. Кодухов отмечает, что «в синтаксическом фразеологизме, в отличие от лексического, ограничения возникают под влиянием не какой-либо лексемы, а семантико-грамматического фактора, то есть целый класс (разряд, группа) семантически однородных слов специализируют синтаксическую модель» [Кодухов 1967: 129].

Устойчивость синтаксического фразеологизма определяется наличием двух обязательных компонентов структурной схемы построения (постоянного и переменного компонентов), а также строго закреплённого порядка их следования. Устойчивость предполагает невозможность грамматического и лексического варьирования постоянного компонента, но предусматривает морфологическое варьирование переменного компонента. За каждой моделью синтаксических фразеологизмов закреплён порядок следования компонентов и их грамматические характеристики. В синтаксических фразеологизмах, построенных по модели *какой* + существительное или инфинитив препозицию занимает постоянный компонент *какой*, а переменный компонент морфологически и лексически варьируем. Ср.: *Школьники сами шли за полицейскими к автозаку, как за строгим завучем. Какой там протест, так, адреналин юношеский... И это, конечно же, к лучшему* (Комсомольская правда, 2013.10.15); *После семи воспалений легких, двух клинических смертей и с палочками Коха. Эстафета. Какой там – умирать! Некогда мне было* (Комсомольская правда, 2012.12.24).

Синтаксические фразеологизмы являются **структурно-семантически целостностными**. Модель построения синтаксического фразеологизма неизменна, если же трансформация происходит, то она не меняет лексического значения синтаксического фразеологизма в целом. За каждой

фразеосхемой закреплено одно или несколько реализуемых значений в зависимости от контекста, в котором употребляется синтаксический фразеологизм, в зависимости от цели коммуникации. Таким образом, каждый синтаксический фразеологизм имеет обобщённое фразеологизированное значение.

Синтаксические фразеологизмы, как и фразеологические единицы, **обладают идиоматичностью**. Идиоматичность фразеологических единиц определяется как «смысловая неразложимость фразеологизма на значения слов-компонентов, его составляющих, и как следствие – невыводимость / выводимость значения единицы в целом из значения её частей» [Бабайцева 2008: 325]. Такое свойство синтаксического фразеологизма, как идиоматичность, проявляется в том, что значение, которое реализует синтаксический фразеологизм, формально не выражено. План содержания и план выражения не идентичны, значение синтаксического фразеологизма не складывается из значений входящих в него элементов. Сама синтаксическая конструкция максимально упрощена, семантический план, наоборот, усложнён.

Как известно, языковой знак является асимметричным, так как некоторые значения в его структуре являются имплицитными. Таким образом, у синтаксического фразеологизма появляются скрытые значения, которые могут реализоваться в конструкции только с заданным порядком следования компонентов [Бурдина 1987: 37].

Данный признак синтаксических фразеологизмов обусловлен тем, что в связи с активными процессами, происходящими в языке, высказывание обладает новым свойством – максимальной информационной насыщенностью в границах сжатой структуры. Это объясняется и тем, что в современном русском языке некоторые грамматические формы оказались «перегружены значениями» [Панов 1968: 15; Меликян 2013: 54]. . Одним из способов избавления от этого явления «оказалось перераспределение значений, такое их размежевание по разным

грамматическим формам, которое уменьшает семантическую перегруженность отдельных форм; особенно если одна из перегруженных форм имела значения, свойственные другой форме» [Панов 1968: 15; Меликян 2013: 54].

В синтаксическом фразеологизме значение характерно не для каждого входящего в него элемента, а для всей конструкции. В составе синтаксического фразеологизма значения постоянного и переменного компонентов нейтрализуются, компоненты образуют целостное значение. Например, конструкцией *нет чтобы* + инфинитив реализуется значение отрицания акта, который формально утверждается. Данное значение невозможно выявить на основе анализа входящих в него элементов: *нет чтобы* и инфинитива: ***Нет чтобы поспать лишние пять часов перед экзаменом*** (Комсомольская правда, 2013.05.27). В синтаксическом фразеологизме, построенном по схеме *мало ли* + *что* + инфинитив, значение синтаксического фразеологизма не вычленяется из значения наречия *мало*, частицы *ли*, местоимения и переменного компонента (инфинитива). Значение конструкции – отношение к предмету речи как к несущественному: ***Ну мало ли что вы имели в виду!*** (Комсомольская правда, 2013.10.12).

Синтаксические фразеологизмы обладают **предикативностью**. Это значение образуется общими значениями синтаксических времён (настоящего, прошедшего, будущего) и наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного), которые имеют специальные средства выражения и выявляются в формах предложения. Особенности синтаксического времени синтаксических фразеологизмов рассмотрены выше.

1.2.4. Интонационное оформление синтаксических фразеологизмов в современном русском языке

В «Русской грамматике» синтаксические фразеологизмы характеризуются как построения, имеющие определённый порядок слов и значение. В связи с этим можно предположить, что описание интонационного оформления при анализе синтаксических фразеологизмов излишне, однако это не является достоверным. Синтаксические фразеологизмы зарождаются в устной речи, следовательно, необходимым аспектом их описания является анализ их интонационного оформления.

Под интонацией подразумевается «звуковое средство языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективное отношение к высказываемому» [Русская грамматика I: 96]. «В любом предложении интонация выполняет объединяющую роль и служит средством выражения модально-предикативных значений. Законченность интонации определяет его как коммуникативную единицу» [Меликян 2004: 126].

В структуре синтаксического фразеологизма интонация неразрывно связана с семантикой и синтаксическим устройством конструкции. Интонация передаёт значение, значит, интонация обладает значением. В синтаксических фразеологизмах интонация может передавать модальность – отношение говорящего к содержанию высказывания, собеседнику, ситуации, а также может передавать различные эмоции. Это обусловлено одним из назначений синтаксических фразеологизмов – оказывать эмоциональное воздействие на адресата. По словам А. М. Пешковского, «выражение эмоциональной стороны речи» является основной функцией интонации [Пешковский 1928: 458].

Природа синтаксических фразеологизмов – разговорная речь. Для разговорной речи характерно использование интонационных средств, «нередко «смещающих» прямую семантику слов и словосочетаний» [Шмелёв 2002: 311], интонация способна придать слову отрицательное значение [Ясперсен 1929: 129–130], изменить положительную оценку на отрицательную и т. д.

Субъективно-модальное значение в определённой речевой ситуации может быть выражено только интонацией. Рассмотрим это на примере синтаксического фразеологизма *Хорош друг!*. Данное высказывание при заданном порядке слов может иметь несколько значений. Первое, прямое значение, наделение предмета речи (*друга*) положительными качествами, соответствующими определению слова *хороший*. В синтаксическом фразеологизме используется ИК-7.

Субъективно-модальное значение синтаксического фразеологизма выражается только интонацией: *Хорош друг!* (ИК-5) – положительная оценка, восхищение; *Хорош друг!* (ИК-7) – негативная оценка, пренебрежение. Интерпретировать рассмотренный пример можно и таким образом, что интонация отличает синтаксический фразеологизм от омонимичного ему предложения нефразеологизированной структуры. В данном типе синтаксических фразеологизмов как и в типе *Какой там друг!* наблюдается явление многозначности, наличия различных оттенков оценки. При таком условии интонация является основным различительным признаком (при отсутствии контекста). Если же конструкция понимается однозначно, то интонация лишь сопровождает высказывание. «Чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть его грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения)» [Брызгунова 1971: 43; Пешковский 1928: 458].

В процессе коммуникации интонация способствует организации передачи говорящим определённой информации и получению на неё соответствующей реакции, а также правильной интерпретации информации.

Субъективно-модальное значение высказывания может быть выражено в основном синтаксическими и словесными средствами, интонация при этом усиливает это значение и осложняет его дополнительными оттенками. Подчеркивается ирония, неодобрение, интенсивность оценки, выделяется какой-либо компонент и т. д.

Как отмечает Е. А. Брызгунова, «субъективно-модальное значение может быть выражено преимущественно словесными и синтаксическими средствами, и тогда роль интонации сводится к усилению такого значения или к осложнению его дополнительными оттенками» [Брызгунова 1980: 231].

Синтаксический фразеологизм типа *Какой там друг!* имеет ИК-5, которая характеризуется плавным восходяще-нисходящим тоном на гласном первого и второго центров, передает иронию при отрицании. Синтаксические фразеологизмы типа *Мало ли что говорят!* Имеют интонационную конструкцию ИК-2. Центр интонационной конструкции приходится на переменный компонент. Модальная реализация передает недовольство, несогласие с собеседником.

Однако синтаксический фразеологизм может иметь разные интонационные конструкции, то есть интонационный центр может смещаться: *Нет, чтобы помочь мне!*, *Нет, чтобы помóчь мне!*; *Мало ли что говорят!*, *Мáло ли что говорят!* и т. д. Синтаксический фразеологизм типа *Стану я тебя слушать!* может быть произнесён с разной интонацией, от чего будет зависеть значение, выражаемое конструкцией. Высказывание может иметь положительное значение, складывающееся из входящих в состав элементов, а может приобретать значение насмешливого отрицания. При этом определить тип интонационной конструкции возможно только при наличии контекста.

Продуктивным типом интонационных конструкций в синтаксических фразеологизмах является ИК-7, употребляющийся при возникновении у высказывания дополнительных семантических оттенков, свидетельствует о наличии отрицательного, негативного значения, значения невозможности, нежелательности и т. д.

При анализе синтаксических фразеологизмов справедливым считается положение Д. Н. Шмелёва о том, что «употребление слова в интонационно обусловленной конструкции в отдельных случаях способствует возникновению у слова нового значения» [Шмелёв 2002: 317], такое значение реализуется только в пределах синтаксического фразеологизма определённой модели.

Следует отметить, что некоторыми исследователями, например Н. Д. Светозаровой (1991), подобные конструкции называются интонационными фразеологизмами. Считается, что интонационные фразеологизмы – это такие структуры, семантика которых формируется и определяется исключительно благодаря их интонационным особенностям (*Много ты понимаешь!*, *Нашёл, куда поехать!*, *Приехали!*, *Надо же* и т. д.). В одном из последних исследований называются основные характеристики подобных конструкций: 1) первостепенная значимость интонационно-просодических средств в формировании коммуникативного значения; 2) устойчивость, фразеологизированность; 3) особая фразеологическая семантика; 4) эмотивность как непосредственное выражение (а не описание) эмоционального отношения; 5) преобладание модусной пропозиции (отсутствие диктума, объективного содержания); 6) семантическая нечленимость и отсутствие грамматического значения; 7) стремление к самостоятельной позиции в качестве отдельной реплики и т. д. [Архипецкая: 2012].

Как видим, признаки таких фразеологизмов соотносятся с основными свойствами синтаксических фразеологизмов. Однако под заданное определение и признаки авторами зачисляются различные по структуре

конструкции: *Вот это да!*, *Ага!*, *Держи карман шире!*, *Тоже мне!*, *Много он знает!* и т. д.

Описание интонационного оформления – важный аспект при анализе синтаксических фразеологизмов, определения их значения и его оттенков, субъективно-модальных значений. При этом интонационное оформление исследуемых конструкций вариативно, что проявляется в возможности произносить одно и то же высказывание по-разному. Значение, заложенное в синтаксических фразеологизмах, не изменяется.

При многоаспектном описании синтаксических фразеологизмов мы не анализируем конструкции с точки зрения их интонационного оформления, что обусловлено рядом причин: интонация не является определяющим механизмом создания модального значения иронического неодобрения; материалом исследования служит сфера письменной речи, поэтому для определения семантики синтаксических фразеологизмов важен анализ контекста.

1.3. Функционирование синтаксических фразеологизмов в современном русском языке

Синтаксические фразеологизмы отражают специфику языка, языкового мышления коммуникантов, стратегии общения между людьми, а также уровень эмоциональности носителей того или иного языка. По мнению В. Г. Белинского, фразеологический фонд или фразеологический состав языка – это «неисчерпаемое богатство идиомов», которые составляют «народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство» [Белинский 1954: 151; Меликян 2013: 53].

Как известно, язык является показателем развития общества, все изменения, происходящие в общественно-политической, социально-

экономической и культурной сферах, находят своё отражение в языке. На данный момент в нём наблюдается процесс демократизации, который является следствием демократизации общества в целом.

Демократизация – один из важных процессов, который проявляется во взаимодействии литературного языка с нелитературным (или отдельными его элементами), снятии некоторых норм литературного языка, либерализации, взаимопроникновении функциональных систем языка. Человек в таком «новом» обществе ищет пути самореализации и демонстрации индивидуальности, первое, что изменяется при таком поиске, – это язык, в котором происходят активные процессы.

Демократизация литературного языка – модификация языковых норм, проводимая с целью приблизить кодифицированный язык к узусу в случае их сильного расхождения [СЛТ].

Тенденция к демократизации языка обуславливается сближением устной и письменной форм речи, формированием письменного варианта устной речи [Костомаров 1994: 7–8]. Демократизация ведёт к экономии речевых усилий, трансформации структуры предложения, грамматикализации и десемантизации отдельных компонентов предложения, наделению предложений дополнительной экспрессией, а порой и сниженной стилистической маркированностью. Такая трансформация затрагивает все уровни языка, в том числе и синтаксический уровень.

На примере синтаксических фразеологизмов можно увидеть, как в письменную речь проникают разговорные междометия, эллиптированные конструкции, стилистически сниженные элементы. Синтаксические фразеологизмы свидетельствуют об экспрессивности высказывания, его оценочности, ироничности.

Рассматриваемые нами конструкции имеют высокую степень распространенности в разговорной речи, которая чаще всего прибегает к клишированным, иногда усечённым конструкциям

и деграмматикализованным формам, которые всплывают в языковом сознании как готовые реакции на типовые ситуации [Меликян 2013: 118].

Процесс демократизации языка наиболее заметен в речи разговорной и в языке средств массовой информации, в отдельных его жанрах – интервью. А, как известно, синтаксические фразеологизмы наиболее распространены в разговорной речи (диалогах). Этот факт определил сферу поиска языкового материала исследования.

Русский разговорный язык обладает особенностями: неподготовленностью акта коммуникации, непринужденностью акта коммуникации, непосредственным участием говорящих в акте коммуникации [Земская 1979: 5], что обуславливает возникновение в нём конструкций, которые имеют какую-либо модель построения схему, к таким конструкциям относятся синтаксические фразеологизмы. Такие конструкции свидетельствуют о двух тенденциях: «тенденции к свободе построения единиц и тенденции к речевому автоматизму» [Земская 1979: 6].

Происходящие в XXI веке общественные глубокие преобразования всего бытия и мышления человека, по мнению политиков и ученых, по-разному определяющих новое мышление, которое, опираясь на диалог как стиль общения, преобразует личность: сообщает ей неутолимую жажду познания, равно направленную и на современность, и на будущее природы и общества, сходятся в одном, что основой бытия и мышления человека выступает диалог [Каллаева 2013: 132–135].

Появление синтаксических фразеологизмов в речи является преднамеренным явлением. Согласно концепции М. М. Бахтина, при построении собственного высказывания говорящий предугадывает возможный вариант ответа и возможность ответа вообще. Учитывая особенности собеседника, говорящий выбирает не только смысловое содержание сообщения, но и его построение, в том числе выбор тех или иных синтаксических конструкций.

М. М. Бахтину принадлежит мнение о том, что диалогические отношения представляют собой «почти универсальное явление, пронизывающее все отношения человеческой жизни». Диалог при этом не просто средство, а существование человека, поскольку «быть – значит общаться диалогически <...> Диалог – это спор, конфронтация, поиск истины, однако истины событийной, контекстовой. Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [Каллаева 2013: 132–135].

«Высказывание, с одной стороны, охватывает те явления действительности, которые настолько привлекли наше внимание, что мы хотим о них что-то сказать, с другой – выражает наше отношение к этой действительности. Это два основных момента каждого высказывания, а вместе с тем также и проявление двух основных актов, на базе которых возникает высказывание, – акта назывного, или номинативного, и акта формообразующего. Наша речь, однако, уже до такой степени автоматизирована, что мы эти два акта, как правило, не замечаем» [Матезиус 1967: 447].

Согласно учению Л. П. Якубинского «О диалогической речи» [Якубинский 1986], речевое взаимодействие, речевой обмен, любой диалог состоит из определенного набора шаблонов, воспроизводимых в готовом виде, или частично наполняемых конструкций.

Подобные шаблоны говорящий не замечает в процессе коммуникации, так как они являются рефлексивными и привычными. Синтаксические фразеологизмы также являются своего рода шаблоном, шаблонным речевым проявлением, который мы воспроизводим в речи и наполняем содержанием в зависимости от коммуникативной ситуации. Для определённой коммуникативной ситуации существуют шаблоны (схемы), которые являются уместными при выражении той или иной реакции.

Появление синтаксических фразеологизмов происходит в условиях устной речи благодаря действию некоторых «универсальных принципов

организации устного высказывания» [Меликян 2002: 17]. Как указывает В. Ю. Меликян, действие принципа отсутствия предварительного обдумывания <...> обуславливает продуцирование в речи построений, с одной стороны, с немотивированной, неясной синтаксической организацией, слабооформленных, с другой – устойчивых, автоматически воспроизводимых в речи в виде готовых форм» [Меликян 2002: 17].

Не следует говорить о том, что усечённые или шаблонные конструкции употребляются в разговорной речи только для создания экспрессии. Использование разговорной речью (в рамках диалога) таких конструкций, как синтаксические фразеологизмы, обусловлено двумя факторами, по замечанию Е. А. Земской: тенденцией к экспрессивности и тенденцией к регулярности. «Свободное производство единиц разных уровней может иметь целенаправленный характер, то есть порождаться установкой на форму; в таком случае реализуется тенденция к экспрессивности. Свободное производство единиц разных уровней может быть вызвано автоматическим характером протекания речевого акта и являться, таким образом, непреднамеренной реализацией возможностей, заложенных в языковой системе, т. е. реализовать тенденцию к регулярности» [Земская 1979: 10]. То есть определённая ситуация является условием для использования определённого типа синтаксических фразеологизмов.

Так, при выражении несогласия с положительной характеристикой предмета речи в коммуникативном акте в качестве реакции на сообщение могут быть использованы синтаксические фразеологизмы типа *Хорош друг!*, *Какой там друг!*, *Тоже мне друг!*, являющиеся взаимозаменяемыми в определённой речевой ситуации.

В отличие от письменно-книжной при разговорной речи используется интонация, мимика, жесты, присутствует ситуация общения, накладывающие на высказывание дополнительные смыслы. Разговорная речь имеет «лексико-фразеологические особенности, синтаксические и интонационные своеобразия» [Виноградов 1955: 60–87].

Синтаксические фразеологизмы представляют собой «речения, обязанные своим возникновением принципу автоматизма речи» [Меликян 2001: 55; Лаптева 1976: 124], «они появляются в речевом потоке в условиях высокочастотных повторяющихся ситуаций (ситуативный сигнал, вызывающий их, также стандартен)» [Меликян 2001: 55]. В свою очередь, автоматизм речевого поведения человека (как и других видов поведения) обусловлен социальным фактором, связанным с тем, что человек не должен и не может находиться «в изоляции», необходима постоянная коммуникация. Также синтаксические фразеологизмы обусловлены принципом экономии речевых усилий, предусматривающим сокращение высказываний (свободных и фразеологизированных) до конструкций минимального размера. «Принцип экономии языковой работы» является ведущим фактором при организации устно-разговорной формы речи. Он выступает причиной стандартизации речи, которая предполагает «ограничение разнообразия». Такое мнение высказано в работах Л. Б. Матевосян и В. Ю. Меликяна [Меликян 2004; Меликян 2001: 26; Матевосян 1997: 96].

Разговорная речь находит применение и фиксируется в текстах различных жанров. Её отражение находим в публицистических и художественных текстах. Подтверждением этого служит мнение Н. Ю. Шведовой о том, что «в современной газетной речи ярко отражается тенденция к проникновению в письменную речь разнообразных структур предложений, свойственных разговорной и, шире, вообще говоримой речи, непосредственному общению» [Шведова 1966: 140]. Таким образом, синтаксические фразеологизмы становятся неотъемлемой частью не только устной, но и письменной речи.

1.3.1. Функционирование синтаксических фразеологизмов в тексте

Текст всегда связан с речевой коммуникацией, предназначен для реализации цели общения. В лингвистике и литературоведении существует большое число определений понятия «текст». Б. А. Абрамов характеризует текст как «продукт речемыслительной деятельности людей, возникающей и в процессе познания окружающей действительности, и в процессе непосредственной и опосредованной коммуникации» [Абрамов 1974: 1–4].

В понимании И. Р. Гальперина, «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

В подходах В. А. Лукина текст – это «сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структуры» [Лукин 1999: 5].

Исследование явления синтаксических фразеологизмов не может ограничиваться контекстом (текстом, в котором функционирует конструкция). Необходим учёт и экстралингвистической информации, то есть анализ выходит за рамки текста.

Текст рассматривается как высказывание, включённое в цепь культуры, т. е. в широком контексте культуры прошлого, настоящего и будущего. В своей незаконченной работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа» М. М. Бахтин

пишет о том, что нет объекта для исследования, если нет текста. Текст (письменный и устный) в его представлении является практически «уникальной, неповторимой и единственной формой заявления о себе, обнаружения себя вовне «мыслящей субстанцией» [Бахтин 1996: 282–283]. С точки зрения М. М. Бахтина, любой текст уникален и неповторим, именно в этом заключается его замысел. Также М. М. Бахтину принадлежит мнение о том, что любое высказывание является диалогичным по своей природе.

Таким образом, диалог (диалогическое сознание) ориентирован на межличностную и межкультурную коммуникацию, а также на освоение чужого опыта, что создает условия для творческой деятельности, направленной на понимание чужой культуры.

При этом диалогичность текста рассматривается философом как «цепочка реакций субъекта на воспринимаемый текст, за которым стоит отражающая его культура» [Бахтин 1996: 467].

В качестве материала для нашего исследования берётся современная литература и публицистика, так как у представленных в них текстах не разорваны связи с эпохой, в которых они создавались и продолжают создаваться. Мы можем сделать достоверные выводы о статусе синтаксических фразеологизмов в современном русском языке именно на этом материале, на этих текстах. Л. Н. Мурзин рассматривал текст не просто как «продукт речевой деятельности, но и как сам процесс создания продукта». Учёный обращал внимание на то, что текст «не существует вне нашего сознания, вне процессов порождения и восприятия. Следовательно, текст по своей природе процессуален и динамичен. Это и результат нашей речевой деятельности, и в то же время сама деятельность» [Мурзин 1991: 3].

При анализе синтаксических фразеологизмов важно понять внутреннее устройство текста и анализ взаимодействия синтаксических фразеологизмов с другими элементами, а также факторы, влияющие на производство данного текста (действующие в современном русском языке законы речевой

экономии, активные процессы, факторы среды). Мы акцентируем внимание на коммуникативной организации любого текста, на связи текста и коммуникации, речи, на социальных факторах и условиях, в которых создаётся текст.

Являясь порождением разговорной речи, синтаксические фразеологизмы с одной стороны имеют диалогическую природу, потому что создаются как высказывания, речевой акт; с другой стороны, имея закреплённый порядок следования компонентов, устоявшуюся семантику и зависимость от окружающего контекста, употребляясь в письменных текстах, являются единицами текстовой природы.

Синтаксические фразеологизмы функционируют как полноценная единица синтаксиса. Являясь частью предложения или предложением, синтаксические фразеологизмы связаны с контекстом. Значение синтаксического фразеологизма связано со значением окружающих его единиц. Контекст, являясь частью какой-либо действительности (текста), обуславливает возникновение и реализацию значения синтаксических фразеологизмов.

Синтаксические фразеологизмы, как и любая синтаксическая конструкция, существует для того, чтобы передать некоторый смысл. Реализовать своё значение исследуемые конструкции не могут в изоляции от других единиц языка. Необходимым условием для функционирования синтаксических фразеологизмов в их регулярных значениях является контекст. Именно в контексте возможны сдвиги в лексическом и грамматическом значениях, ведущие к возможности появления синтаксических фразеологизмов. Контекст (*лат. contextus* – тесная связь, соединение) 1) законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи (текста), дающий возможность точно установить значение отдельного входящего в него слова или предложения; 2) условия употребления данной языковой единицы в речи (языковое окружение, а в широком смысле также

ситуация речевого общения) [ССЛТ]. Контекст – условие для возникновения синтаксического фразеологизма и условие для установления его значения.

Некоторые лингвисты (Л. С. Бархударов) различают узкий контекст (или «микрконтекст») и широкий контекст (или «макрконтекст»). Под узким контекстом синтаксического фразеологизма понимается контекст предложения, то есть лингвистические единицы, окружающие его в пределах предложения. Под широким контекстом подразумевается языковое окружение синтаксического фразеологизма за рамками предложения. Это является текстовым контекстом, то есть совокупностью языковых единиц, окружающих синтаксический фразеологизм вне предложения, то есть в окружающих его предложениях. Границы широкого контекста нельзя указать с точностью. Это может быть контекст нескольких предложений, абзац, глава или целое произведение [Бахтин 1996].

В границах узкого контекста выделяются синтаксический и лексический контексты. «Синтаксический контекст – это та синтаксическая конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или (придаточное) предложение. Лексический контекст – это совокупность конкретных лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых встречается данная единица» [Бахтин 1996].

Таким образом, для синтаксического фразеологизма контекстом являются как слова, которые окружают конструкцию, так и предложения текста. Однако для понимания синтаксического фразеологизма необходим экстралингвистический контекст. Учитывая употребление исследуемых конструкций в качестве реакции на предмет или ситуацию в целом, для правильного истолкования синтаксического фразеологизма и отличия от других конструкций необходимы сведения об экстралингвистической ситуации (ситуации общения, предмете сообщения и участниках коммуникации). Термин «контекст ситуации» введён Дж. Ферсом [Firth 1957].

Контекст позволяет слову в составе предложения и предложению в составе текста реализовать свои скрытые возможности, скрытые значения. Говорящий закладывает в сообщение определённые интенции (сообщение, содержащее синтаксический фразеологизм, имеет цель: реакцию на ситуацию и выражение отношения к ней), слушающий интерпретирует их. Синтаксические фразеологизмы, строясь по устойчивым моделям, позволяют говорящему и слушающему вкладывать и определять одинаковое значение в границах одного построения. То есть синтаксический фразеологизм понимается одинаково с обеих сторон.

При этом контекст следует рассматривать как фактор существования синтаксического фразеологизма и однозначной его интерпретации. Синтаксический фразеологизм не обладает смысловой самостоятельностью; вне контекста его не существует, так как становится невозможным интерпретировать его значение.

В результате взаимодействия говорящего и слушающего, контекстов говорящего и слушающего создаётся «актуальный коммуникативный контекст» [Кечкеш 2014: 14].

Синтаксическая фразеологизация предполагает «сложный диахронический процесс, сущность которого состоит в асимметрическом сочетании слов, когда план выражения, образованный по законам синтаксиса, не соответствует семантической целостности плана содержания» [Кайгородова 1999; Посиделова 2012].

«В результате процесса синтаксической фразеологизации происходит утрата семантической, парадигматической, синтагматической полноценности, единицы претерпевают деформацию, превращаясь во вторичные единицы языка, имеющие вторичную форму и вторичное содержание» [Кодухов 1967: 123–137; Посиделова 2012]. Синтаксический фразеологизм, соотносясь с моделями словосочетаний и предложений, остаётся тем средством языка, которое организует и передает любую новую мысль; синтаксическая разложимость претерпевает изменения,

но сохраняется. Результатом процесса синтаксической фразеологизации становится появление новых синтаксических моделей, имеющих вторичное синтаксическое значение и форму.

Несоответствие структуры и закладываемого в ней значения синтаксического фразеологизма возможно заметить только в пределах контекста. Ср.: *В числе ликующих болельщиков выделялась плачущая от счастья женщина в форме сборной России – той самой, которая запрещена на Олимпиаде для спортсменов и официальных лиц. Мало ли эмоциональных зрителей, скажите вы. Но здесь особый случай – речь идет о трехкратной олимпийской чемпионке, 14-кратной чемпионке мира, пятикратной обладательнице Кубка мира Елене Вяльбе. Спортсменке, которая внесена в Книгу Гиннеса как «Лучшая лыжница XX века»* (Аргументы и факты, 2018.02.14). В контексте мы видим употребление синтаксического фразеологизма, постоянный компонент в котором выражен словом *мало*, переменный – именем существительным в форме родительного падежа. Слово *мало* имеет значение ‘немного, не в большом количестве’. В контексте и в структуре синтаксического фразеологизма оно имеет обратное значение – ‘немало’. При этом в состав постоянного компонента входит частица *ли*.

Употребляясь вне контекста, синтаксические фразеологизмы становятся членимыми предложениями. Ср.: *Он ожидал вспышки гнева, но Воск только презрительно усмехнулся. – Нашёл кого помнить! Ты же оперативный сотрудник, а у тебя очко играет!* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но...). Синтаксический фразеологизм *Нашёл кого слушать!* в контексте служит для выражения отрицательного, насмешливого отношения к чьим-нибудь действиям, поступкам. Вне контекста данная конструкция понимается как свободное построение, членимое предложение, в котором слова употребляются в прямом значении.

На слова, употреблённые в качестве лексически свободного переменного компонента синтаксического фразеологизма, оказывает влияние

контекст. Стилистически нейтральные слова в границах синтаксического фразеологизма приобретают оценочное значение.

1.3.2. Функционирование синтаксических фразеологизмов в языке художественной литературы

В текстах художественной литературы с помощью средств языка создаются художественные образы, поэтому в них широко используются экспрессивно, эмоционально окрашенные элементы речи всех уровней языковой системы.

Язык художественной литературы не должен рассматриваться и анализироваться в отрыве от литературного языка, так же как индивидуальный стиль писателя не должен рассматриваться вне стиля художественной литературы. «Целью и задачей изучения языка художественного произведения «является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [Белецкий 1931: 9; Виноградов 1972].

В языке художественной литературы (в отличие языка публицистической и разговорной речи) возможно употребление любых языковых средств. От эпохи, в которой создается произведение «нередко и зависит экспрессивная окраска слова в литературном языке или в языке художественной литературы» [Виноградов 1972]. Взаимоотношения разных общественных групп отражаются в экспрессивных оттенках, облекающих соответствующий круг слов и выражений [Виноградов 1972].

Синтаксические фразеологизмы встречаются в произведениях как классической литературы, так и литературы XXI века. Это подтверждает

положение о том, что синтаксические фразеологизмы представляют собой устоявшийся уровень языковой системы.

Типичной формой организации общения героев литературного произведения является диалог, «при котором участники речи непосредственно связаны между собой и могут без труда делать дополнительные разъяснения и исправлять допущенные неточности или пояснять что-либо непонятное своим собеседникам. К тому же обсуждаемые вопросы обычно не отличаются сложностью. Поэтому в разговорной речи нет особой заботы о точности и ясности речи; в ней нередко неполные предложения, собеседники довольствуются намёками, недомолвки угадываются и, наоборот, полнота речи выступает как излишнее отяжеление речи, неуместный педантизм» [Гвоздév 1965: 17].

При создании диалогов писатели чаще всего используют не литературно обработанный синтаксис, а разговорный синтаксис, для которого характерно распространение неполных, эллиптических предложений, клишированных конструкций, для создания образа героя.

«Прямая речь персонажей, подчиняясь критерию жизнеспособия, наиболее близка по своему строю к общему языку, и здесь особенно активно проявляется разговорный стиль» [Васильева 1989: 144; Величко 2016: 423].

Л. В. Щерба отмечал, что «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге. В диалоге куются новые слова, формы, обороты» [Щерба 1974].

Важно отметить, что диалог в художественном произведении является вторичным образованием, так как является ирреальным, вымышленным. Однако ситуация общения (коммуникативная ситуация) остаётся неизменной. В её состав входят: говорящий и адресат; коммуникативные намерения говорящего; обстоятельства, в которых происходит коммуникативная ситуация; отношения между вступающими в коммуникацию. Однако в художественном диалоге присутствует ещё один участник – автор произведения, так как построение любого диалога, выбор участников, коммуникативной ситуации зависит от его установки.

Однако текст (художественный текст) нельзя рассматривать вне человека, «который является его производителем и получателем» [Бабаян 2009: 3]. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциально)» [Бабаян 2009: 3; Бахтин 1996].

Если рассматривать речь диалогическую и монологическую, то у каждой из этих разновидностей есть адресат (представленный или подразумеваемый). В монологической речи персонажей литературных произведений присутствует подразумеваемый адресат – читатель. В трактовке В. Н. Бабаяна «необходимое присутствие партнёра в диалоге интерпретируется как возможность, которая может быть рано или поздно реализована. В связи с этим утрачивается традиционное противопоставление диалогической и монологической речи, ибо любые формы речи предполагают адресата – реального или потенциального» [Бабаян 2009].

Данное обстоятельство обуславливает и выбор автором художественного произведения языковых средств. Как известно, речь героя – это одна из основных характеристик создаваемого художественного образа. Поэтому использование в речи героев синтаксических фразеологизмов является обусловленным.

Автор литературного произведения стремится быть ближе к потенциальному читателю, поэтому язык современной художественной литературы отражает все изменения, происходящие в русском языке в зависимости от времени и эпохи, описываемых в произведении.

Следует заметить, что синтаксические фразеологизмы встречаются не только в диалогах и монологах, то есть не только в речи персонажей, но и в самом повествовании, речи рассказчика, автора.

1.3.3. Функционирование синтаксических фразеологизмов в языке средств массовой информации

До некоторого времени считалось, что разговорная речь отделена от речи письменной и не влияет на неё, тем более не оказывает воздействия на речь средств массовой информации. Однако, как показывают практические исследования, такое проникновение в последние десятилетия становится регулярным. Несмотря на это особого внимания к изучению влияния разговорной речи на синтаксис языка печатных средств массовой информации не было. В свою очередь, язык печатных средств массовой информации становится одной из ключевых сфер современного речеобразования.

Язык публицистики «обслуживает разнообразные потребности, связанные с политикой, наукой, литературой, административной и хозяйственной деятельностью и т. д.» [Гвоздёв 1965: 17]. Тексты средств массовой информации обращены к большому числу читателей, которые отличаются друг от друга развитием, образованием и т. д. В связи с этим к точности и ясности речи текстов средств массовой информации выдвигаются особые требования.

Как для особой и устойчивой внутриязыковой системы для языка средств массовой информации характерен определённый набор лингвостилистических свойств и признаков. Так, тексты печатных средств массовой информации лишены ряда выразительных средств разговорной речи (интонации), однако, как показывает наше исследование, не лишены конструкций, характерных для синтаксиса разговорной речи.

Язык средств массовой информации наиболее остро реагирует на любые изменения, происходящие в обществе. Для языка средств массовой информации характерно «разнообразие норм поведения отдельных социальных групп; демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации; динамическое развитие принципа языковой моды и следование ему; количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации» [Володина 2003: 29].

Для исследования функционирования синтаксических фразеологизмов нами отобраны центральные газеты Российской Федерации, в связи с этим интервью становится особенным жанром для исследования. В центральных газетах распространено политическое интервью. Политическое интервью следует рассматривать как публично и социально обусловленный речевой жанр с особым распределением ролей участников так называемого диалога. Журналист в таком интервью стремится раскрыть и показать черты политика, в том числе и «опасные», тогда как последний при ответе на вопросы журналиста «стремится убедить общество в своей «востребованности»» [Чащина 2013: 61].

Текст печатных средств массовой информации изначально направлен на сообщение информации. Использование синтаксических фразеологизмов в текстах печатных средств массовой информации способствует «стилизации непринуждённой устной речи, которая должна дать читателю ощущение естественности, диалогического характера общения» [Элатик 2016: 166], а также может служить повышению экспрессивности текста.

Синтаксические фразеологизмы характерны не для всех жанров печатных средств массовой информации. Ориентацию на диалогическое общение мы можем наблюдать прежде всего (как указывалось выше) в интервью, которое предполагает обмен репликами и ответную реакцию интервьюируемого на какой-либо вопрос или ситуацию: *Хорош губернатор, на воровском жаргоне балакает, у нас вообще сверху видят, кто там князьки местные?* (Коммерсант, 2017.06.05); *Ну какое дело этим внешним до того, на какой машине ездит наш священник?! Или уже око твое зло, потому что я добр? Подарили и подарили. Ездит, пусть ездит. Дай Бог ему многая лета!"* (Коммерсант, 2017.06.05).

Стоит отметить тот факт, что синтаксические фразеологизмы употребляются в текстах как с неполитическим, неофициальным содержанием, так и с политическим, официальным: *Как бы то ни было, политический эффект понятен – хорош американский союзник, вооружает*

чуть ли главного врага Соединенных Штатов. То есть синтаксические фразеологизмы мы встречаем и в речи обычных людей (Коммерсантъ, 2017.08.17); в речи известных личностей: Б. Грачевский: *Хотя я думаю, что Собчак согласилась бы и к нам побежала, но оно мне нужно?* (Московский комсомолец, 2018.02.18); в речи политиков: *Перед гражданами, – пожал плечами президент, – обязательств нет никаких: обманули – и дело с концом, исчезли, а перед банками – это другая история, и банки так просто деньги разбрасывать не будут!.. Посмотреть мы, конечно, ещё раз посмотрим. Только чтобы поправки, о которых вы говорите, не выхолащивали содержание и саму суть предложенных мер* (Коммерсантъ, 2017.12.21).

Синтаксические фразеологизмы употребляются не только для реакции на какую-либо информацию и сообщение. Частотно употребление их в форме риторической конструкции, например: *Есть вещи, которыми я доволен, и те, которыми не удовлетворён. Доволен, что в конце концов там появился газ. И ГРС, которую построили, безусловно, повлияет на возможности развития. Прежняя станция была загружена на 132 %, мы не могли присоединить ни одного нового абонента. Ну какое там развитие?!* (Коммерсантъ, 2018.14.08). В контексте синтаксический фразеологизм служит для выражения отрицания. А. В. Канафьева рассматривает такие конструкции как отрицательно-риторические формы, имеющие вопросительную интонацию, характеризующиеся субъективностью, являющиеся единицами экспрессивного синтаксиса. Такие конструкции «усиливают изобразительность, выразительность, оценочность высказывания» [Канафьева 2018 : 22].

Синтаксические фразеологизмы как явление разговорного синтаксиса в текстах средств массовой информации уместны в статьях, заметках, очерках, репортажах, которые предполагают монологическое высказывание собственного мнения журналиста или какой-либо личности по какому-либо поводу.

В статье об одном из кандидатов в президенты Российской Федерации: *Счета у него заграничные, недвижимость зарубежная, хорош коммунист – защитник угнетенных* (Коммерсантъ, 2018.02.05); в других статьях политического содержания: *Александр Лукашенко, понятно, обиделся. Кстати говоря, хорош ближайший союзник, партнер по единому экономическому пространству – хочет отобрать лавры миротворца* (Коммерсантъ, 2018.01.19).

«Синтаксис газетного, радио- или телетекста колеблется на грани между разговорной непринужденностью и умеренной книжностью» [Граудина 2000: 126; Величко 2016: 415]. Использование синтаксических фразеологизмов на страницах печатных средств массовой информации обуславливается стремлением журналиста заинтересовать читателя, оказать на него воздействие, сформировать положительное отношение к передаваемой в тексте информации.

Употребление синтаксических фразеологизмов на страницах печатных средств массовой информации не ограничивается только пространством текстов, мы можем наблюдать использование синтаксических фразеологизмов и в заголовках.

Например, употребляются синтаксические фразеологизмы, имеющие в своем составе краткое прилагательное *хорош*: *Хорош бунт!* (Коммерсантъ, 2014.08.09) – в статье говорится о выставке современного искусства, предлагающей «окунуться в пучину внутренних противоречий, характерных для производства и распространения современного искусства» (Коммерсантъ, 2014.08.09).

Так же как и к самому тексту средств массовой информации, к заголовку предъявляются особые требования, потому что он является одним из ключевых элементов газетной публикации. Газетные заголовки предназначены для привлечения внимания читателя, призваны в наиболее сжатом виде отразить основное содержание представляемого материала.

Среди функций заголовков традиционно выделяются назывная, информативная, экспрессивная рекламная функции.

Таким образом, синтаксические фразеологизмы в текстах средств массовой информации встречаются в различных публицистических жанрах, а также в заголовках. Цель использования синтаксических фразеологизмов в текстах средств массовой информации – воспроизведение речи респондентов (при интервью), воздействие на предполагаемого читателя. Схема синтаксического фразеологизма узнаваема при употреблении его в тексте, что создаёт выразительность, эмоциональность.

В отличие от текстов художественной литературы в текстах средств массовой информации заметны современные тенденции в области синтаксиса русского языка, так как язык средств массовой информации более подвержен влиянию экстралингвистических факторов.

1.4. Классификация синтаксических фразеологизмов в современном русском языке

Для исследования структуры и семантики синтаксических фразеологизмов необходимо иметь представление о существующих в лингвистической литературе их классификациях. Для анализа структуры синтаксических фразеологизмов и определения степени десемантизации постоянного компонента необходима классификация, которая учитывает, какой частью речи выражен постоянный компонент. Важна классификация, в основе которой лежат семантические особенности синтаксических фразеологизмов, то есть выражение тех или иных оттенков значения.

А. В. Величко отмечает, что значение синтаксических фразеологизмов весьма трудно определить однозначно, поэтому их трудно классифицировать с точки зрения семантики. Как и лексические фразеологизмы, они ёмки

семантически; кроме того, однозначная семантическая интерпретация синтаксических фразеологизмов осложняется их экспрессивностью и эмоциональностью. К тому же, поскольку синтаксический фразеологизм не является лексической единицей, а представляет собой синтаксическую структуру, на его значение влияет лексическое наполнение свободного компонента, контекст, интонационное оформление высказывания.

Существуют различные классификации синтаксических фразеологизмов. Для задач нашего исследования интересны классификации, в основе которых лежат разные признаки. Н. Ю. Шведовой приведена первая классификация синтаксических фразеологизмов, в основе которой – степень десемантизации постоянного компонента. Дальнейшие исследования Н. Ю. Шведовой в области синтаксической фразеологии представлены в «Русской грамматике». В основе приведённой в ней классификации лежит грамматическая характеристика постоянного компонента, его принадлежность к какой-либо части речи (предлог, союз, частица или местоимение). Интересна классификация фразеосхем В. Ю. Меликяна, учитывающая характеристики постоянного и переменного компонентов. В работах А. В. Величко приведена классификация, в основе которой семантическое значение, реализуемое в синтаксическом фразеологизме.

На «неоднородность» синтаксических фразеологизмов русского языка ссылается Н. Ю. Шведова, в связи с чем подразделяет их на три группы. Основание, лежащее в основе её классификации, – «характер участвующих в их (синтаксических фразеологизмов) формировании неизменяемых компонентов и отношение этих компонентов к остальному составу предложения» [Шведова 1958: 95].

Первую группу составляют построения, в которых компоненты связываются не по действующим в языке синтаксическим нормам и правилам, такое соединение не является мотивированным, то есть не соотносится с какими-либо предложениями, соответствующими норме. Это построения типа: *Чем не жених!*, *Что за дом!*, *Нет чтобы*

подождать и т. д. Как отмечает Н. Ю. Шведова [Шведова 1958: 95], такие построения содержат местоимение *что*, которое не может быть соотнесено ни с местоимением, ни с союзом, точнее «не обнаруживает ни местоименного, ни союзного значения» [Шведова 1958: 95].

Во вторую группу входят синтаксические фразеологизмы, построение которых можно объяснить существовавшими нормами, изменившимися на данном этапе развития языка. В отличие от построений первой группы синтаксические фразеологизмы второй группы сохраняют связи с соответствующим классом слов. Это такие построения, как: *Мало что (чего) не бывает!*, *На то он и учитель!* и др.

Третья группа включает в себя синтаксические фразеологизмы, которые строятся по действующим в современном русском языке нормам и правилам, при этом основной компонент не утрачивает связи с той или иной частью речи, но подвергается полной или частичной десемантизации. Например: *Хорош друг, нечего сказать!*, *Какая его жизнь!* и др.

В «Русской грамматике» выделяются синтаксические фразеологизмы: 1) с союзами, 2) предлогами и предложными образованиями, 3) частицами, 4) междометиями и 5) акцентирующими и местоимёнными словами.

Такое деление синтаксических фразеологизмов не является исчерпывающим, так как в структурной схеме в качестве постоянного компонента может употребляться одновременно несколько служебных слов.

К синтаксическим фразеологизмам с союзами относятся два типа построений: 1) членимые предложения типа *Люди как люди*, в которых имеется повторяющийся элемент – лексически свободное имя существительное в форме именительного падежа. В «Русской грамматике» указывается, что в таких построениях предмет определяется как соответствующий обычному; 2) нечленимые инфинитивные предложения типа *Нет чтобы помолчать*; *Нет бы помолчать*, означающие ‘неодобрение по поводу неосуществления того, что было бы целесообразно’. Инфинитив,

входящий в схему синтаксического фразеологизма, также является лексически свободным.

Второй тип синтаксических фразеологизмов, выделяемый в «Русской грамматике», – синтаксические фразеологизмы с предлогами, среди которых выделяются 1) членимые и 2) нечленимые синтаксические фразеологизмы. Членимые предложения типа *Праздник не в праздник* содержат в своём составе повторяющиеся имена существительные. Такие конструкции «характеризуют предмет как лишённый своего обычного положительного содержания, качества». Нечленимые предложения типа *Не до разговоров* означают ‘состояние неприятия, нежелания, несвоевременности чего-либо для кого-либо’, имя существительное в составе данного построения лексически свободно.

Третий тип синтаксических фразеологизмов, заявленный в «Русской грамматике», – синтаксические фразеологизмы с частицами: 1) членимые предложения типа *Вот голос так голос!*, предмет речи в которых обладает высокой степенью характеризующего его признака и 2) нечленимые предложения типа *Ехать так ехать*, имеющие значение ‘согласия, принятия действия, состояния’. Лексические ограничения в употреблении компонентов в обоих случаях отсутствуют.

Четвёртый тип синтаксических фразеологизмов, выделяемых в «Русской грамматике», представляет собой конструкции с междометиями: 1) членимые предложения типа *Ай да молодец (наш приятель)!*; 2) предложения с междометиями *ах, ох, эх* со следующим далее личным местоимением и оценочным именем в форме именительного падежа; 3) нечленимые предложения с междометием *ох (уж), ах (уж)* со следующим далее местоимением *этой* и именем существительным в форме именительного падежа; в составе предложения употребляется личное местоимение в форме дательного падежа со значением воспринимающего (оценивающего) субъекта: *Ох (уж) эти мне помощники!*; *Ах уж эти нам родственники!*. Такие предложения имеют яркий экспрессивно-оценочный характер: они

выражают оценку положительную (1), отрицательную, ироническую (3) или выражают экспрессию вообще (2).

К синтаксическим фразеологизмам пятого типа относятся предложения с акцентирующими и местоименными словами, это членимые и нечленимые предложения типа: *Всем пирогам пирог!*; *Чем (он) не жених!*; *Что за характер!*; *Есть с кем поговорить*; *Кто как не он поможет!*; *Соседу-то что!*; *Только и разговоров, что...* [Русская грамматика II: 382, 383].

Данная классификация, как и классификации любых фразеологизмов, условна, так как отдельные типы предложений могут строиться не с одним, а с несколькими служебными компонентами [Русская грамматика II: 382].

Классификация демонстрирует грамматическое устройство синтаксических фразеологизмов, раскрывает их организацию, что важно при их комплексном анализе.

В свою очередь В. Ю. Меликян подразделяет фразеосхемы (модели, по которым строятся синтаксические фразеологизмы) на две группы: 1) «по принадлежности обязательного постоянного компонента <...> к той или иной части речи» [Меликян 2013: 156]. Эта группа подразделяется на пять подгрупп в зависимости от частеречной принадлежности постоянного компонента (синтаксические фразеологизмы с союзом: *Нет чтобы помолчать*; предлогом: *Праздник не в праздник!*; частицей: *Погода так погода*; междометием: *Ну и друзья!*; местоименными словами: *Что за ребенок!*, *Как не заниматься спортом!*); 2) «по характеру постоянных обязательных компонентов и способов сочетания этих компонентов с остальной частью предложения». В данную группу входят синтаксические фразеологизмы трёх групп, описанные Н. Ю. Шведовой.

Таким образом, в классификации В. Ю. Меликяна соединяются классификации синтаксических фразеологизмов, представленные в «Русской грамматике» и работах Н. Ю. Шведовой. В основе классификации заложены

одновременно два признака: степень десемантизации постоянного компонента и степень его деграмматикализации.

Иная классификация синтаксических фразеологизмов приведена в диссертации А. В. Величко. Особенностью её является то, что синтаксические фразеологизмы подразделяются в зависимости от выражаемого конкретного общего значения, то есть классификация является семантической.

1) Синтаксические фразеологизмы, выражающие оценку:

а) положительную (*Ай да помощник!; Всем пирогам пирог!; Розы – это цветы!; Чем не словарь*);

б) негативную (*Тоже мне город!; Ох уж эта мне работа; Ах он хитрец!*);

в) недифференцированную (*Вот это спортсмен!; Ну и денёк!; Что за легкомыслие Какой это концерт!; Из хитрецов хитрец!*);

г) оценку как соответствие норме (*Город как город, Студент и студент*).

2) Синтаксические фразеологизмы, выражающие согласие, отрицание (значение «да» – «нет»):

а) согласие, принятие (*Работать так работать!; Почему бы и не поехать; Праздник есть праздник!; Это ли не радость!*);

б) отрицание, несогласие (*Какой там прочитал!; Когда мне читать!; До театра ли мне!; Что ему театр!; Ей сон не в сон!*).

3) Синтаксические фразеологизмы, выражающие модальные значения:

а) необходимость, долженствование (*Как не помочь!; Тебе ли не радоваться!*);

б) целесообразность (*Нет бы нам заранее купить билеты!; Хоть меняй работу!*);

в) ненужность (*Не уезжать же домой!; Рассказ не такой интересный, чтобы перечитывать его*);

г) невозможность (*Чтобы она кому-нибудь нагрубила!; Куда ребёнку всё это съесть!; Мне ли с ним спорить!*).

4) Синтаксические фразеологизмы, выражающие значение единственности и множественности:

а) единственность, ограниченность (*У студентов сейчас только и разговоров, что о каникулах; Пете только бы спать!*);

б) множественность, разнообразие (*Где только они не побывали; У нас что ни день, то новости!; Мало ли почему она не пришла!; Бывают встречи и встречи; Встреча встрече рознь*).

5) Синтаксические фразеологизмы, выражающие акцентирование:
Когда-когда, а в январе снега много; Уж на что мастер, и то не смог починить эти часы!; Мы учимся не где-нибудь, а в университете!; Чего нам не хватает, так это порядка; Кто как не друг поможет и поддержит.

б) Синтаксические фразеологизмы со значением обусловленности:
Дела делами, а отдохнуть тоже надо!; Приехать-то брат не приехал, но прислал письмо; Стоит ему уехать из дома, как он начинает скучать; Добро бы фильм был хороший, а то глупая комедия; Хочешь не хочешь, а писать придется; Этот текст для второклассников, да что там для второклассников, – для третьеклассников будет труден.

Указанные классификации свидетельствуют о различных подходах к изучению синтаксических фразеологизмов.

Выводы

Актуальность исследования синтаксических фразеологизмов в современном русском языке обусловлено рядом факторов, в число которых входят антропоцентричность языка, его демократизация, сближение устной и письменной речи и т. д. Малая изученность исследуемых построений и мнение о том, что данные явления несистемны в структуре языка требует

многоаспектного изучения синтаксических фразеологизмов, особенностей их построения и семантики.

Синтаксические фразеологизмы представляют собой системное явление современного русского языка и имеют широкое распространение в текстах современной художественной литературы и средств массовой информации. Под синтаксическими фразеологизмами понимаются фразеологизированные предложения «с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой, словоформы в которых связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоимённые слова, частицы и междометия».

Синтаксические имеют устоявшуюся структуру и закреплённые значения. Среди основных признаков, свойственных синтаксическим фразеологизмам, выделяются: нечленимость, воспроизводимость, устойчивость, структурно-семантическая целостность, идиоматичность, предикативность.

Синтаксические фразеологизмы являются информативно ёмкими единицами синтаксиса, в максимально сжатой конструкции заложена семантика, которая одинаково трактуется как говорящим, так и адресатом. Компоненты в составе синтаксического фразеологизма становятся перегруженными значениями, что обусловлено наделением их в составе синтаксического фразеологизма новыми смыслами.

О различных подходах к изучению построений свидетельствуют существующие классификации синтаксических фразеологизмов. Так, классификации учитывают особенности оформления постоянного компонента [Русская грамматика II: 382–386]; степень десемантизации опорного компонента и мотивированности структуры [Шведова 2003: 269–279]; семантику построений в целом [В. Величко 2016: 135–152].

Отличительной особенностью синтаксических фразеологизмов является их двукомпонентность, что отмечают все исследователи. Опорный

компонент синтаксических фразеологизмов может быть представлен как самостоятельными (*Стану я время терять! Достаточно сходить на дюжину свиданий, чтобы узнать о мужчинах всё* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона); *Это чисто джентльменский договор. «Хорош джентльмен!» – подумал я, сжимая кулак в узком кармане кожаных брюк.* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь); *Охота тебе эксперименты проводить... я тебе и так верю* (А. Слаповский. Синдром Феникса) и др.), так и служебными частями речи (*Нет чтобы поспать лишние пять часов перед экзаменом* (Комсомольская правда, 2013.05.27); *Когда слава о болгарской ясновидящей дошла до СССР, Венцислав возмутился: «Что за чушь у вас пишут?»* (Комсомольская правда, 2014.08.07) и др.), оторванными от своих основных грамматических и семантических значений. Второстепенный компонент свободен в своём наполнении, не ограничен, задана лишь его грамматическая форма, характеристики, которыми должно обладать слово (слова), входящее в состав построения.

Реализация значений синтаксических фразеологизмов возможна лишь в структуре контекста. Контекст позволяет слову в составе предложения и предложению в составе текста реализовать свои скрытые возможности, скрытые значения. Сообщение, передаваемое с помощью синтаксического фразеологизма, имеет целью показать реакцию говорящего на ситуацию, выражение отношения к ней. Однозначность понимания слушающим и говорящим закладываемой информации в структуре синтаксических фразеологизмов свидетельствует об их системности. Синтаксические фразеологизмы, строясь по устойчивым моделям, позволяют говорящему и слушающему вкладывать и определять одинаковое значение в границах одного построения.

В связи с активными процессами, происходящими в языке, синтаксические фразеологизмы обладает максимальной информационной насыщенностью. Компоненты в составе синтаксического фразеологизма

перегружаются значениями за счёт стирания их изначальных значений и наделения в составе синтаксического фразеологизма и контекста новыми.

В текстах современной художественной литературы синтаксические фразеологизмы употребляются с целью создания образительности, эмоциональности, экспрессивности, а также для создания образа героев произведений. В текстах современных средств массовой информации синтаксические фразеологизмы употребляются для воспроизведения речи интервьюируемого, для эмоционального воздействия на предполагаемого читателя. Исследование синтаксических фразеологизмов в текстах современной литературы и газетной публицистики XXI века позволяет сделать достоверные выводы о состоянии исследуемого явления на современном этапе развития русского языка.

При исследовании функционирования синтаксических фразеологизмов в современном русском языке необходимо уделять особое внимание структуре и семантике синтаксических фразеологизмов, их взаимодействию с контекстом, пунктуационному оформлению. Комплексный анализ особенностей структуры и семантики синтаксических фразеологизмов представлен во второй главе настоящего исследования.

Глава 2. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке

2.1. Ироническое неодобрение как особое субъективно-модальное значение синтаксических фразеологизмов

2.1.1. Оценочное значение синтаксических фразеологизмов

Категория оценки не раз становилась объектом исследования Ю. Д. Апресяна (1995), Н. Д. Арутюновой (1976, 1988, 1998, 2002), Е. М. Вольф (2002), В. Г. Гака (1969, 1972, 1996, 1998), П. А. Леканта (2002), Т. В. Маркеловой (2006, 2013, 2016), Г. Н. Склярёвской (1991) и др.

Под лингвистической оценкой понимается «выражение отношения говорящего (положительного или отрицательного) к предмету речи средствами лексико-фразеологического, словообразовательного и синтаксического уровней взаимодействия» [Маркелова 2016: 26].

Т. В. Маркелова отмечает существование оценки на разных языковых уровнях, выделяет шкалу оценки [Маркелова 1996 : 15]: хорошо / нормально / плохо.

Оценка всегда субъективна. Важнейшим показателем оценки является наличие «плюса» или «минуса» в значении слова. Любое сообщение имеет объективную (фактическую) составляющую и её субъективную сторону, проявляющуюся в стремлении воздействовать на адресата речи. Выражая оценку, адресат реализует прагматическую цель – осознанно или неосознанно вызвать определенную реакцию адресата на содержание высказывания или выказать свою реакцию на ситуацию речи. Об этом говорится в работе Т. В. Маркеловой [Маркелова 2013: 28].

Е. М. Вольф [Вольф 2002] полагает, что с субъективным фактором связано и взаимопроникновение категорий «оценка» и «эмоциональность». Л. А. Абукаева [Абукаева 2005] отмечает, что далеко не всегда, высказывая оценку, мы соотносим её с идеей «добра» (хорошо / плохо). Во многих случаях в оценке участвуют другие «точки отсчёта», которые квалифицируют объект – предмет или событие – по разным аспектам. Таким образом, если рассматривать оценочные структуры, реально существующие в языке, то можно говорить об оценке в широком смысле слова (её можно назвать квалификацией), которая связана с представлением субъекта оценки об отношении данного предмета или события к нормативному «положению вещей» или к существующей в данном социуме норме, и об оценке в узком или в собственном смысле слова, связанной с противопоставлением «хорошо / плохо».

При анализе синтаксических фразеологизмов мы разделяем точку зрения Н. Д. Арутюновой и считаем, что *хорошее* соответствует норме, «идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности», а *плохое* не соответствует норме по какому-либо параметру [Арутюнова 1998: 181].

Для оценки необходимо наличие субъекта и объекта оценки. Е. М. Вольф отмечает, что «субъект оценки выражает своё отношение к объекту оценки и при этом опирается на нормативные, стереотипные представления об объекте и шкалу оценок, на которой расположены присущие объекту признаки. Объект оценки, в свою очередь, также вбирает в себя субъективные и объективные свойства» [Вольф 2002: 23].

Синтаксические фразеологизмы чаще всего употребляются в диалоге и служат для выражения отношения говорящего к предмету речи и ситуации. Это отношение может быть интерпретировано как «хорошо», так и как «плохо». Н. Д. Арутюнова определяет оценку как «умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности

субъекта» [Арутюнова 1998: 6]. Так, ироническое неодобрение, представленное в синтаксических фразеологизмах, свидетельствует об отрицательном отношении к оцениваемому объекту, его незначительности для говорящего.

Особенностью синтаксических фразеологизмов является чётко выраженный объект оценки, который заключён в контексте, а оценка – в составе переменного компонента. В конструкциях синтаксических фразеологизмов исследуемых моделей заложено ироническое отношение субъекта оценки к предмету оценки.

Например:

– *Вот смотри, я говорю по-русски... и продавщица в нашем гастрономе говорит по-русски. Мы разговариваем с ней на одном языке. Но если бы она услышала то, что я сейчас сказал, а я ведь говорил по-русски, что бы она из этого поняла?*

– *Почему ты уверен в том, что тебя никто не понимает? **Что это за смешное такое высокомерие?** И при чём здесь продавщица? **Что за дурацкая интеллигентщина?** Ты бы никогда не стал так говорить с продавщицей... с незнакомой тебе женщиной. А ты сейчас разговариваешь со мной, со мной (Е. Гришковец).*

Говорящий даёт субъективную оценку речи, при этом объект оценки характеризуется как неважный, незначительный, не заслуживающий внимания. На данное оценочное значение накладывается значение неодобрения и даже возмущения. Возмущение представляет собой 'негодование, сильный гнев'.

Несмотря на то что в каждом синтаксическом фразеологизме заложена субъективная оценка предмета речи и ситуации в целом, следует иметь в виду, что рациональная оценка превосходит эмоциональную [Арутюнова 1988, 1998; Вольф 2002]. Исследователи подтверждают свои взгляды тем, что любая эмоциональная оценка проходит через призму рациональной. Одним из доказательств этого является то, что в синтаксических

фразеологизмах заключена речь говорящего, то есть то, что он произнес, сказал, а не то, что он чувствует, ощущает. «Никакая эмоциональная оценка, не прошедшая через фильтр сознания, не может быть непосредственно выражена в системе языка» [Арутюнова 1998: 231].

Эмоциональная оценка – реакция говорящего на объект оценки, рациональная оценка учитывает представления личности, жизненный опыт, стереотипы и выражает суждения.

Оценочность и эмоциональность взаимосвязаны, однако следует различать их, не отождествлять. Оценка чаще всего (не всегда) сопровождается эмоциями, не может быть противопоставлена им. Однако эти понятия взаимосвязаны. Оценка сопоставляется со словом, а эмоциональность с чувствами субъекта.

Т. В. Маркелова считает возможным утверждать положительную – отрицательную – нормативную оценку в качестве градационных категорий (ситуаций) общей оценочной сигнификативной ситуации. «Если ядром модальных ситуаций является наклонение, темпоральных – время, то ядром аксиологических ситуаций являются инвариативные семантико-грамматические средства – хорошо – нормально – плохо – слова категории оценки, репрезентирующие семантико-грамматическую функцию» [Маркелова 1998: 9]. Оценочность в структуре синтаксических фразеологизмов проявляется за счёт грамматического устройства конструкции, интонации, контекста.

Общеоценочные представления, как и сама категория оценки, являются социально обусловленными, так как они исторически сформировались в обществе. Поскольку в оценке отражаются представления социума о ценностях, то нужно признать, что она обладает ментальной сущностью. Но в то же время оценка является и субъективной, индивидуальной, потому что она дается с позиции самого говорящего. Оценивая фрагменты действительности, участник коммуникации пропускает их через своё сознание, разум, следовательно, оценка рациональна, содержательна.

Выражение личного «я» в оценке делает её субъективной, но не эмоциональной. «Эмоциональное» связано с проявлением чувств, однако участник коммуникации не может выражать эмоций, не оценивая то, по отношению к чему они выражаются. А это значит, что «эмоциональное» является в то же время «оценочным» (т. е. в «эмоциональном» чувственное сочетается с рациональным) [Кочеткова 2005: 83]. Отсюда общепринятое деление на рациональное и эмоциональное. Говоря о детерминированности эмотивных и оценочных механизмов, Т. А. Трипольская отмечает: «Анализ эмотивно-оценочного словаря и дискурса подтвердил положение психологов и когнитивистов об оценке как пусковом механизме возникновения эмоций. Аксиологическая обработка действительности, предшествующая различным эмоциям, отличается большей или меньшей степенью когнитивности и осознанности индивидом и варьируется от очень существенной до незначительной (высоко когнитивная эмоция стыда и низко когнитивная эмоция отвращения)» [Трипольская 2000: 14]. В основе любой оценки лежит рациональное, которое подвергается переосмыслению, становится осознанным.

Эмотивная оценка не является механическим сопровождением любого интеллектуального действия эмоциональным, так как это взаимопроникновение и взаимовлияние двух способов интерпретации действительности. По словам Т. А. Трипольской, «эмотивная оценка является более сложным ментальным действием, направленным на отражение, познание и характеристику действительности» [Трипольская 2000: 16–17]. Явление «человеческого фактора» предопределяет «размытость» границ категории оценки и её активное взаимодействие с другими категориями (эмотивность, квалификация, образность и т. д.) [Абукаева 2005: 107–110].

2.1.2. Модальное значение неодобрения в высказываниях с синтаксическими фразеологизмами

Одно из направлений современной лингвистики – изучение прагматического начала высказываний, теории речевых актов (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, Н. И. Формановская и др.). В связи с этим актуальным представляется исследование единиц с конкретным интенциональным значением. Таким значением синтаксических фразеологизмов является неодобрение, ироническое неодобрение.

В русском языке к одному из средств имплицитного выражения отрицания «относятся некоторые слова, словосочетания и фразеологические обороты с отрицательной семантикой, которые не имеют соответствующих положительных форм» [Шумейко 1975: 189; Бондаренко 1983: 103].

Как отмечалось, синтаксические фразеологизмы содержат имплицитно выраженную оценку и отношение к ситуации или предмету речи, отрицание представленной информации, несоответствие объектов заявленным качествам и т. д.

Примером этого могут служить фразеологизмы типа *Хорош друг!*. *Хороший* – ‘вполне положительный; такой, как должен быть, нужен, необходим; обладающий каким-либо или большим преимуществом среди других таких же’. Формально конструкция соответствует в высшей степени положительному признаку. Однако, исследуя контекст, в котором она употребляется, высший положительный признак стоит классифицировать как низшее положение шкалы оценки [Маркелова 1996: 15], то есть «плохо».

Ср.: 1) *Хорош губернатор, на воровском жаргоне балакает, у нас вообще сверху видят, кто там князьки местные?* (Коммерсантъ, 2017.06.05); 2) *Счета у него заграничные, недвижимость зарубежная, хорош коммунист – защитник угнетенных* (Коммерсантъ, 2018.02.05).

В данной конструкции переменный компонент *губернатор, коммунист* наделены по своему первоначальному значению положительными признаками: *губернатор* – ‘высшее должностное лицо административно-территориальной единицы’ [ТСО: 152]; *коммунист* – ‘член коммунистической партии, приверженец идей коммунизма’ [ТСО: 288]. В контексте им присваиваются отрицательные признаки, так как в первом предложении употреблены слова со сниженной стилистической окраской: *воровской жаргон, балакает*. Во втором предложении объект оценки понимается как негативный, так как на лицо несоответствие его статуса и того, чем он обладает: *заграничные счета, зарубежная недвижимость*. При этом предложение имеет инверсированный порядок слов: *счета у него заграничные, недвижимость зарубежная*, что также способствует усилению негативного оценочного значения.

Средством неодобрения, отрицания становятся слова и конструкции, в которых отсутствуют отрицательные компоненты, которые строятся не по имеющимся в языке законам. Как указывает В. Н. Бондаренко, подобные конструкции являются «окказиональным средством отрицания» [Бондаренко 1983: 107]. Однако синтаксические фразеологизмы, имея строгие модели построения, семантику, определённый набор признаков, могут квалифицироваться как системные явления языковой системы.

Выражение как отрицания, так и иронического неодобрения на уровне предложения возможно в условиях определенного порядка слов, интонации и контекста, данным условиям соответствуют синтаксические фразеологизмы. Ироническое отрицание (неодобрение) не следует рассматривать как чисто синтаксическую категорию, она является и лексической, и грамматической одновременно. Лексически ироническое отрицание выражается словами с отрицательной семантикой либо словами с отрицательными аффиксами, которые мы можем наблюдать в составе переменного компонента или контекста, грамматическое проявление отрицания возможно с помощью синтаксического устройства. Ироническое

неодобрение не приписывается отдельному слову в структуре синтаксического фразеологизма, оно принадлежит конструкции в целом.

По мнению А. В. Канафьевой, отрицание является «логической операцией, мотивированной объективно-субъективными причинами, обусловленной определённой интенцией говорящего, реализуемой в разных речевых ситуациях <...>. Отрицание – это и несогласие, и противоречие, и возражение, и опровержение имевших место доводов, взглядов, убеждений собеседника или своих собственных» [Канафьева 2001: 35].

В поле зрения нашего исследования находятся синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения. Значение неодобрения является дополнительным оттенком основного оценочного значения синтаксического фразеологизма. Неодобрение представляет собой «порицание, отрицательную оценку чего-либо» [МАС; ТСЕ; СОШ; ТСО] или «неудовлетворенность чьими-либо действиями, поступками и т. п.; порицание, осуждение» [МАС; ТСК].

Семантика неодобрения в границах синтаксического фразеологизма является выражением целого диапазона оттенков: осуждения, порицания, неудовлетворённости, негативного и отрицательного отношения (оценочного значения) говорящего к действительности. Неодобрение является одним из «самых продуктивных модальных значений, «смешанных», переплетённых с оценкой» [Лекант 2002: 118].

М. В. Петрушина отмечает, что неодобрение – «самое рациональное из всего отрицательного диапазона эмоционально-оценочных отношений, формирующее модальную семантику. Оно является ядерным значением, осложнённым различными оттенками на периферии высказываний с неодобрительной модальной семантикой и характеризуется наименьшим «накалом страстей» [Петрушина 2005]. Именно помету *неодобр.* в силу обобщающего и всеобъемлющего характера её семантики можно ставить безошибочно, безотносительно к ситуации общения, к социальным и коммуникативным ролям субъекта говорящего и объекта оценки».

Значение неодобрения связано с коммуникацией (речевыми актами неодобрения, осуждения, угрозы); с ситуацией речи – различными видами отрицательных оценочных суждений с экспрессивно-эмоциональным разнообразием неодобрения, дифференциацией негативных эмоций (презрение, пренебрежение, уничижение, гнев) говорящего и способов их языкового выражения [Петрушина 2005].

По мнению М. В. Петрушиной, модальное значение неодобрения как дополнительный оттенок основного модального значения сочетается и взаимодействует с модальными аспектами предложения – объективным (реальным или ирреальным), субъективным (достоверность / недостоверность), внутрисинтаксическим.

«С категорией модальности соприкасаются и даже частично переплетаются с нею разные виды и типы эмоциональной экспрессии (например, возмущения, восхищения, угрозы и т. п.)» [Виноградов 1950: 379]. Оценочные высказывания как речевая реализация предложений с модальной семантикой неодобрения содержат «... вербализованный результат мыслительной операции над сигнификатом» [Золотова 1998]. Семантика оценки, осознаваемая в оппозиции «одобрение / неодобрение», признаётся сопутствующей, недифференцированной, отвлечённой [Золотова 1998; Лекант 2002: 118].

Т. В. Маркелова при характеристике синтаксических средств выражения модальной семантики в русском языке отмечает «оценочные высказывания с одобрительным / неодобрительным отношением говорящего в диктуме, выраженным эксплицитно, лексическими средствами оценочного предиката; в них преобладает рациональная составляющая высказывания, они выражают объективную и субъективную модальность, взаимодействующую с «оттеночными смыслами» отношения, формируемыми лексическим содержанием предикатного знака» [Маркелова 2006: 77–78].

Значение неодобрения не заключено в постоянном или переменном компоненте, оно характерно для всей конструкции, реализуется

при взаимодействии с контекстом, может реализовываться с помощью интонации. Переменный компонент, являющийся семантически свободным, изначально не несёт оценочного значения, становится таковым только в структуре синтаксического фразеологизма. Чаще всего в синтаксическом фразеологизме неодобрение выражено имплицитно. Исследуемые нами синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения содержат в себе скрытую субъективную оценку говорящим предмета речи и ситуации в целом.

Синтаксические фразеологизмы могут реализовывать целый спектр модальных репрезентаций неодобрения, включающий презрение, уничижение, пренебрежение, оскорбление, порицание, осуждение, упрёк. Общим для данных значений синтаксического фразеологизма является признание обстоятельства как несущественного. Кроме того, слова в составе синтаксического фразеологизма и контекста могут иметь стилистические пометы, указывающие на эмоциональную окраску: *презр.* (слово содержит резко отрицательную этическую оценку предмета, явления, действия), *уничиж.* (слово отражает уничижительное отношение к предмету речи), *пренебр.* (слово отражает пренебрежительное отношение к предмету речи). Сопровождаться данные пометы могут пометами: *бран.* (слово употребляется с целью обидеть, унизить кого-либо), *ирон.* (слово выражает значение, противоположное буквальному, и употребляется обычно с целью насмешки), *шутл.* (слово используется как такое обозначение предмета, действия, которое имеет характер забавы, шутки, языковой игры и т. д.) и др. Для уточнения значения некоторых из приведённых помет нами использован «Большой универсальный словарь русского языка» [БУС: 14–18].

В синтаксических фразеологизмах проявляется тенденция языка к экономии речевых усилий, сокращению плана выражения и увеличению плана содержания, в сжатой форме реализуется обобщённое значение, характерное для определённой модели синтаксических фразеологизмов. Показателем этого закона является и содержание в синтаксическом

фразеологизме иронического значения, которое также предполагает меньший план выражения, но больший план содержания. Ирония задаётся в синтаксическом фразеологизме имплицитно, являясь, как и неодобрение, надкатегорией.

Существующая негативная оценка предмета речи, несогласия говорящего с какими-либо положениями и суждениями в иронии завуалированы. Термин *ирония* образован от греческого слова *eironeia*, означающего ‘притворство’, таким образом, ирония имеет скрытое негативное содержание. Именно поэтому план содержания конструкций, выражающих иронию, не равен плану выражения.

Иронии приписывается «явно притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путём доведения до абсурда самой возможности положительной оценки, осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на его недостаток, который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством» [МАС I: 675].

Также ирония – это троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облечённая в форму положительной характеристики или восхваления [Ахманова 1966].

В исследовании мы придерживаемся определения, данного О. П. Ермаковой. Ирония – это один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объёма) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном), с целью насмешки [Ермакова 2017: 5]. Такое определение иронии актуально при исследовании синтаксических фразеологизмов, так как их значение не выводится из значения входящих в них элементов, слова в их составе десемантизируются, меняют своё значение на противоположное, реализуя ложную положительную оценку. В связи с чем реализуется неодобрение в сочетании с иронией.

В синтаксических фразеологизмах нескольких типов (*Хорош друг!*, *Много ты знаешь!*, *Буду / стану я тебя слушать!* и др.) значения слов, входящих в состав постоянного компонента, меняются на противоположное, при интерпретации есть возможность их замены антонимами. Слова в составе постоянного компонента обладают ложным положительным значением, то есть реализуется ложная положительная оценка. Ср.: *Как бы то ни было, политический эффект понятен – хорош американский союзник, вооружает чуть ли не главного врага Соединенных Штатов* (Коммерсантъ, 2017.08.17); <...> *а двадцатилетнего поэта, автора спортивных, лирических и патриотических стихов Женю Евтушенко принятии в Союз писателей! И сделали, кстати, его комсоргом. Много ли комсомольцев было в этом заповеднике рептилий* (М. Веллер) и др. Такое явление прослеживается в синтаксических фразеологизмах, постоянный компонент в которых выражен самостоятельными частями речи.

В других конструкциях значения синтаксических фразеологизмов не выводятся из входящих в них элементов, невозможна замена значения слов постоянного компонента на противоположное. Ср.: *Вот это я и собирался сказать – примерно 13 минут звучания. Треть эфирного времени передачи. Плотная треть. / Ну, мало ли кто чего собирался...* (М. Веллер. Подумать только!..); *За 15 лет существования передачи – максимальный рейтинг. И хоть бы рюмку поставил. Ну хоть за рекорд. Или за моральный ущерб* (М. Веллер); *Образ Обломова как пример целеустремленности и силы воли русского человека. Чем не тема для сочинения?* (М. Веллер. Огонь и агония); *Два взрослых, молодых, красивых человека любят друг друга без памяти – почему такие терзания, что за пародия на «Тристана и Изольду» с конфликтом чувства и долга? Долга, ломающего им души, хребты ломающего, жизни – это что за долг, да перед кем? Что, уже не в любви правда?* (М. Веллер. Огонь и агония).

Иронические речевые акты, как известно, приобретают различные формы – сарказма, шутки, риторического вопроса, гиперболы,

приуменьшения и др. [Gibbs 2000]. В лингвистике существует разное понимание когнитивной сущности иронии. Она трактуется как эхоическое упоминание того, что было сказано ранее, то есть как перифраз какого-либо высказывания или общего мнения, распознаваемый как ирония [Sperber, Wilson 1996; Ирисханова 2014: 252]. Другая точка зрения на иронию – концепция «притворства»: тот, кто произносит ироническое высказывание, притворяется кем-то иным [Clarc 1984; Gibbs 2000; Ирисханова 2014: 252]. Исследуя синтаксические фразеологизмы, мы считаем первую точку зрения наиболее характерной для данных конструкций, так как эхоическое упоминание предполагает наличие диалога, коммуникативной ситуации, которая переосмысливается говорящим в процессе коммуникации. Ирония создает больший, по сравнению с буквальным выражением, контраст между ожиданиями и результирующим событием в реальности, что наблюдается при интерпретации значений синтаксических фразеологизмов. Если негативные ожидания эксплицитно входят в общий фонд ожиданий коммуникантов, то, как показывают исследования, ирония выражается чере собственно ироническое высказывание.

Ирония – приём эксплицитного построения, цель которого состоит в том, чтобы породить иное, противоположное значение в сознании реципиента и повлиять на него [Ирисханова 2014: 252].

Лингвистическая парадигма трактует иронию как вид иносказания, базирующийся на столкновении двух противоположных оценок в одном отрезке речи. Эти оценки образуют два плана высказывания: эксплицитный – прямой, буквальный, который несёт положительную оценку, и имплицитный – подразумеваемый, который содержит критическую оценку и вскрывается в контексте. Так как все языковые единицы, выражающие иронию, приобретают экспрессивность, то представляется целесообразным при их анализе опираться не только на философское и эстетическое понимание иронии, но и на терминологический аппарат риторики – теорию тропов и фигур [ЛЭТП].

Лингвокогнитивный потенциал иронии в синтаксическом фразеологизме основан на способности исследуемых единиц к полисемии (наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений) и к выражению экспрессивности (способность выражать многообразие эмоциональных и оценочных отношений субъекта речи), т. е. выражение в структуре синтаксического фразеологизма иронии ведёт к «наращению смысла» всего текста. Это закономерно, т. к. если бы слова языка имели единственное значение и смысл, не расширяя своей семантики, то и формирование иронии было бы невозможно.

В синтаксических фразеологизмах одновременно содержатся две противоположные оценки: положительная и отрицательная. Одна из них выражается эксплицитно (схема построения синтаксического фразеологизма, слова в составе постоянного и переменного компонентов, их порядок), другая – имплицитно (общее значение синтаксических фразеологизмов разных моделей). Чем больше противоречие между высказанным и подразумеваемым, тем сильнее ирония. В синтаксическом фразеологизме имплицитно выражается отрицательная оценка, эксплицитно – положительная. В этом случае следует употребить термин подтекст, указывающий на имплицитность значения текста, которая словесно не выражена в высказывании.

Ирония проявляется в переосмыслении отдельных компонентов высказывания и утвердительных по своему лексическому наполнению конструкций, не содержащих формальных признаков отрицания. Она выражает оценку, которая не заключена в материале, она скрывается за осуждением, при этом определённости оценки нет. Ирония позволяет имплицитно выразить отношение к действительности. «Одно и то же ироническое высказывание может быть оскорбительно насмешливым и добродушно снисходительным» [Ермакова 1997: 52].

Лингвистическим механизмом создания иронии, по мнению исследователей, является нарушение сочетаемости, согласованности,

соответствия на разных уровнях языковой структуры [Арнольд 1981: 218]. В данном исследовании нас интересует проявление иронии и иронического неодобрения на лексическом и синтаксическом уровнях, так как реализация значения синтаксических фразеологизмов типа *Тожэ мне помощник!*, *Хорош друг!*, *Наиёл, кого слушать!*, *Буду / стану я тебя слушать!*, *Охота тебе работать!* и др. основывается на переосмыслении слов, входящих в переменный, постоянный компонент и контекст, а также зависит от модели построения конструкции. На лексическом и синтаксическом уровнях ирония проявляется в виде «противоречия между прямым и переносным значением лексической единицы, между формой и содержанием синтаксической модели, несоответствия между традиционным и ситуативно обозначенным» [Походня 1989: 111–112].

В синтаксических фразеологизмах ирония не содержит доброй насмешки, юмора, выражает возмущение, неприязнь, в связи с этим мы исследуем возможность реализации значения иронического неодобрения.

Слова в составе синтаксического фразеологизма приобретают противоположное, отрицательное значение. Проявлением иронического неодобрения является «накладывание отрицательного контекстуального значения на положительное словарное» [Походня 1989: 14]. Ср.: *Много ты сама можешь! Говорит я её не пускаю* (Комсомольская правда) ('ты мало можешь сама'), *Много ты знаешь, много ты видишь!* (А. Рыбаков) ('ты мало знаешь, ты мало видишь'); *Буду я тебя учить на свою голову!* (В. Токарева) ('я не буду тебя учить'); *Буду я напрягать его своими личными проблемами!* (Труд-7, 2007.03.01) ('я не буду напрягать его своими проблемами').

В синтаксических фразеологизмах передаётся значение, противоположное тому, которое выражено буквальным смыслом слов. Ироническое неодобрение, реализующееся в исследуемых конструкциях, представлено имплицитно, не является в высшей степени агрессивным, но и не является доброй шуткой. Механизмами создания значения иронического неодобрения в синтаксических фразеологизмах являются

контекст, порядок следования компонентов и их лексическое наполнение, использование слов с ложной положительной оценкой, а также словообразовательные особенности переменного компонента. Для каждого типа синтаксических фразеологизмов характерен определённый набор средств создания неодобрения.

2.1.3. Речевая агрессия как проявление иронического неодобрения

В текстах современных средств массовой информации заложен экспрессивный потенциал, как и в текстах современной художественной литературы. По отбору и функционированию средств создания неодобрения язык средств массовой информации и язык современной художественной литературы тесно сопряжены. В них распространено экспрессивно-ироническое переосмысление утвердительных по лексическому составу конструкций.

Современное состояние общества невольно подталкивает людей к агрессивным речевым проявлениям, среди которых своё место занимает и неодобрение [Жельвис 2011]. Обращение к неодобрению как к виду речевой агрессии объясняется, во-первых, частотностью употребления высказываний с соответствующей интенциональной семантикой, во-вторых, тем, что неодобрение осложняет коммуникацию, приводя общающихся к конфронтации.

В языке активно используются средства негативной оценки поведения и личности адресата, включающие экспрессивные слова, обороты, грубую просторечную и бранную лексику. Употребление подобных средств в устной и книжно-письменной речи является следствием негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности.

Экспрессивность в буквальном своём переводе с латинского обозначает 'выражение' и представляет собой «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [ЛЭС].

Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка, интерес для нас представляют уровни лексики и синтаксиса. Являясь выражением отношения к действительности, экспрессивность неразрывно связана с категорией оценки. Синтаксические фразеологизмы, служащие для выражения отношения говорящего к ситуации и предмету речи, являются показателями экспрессивности речи.

Эмоциональное отношение к действительности выражается в структуре высказывания. Цель синтаксического фразеологизма заключается не в передаче новой информации, а в эмоциональной оценке. «Эмоциональная оценка действия, поступка, события является коммуникативной целью высказывания и составляет его диктумный смысл» [Лекант 2012: 47].

Синтаксические фразеологизмы, функционируя в русском языке, выражают часто отрицательную оценку предмета речи и ситуации в целом и ироническое неодобрение за счёт своей устоявшейся структуры, а также за счёт лексического наполнения переменного компонента и контекста. Являясь интенцией говорящего, неодобрение воспринимается как речевая агрессия. Употребляясь, например, в диалогической речи персонажей, в ответных репликах интервью, рассматриваемые конструкции выражают негативные эмоции, что является показателем агрессивного речевого поведения.

Анализу речевой агрессии посвящены исследования Т. А. Воронцовой [Воронцова 2006], Е. В. Какориной [Какорина 1996], Н. Е. Петровой, Л. В. Рацибурской [Петрова, Рацибурская 2011], А. П. Сковородникова [Сковородников 1997].

Под речевой агрессией мы понимаем «жёсткое, подчёркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этнической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» [Петрова, Рацибурская 2011: 32]. Данное определение применяется при анализе текстов средств массовой информации, при этом речевая агрессия имеет осознанный характер. Несмотря на то что синтаксические фразеологизмы средств массовой информации становятся предметом нашего анализа, они функционируют в интервью, в закреплённой на письме звучащей, неподготовленной речи. Синтаксические фразеологизмы являются реакцией на сложившуюся ситуацию, предназначены для выражения отношения, не для воздействия на адресата. Оценка и отношение в синтаксических фразеологизмах и контексте выражены, с одной стороны, вербализованно (лексическое наполнение самого синтаксического фразеологизма и контекста), а с другой невербализованно (оценка имплицитна, представлена словами с ложной положительной оценкой, основывается на порядке следования компонентов).

В современной лингвистике агрессивный тип речевого поведения характеризуется двойной интенцией: «1) выражение негативного отношения к кому- или чему-либо; 2) ориентация на антидиалог, то есть на субъектно-объектный некооперативный тип общения с адресатом» [Коряковцева 2008: 86]. Для синтаксических фразеологизмов характерна первая интенция, что объяснено нами выше. Вторая интенция неактуальна, для синтаксических фразеологизмов несвойственно воздействие на адресата.

Агрессивная речь говорящего оценивается как грубая, бранная, невежливая. В подобном контексте: *Хорош губернатор, на воровском жаргоне балакает, у нас вообще сверху видят, кто там князьки местные?* (Коммерсантъ, 2017.06.05) употребляется синтаксический фразеологизм со словом *хорош*, которое меняет своё изначально положительное значение,

полностью противопоставляется ему. Речевая агрессия реализуется за счёт включения таких слов, как *балакает* (вместо слова *разговаривает*), имеющее в словарях помету *разг.*, *князьки* – не просто разговорное, а уничижительное к существительному *князь*. Кроме того высказывание имеет форму риторического высказывания, что является показателем высшей степени эмоциональности, экспрессивного отрицания. Такая конструкция является показателем речевой агрессии.

Лексическое наполнение синтаксического фразеологизма и контекста может включать жаргонизмы, инвективную и стилистически сниженную лексику, окказиональные слова и др., что показано в приведённом выше контексте.

В языке художественной литературы для определения значения исследуемых конструкций также важен контекст:

Она: *Там, где всегда. И прежде чем звать – надрываться, вспомни и сам возьми.*

Он: *Ну хватит! Хватит, понимаешь! Что ты меня этим «на месте, на месте» дрессируешь?! Ну, бесполезно меня воспитывать, уже бесполезно. Нет, чтобы просто сказать – возьми там-то – и всё. Понимаешь, и всё. И ведь столько ругани, ... а в конце концов всё равно скажешь где. Зачем всё это препирательство, бесполезно..., бесполезно меня приучать* (Е. Гришковец. Город).

Синтаксический фразеологизм употребляется в контексте, содержащем экспрессивно окрашенную лексику и экспрессивные синтаксические конструкции (повторы, риторические вопросы). Отрицательная оценка говорящим поступков адресата включает в себя и неодобрение его действий (*зачем всё это препирательство; нет, чтобы просто сказать...*), и несогласие с адресатом (*Ну, бесполезно меня воспитывать, уже бесполезно*), и возражение (*Что ты меня этим «на месте, на месте» дрессируешь?!*), и нежелание продолжать коммуникацию (*Ну хватит! Хватит, понимаешь!*) и т. д.

Речевая агрессия в данных примерах направлена не на негативное воздействие на адресата речи, а на оценку, в высшей степени эмоциональное отрицание сложившейся ситуации, несоответствие ожиданиям. Синтаксические фразеологизмы употребляются в речи для донесения до адресата собственного мнения о сложившейся ситуации, отражающего позицию говорящего относительно сообщаемого.

Синтаксические фразеологизмы имеют разное пунктуационное оформление, что будет рассмотрено нами далее на примере каждой модели построения. Однако следует заметить, что предложения, содержащие синтаксические фразеологизмы, являются в большинстве случаев восклицательными. «Специализированным грамматическим средством категории эмоционального является восклицательное предложение, представляющее эмоциональную окраску высказывания говорящим. В предложении совмещается информативный смысл и субъективный взгляд на него говорящего. Восклицательная интонация даёт говорящему возможность выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки, все детали личного отношения» [Лекант 2012: 47].

Так и речевая агрессия как проявление экспрессивности высказывания реализуется в синтаксических фразеологизмах, имеющих восклицательную организацию конструкции.

Например: 1) – *Скажите, а зачем вам вообще нужно удостоверение депутата Госдумы России? / – **Что** за идиотский вопрос? Неужели непонятно: Я ПАТРИОТ!!!* (Комсомольская правда, 2011.04.26); 2) *На посту мёрзнет одинокий гаишник, который пропускает всех. «**Что** за бардак?» – не выдерживаю я* (Комсомольская правда, 2011.03.22); 3) ***Что** за мужики в шляпах рулят страной?* (Комсомольская правда, 2011.03.04). В представленных конструкциях функционирует синтаксический фразеологизм *что за* + имя существительное. Построение имеет значение негативной оценки ситуации. Неодобрительное отношение к предмету речи усиливается за счёт включения в состав конструкции элементов: *идиотский,*

бардак, мужики. Экспрессивность заложена в самой структуре синтаксического фразеологизма. Говорящий выражает недовольство по поводу несоответствия ситуации его представлению, то есть выражается речевая агрессия. Подобные построения, употребляясь в диалоге (см. пример 1), свидетельствуют о нарушении взаимопонимания в процессе общения и коммуникации, которое может привести к прекращению общения вовсе или к конфликту.

Ироническое неодобрение как реализация агрессивного речевого поведения реализуется в подобных построениях: *Тожже мне ихтиологи, рыбу в «лицо» не узнаёте... – даже слегка обиделся счастливчик* (Комсомольская правда, 2010.04.09); *Подавляющее большинство тех, кто изумляется, что я не выезжал за пределы России, на самом деле за пределами России были только на пляжах Турции или Египта. Тожже мне, великие путешественники. Мне интересен тот мир, в котором я живу, и тот край, где я живу, – Урал* (Труд-7, 2010.03.10). В представленных предложениях употребляется синтаксический фразеологизм с постоянным компонентом *тожже мне*. В русском языке он реализует негативную, неодобрительную оценку предмета речи.

А. В. Величко отмечает, что подобное высказывание, содержащее данный синтаксический фразеологизм, уместно употреблять только к лицу, с которым говорящий находится «в неофициальных отношениях: к приятелю, другу, близкому, младшему (например, в разговоре с коллегой по работе, жены с мужем, матери или отца с дочерью или с сыном и т. д.)» [Величко 2016: 389]. При обращении же к другому лицу или нескольким лицам данное выражение является неуважительным и отчасти грубым. В рассматриваемых контекстах представлено обращение к третьему лицу, что придаёт высказыванию оттенок иронического неодобрения, так как употреблены слова *великий путешественник, ихтиологи*, значение которых в составе конструкции приобретает отрицательную оценку. Говорящий выражает злую шутку, сарказм. Совместно с отрицательной

оценкой наблюдается и агрессивное поведение, заключающееся в категорическом негативном отношении к ситуации и предмету речи.

Подобная реализация характерна для разных схем построения синтаксических фразеологизмов. Ср.: *Если на заводе сомневаются в успехе шведского эксперимента, то в наркологическом центре в него просто не верят: «Знаем мы эти благотворительные программы! – возмущается Надежда Воробьева, зав. организационно-методическим и консультативным отделением (Комсомольская правда, 2004.07.02); Ничего, что реально угрожало бы российским интересам, в них нет. Мало ли о чём они там договариваются, в том числе и по военно-техническому партнерству – приоритетным партнером для Казахстана тут все равно остается Россия. (Аргументы и факты, 2018.01.19); Какое движение?!... Что ты про это знаешь?.. Ты прям как этот... будешь мне рассказывать, какая у меня отличная работа... (Е. Гришковец); Хорош конспиратор, одуревший от вида юного личика! (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы) и др.*

Как известно, речь и поведение говорящего связаны между собой. Среди глаголов, выражающих речевое и неречевое действие, выделяются: *обмануть, надуть, ободрить, обидеть, оскорбить, ввести в заблуждение* [Арутюнова 1998: 443]. В следующем построении: *«Знаем мы эти благотворительные программы! – возмущается Надежда Воробьева, зав. организационно-методическим и консультативным отделением (Комсомольская правда, 2004.07.02)* речеповеденческое действие выражено глаголом *возмущаться*, обозначающим ‘испытать негодование, раздражение при виде несправедливости’ [ТСО: 96]. Примером поведенческого акта служит следующий контекст: *Тожже мне ихтиологи, рыбу в «лицо» не узнаёте... – даже слегка обиделся счастливчик (Комсомольская правда, 2010.04.09).* Поведение говорящего характеризуется глаголом *обидеться* – ‘почувствовать обиду, оскорбиться’ [ТСО: 425] указывает на его реакцию, субъективное отношение к сообщаемому. В обоих случаях представлена реакция говорящего, заключённая в ответной реплике, выполняется

реактивная функция. Обусловленная семантикой синтаксических фразеологизмов реакция имеет экспрессивный характер. При этом она связана не с действительностью, а с ситуацией общения, с суждением о действительности.

Экспрессивное значение синтаксических фразеологизмов реализуется не только за счёт наполнения конструкции и контекста стилистическими сниженными элементами, оно заложено в структуре. Структура синтаксического фразеологизма упрощена, однако усложнён её смысл. Из конструкции исключены избыточные словесные компоненты и разорваны связи между словами при полном сохранении семантической целостности построения.

Значение экспрессивности, закладываемое в синтаксическом фразеологизме и реализуемое в контексте, свидетельствует о нарастающей в русском языке речевой агрессии, имеющей разные проявления.

Таким образом, речевая агрессия выражается в синтаксических фразеологизмах лексическим наполнением переменного компонента и контекста, стилистическими особенностями данного лексического наполнения, наличием слов с ложной положительной оценкой, обобщённым значением синтаксического фразеологизма, восклицательной организацией конструкции.

2.2. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке

Анализ синтаксических фразеологизмов, выполняемый в исследовании, базируется на работах Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелёва, В. Ю. Меликяна и других. В работах Д. Н. Шмелёва [Шмелёв: 1960, 1976 (2002)] описаны основные свойства синтаксических фразеологизмов и признаки, отличающие

их от лексических фразеологизмов. В исследованиях Н. Ю. Шведовой [Шведова: 1958 (2003)] выявлены грамматические и семантические свойства рассматриваемых конструкций, определены их структурные особенности в зависимости от степени сохранения опорными компонентами их семантики и свойств, характерных для определённой части речи, рассмотрены связи между компонентами. В работах В. Ю. Меликяна [Меликян: 1999, 2001, 2002, 2004] при описании синтаксических фразеологизмов учитываются их происхождение, причины появления в речи, семантическая и структурная организация, функционирование в речи.

В связи с этим исследование синтаксических фразеологизмов предполагает освещение семантического, структурного, коммуникативно-прагматического, текстового и стилистического аспектов. Считая синтаксические фразеологизмы системным явлением русского языка, при их анализе мы следуем алгоритму:

- 1) определение значения синтаксического фразеологизма;
- 2) анализ структуры, компонентов синтаксического фразеологизма (постоянного и переменного);
- 3) описание пунктуационного оформления;
- 4) анализ контекста употребления синтаксического фразеологизма;
- 5) выявление тенденций синтаксического фразеологизма к трансформации;
- 6) выявление способов реализации иронического неодобрения в структуре синтаксического фразеологизма;
- 7) определение способности синтаксического фразеологизма выражать речевую агрессию.

Представленный алгоритм позволяет произвести комплексный анализ синтаксических фразеологизмов, в основе которого теоретические положения первой главы исследования.

Описание семантики синтаксических фразеологизмов предусматривает определение значений моделей их построения, а также анализ значений, имеющих в толковых и фразеологических словарях русского языка.

Подробный анализ семантики предусматривает описание выражения значения оценки в синтаксическом фразеологизме, экспрессивности. Опорный компонент синтаксического фразеологизма часто отходит от своего первичного значения, употребляется в исследуемых конструкциях не в свойственном ему значении. Поэтому при описании синтаксического фразеологизма требуется подробный анализ постоянного компонента, его связи с переменным. Особый интерес представляет лексическое наполнение переменного компонента синтаксического фразеологизма. Несмотря на то что он свободно лексически варьируем, существуют закономерности в выборе единиц. Так, в синтаксическом фразеологизме типа *Хорош друг!* в качестве переменного компонента употребляется слово с положительными признаками (ложной положительной оценкой), но в структуре синтаксического фразеологизма данные положительные признаки «стираются» за счёт десемантизации постоянного компонента. В синтаксических фразеологизмах типа *Что за ерунда!* в качестве переменного компонента может выступать слово со сниженной стилистической окраской и т. д. При описании семантики синтаксического фразеологизма мы обращаемся к классификациям, имеющимся в научной литературе. Такой анализ позволяет определить семантическое отличие одной модели синтаксических фразеологизмов от других.

Как отмечалось, синтаксические фразеологизмы в отличие от лексических строятся по существующим в языке моделям, фразеосхемам. Данные модели предусматривают порядок следования компонентов и их грамматические характеристики. Анализ структуры синтаксического фразеологизма предполагает детальное описание входящих в состав синтаксического фразеологизма компонентов, определение мотивированности конструкции. С таким анализом связано выявление

возможности отступления от традиционной схемы построения (исключение переменного компонента, включение в состав конструкции факультативного элемента и т. д.).

При описании синтаксических фразеологизмов следует учитывать их пунктуационное оформление, так как в русском языке наблюдается варьирование знаков препинания в подобных конструкциях. Например, конструкции типа *Нет (,) чтобы помочь, Ох (,) уж эти мне экзамены* могут иметь запятую или не иметь. Варьирование пунктуационного оформления исследуемых построений наблюдается в чередовании знаков на конце предложения. Употребляясь в качестве реакции на сообщение собеседника (распространённый случай употребления синтаксических фразеологизмов), продуктивен восклицательный знак в конструкциях разных моделей. Варьирование в пунктуационном оформлении синтаксических фразеологизмов обусловлено их функционированием в структурах диалогического единства, являющегося письменным воспроизведением разговорной речи. Пунктуация синтаксических фразеологизмов несёт экспрессивную, эмоциональную и нередко семантическую нагрузку, так как обусловлена ситуацией общения и задачами коммуникации.

При анализе синтаксических фразеологизмов следует учитывать контекст, в котором они функционируют. Экспрессивность, заложенная в какой-либо конструкции, выходит за её пределы и реализуется в тексте в целом. В контексте содержится лексика и другие конструкции, с которыми взаимодействуют высказывания с синтаксическими фразеологизмами, в связи с этим правильно интерпретировать значение синтаксического фразеологизма можно только при наличии контекста. Синтаксические фразеологизмы, употребляясь в диалоге или монологическом высказывании, окружены контекстом, который обуславливает их адекватное функционирование. Не сообщая новой информации, синтаксические фразеологизмы являются реакцией на сообщение собеседника, поэтому в них отсутствуют компоненты, уже

употреблённые в контексте и необходимые для понимания их значения. Предшествующие синтаксическому фразеологизму высказывания обуславливают его уместное употребление в конкретной коммуникативной ситуации.

При анализе контекста, окружающего синтаксический фразеологизм, мы можем проследить и описать возможность синтаксического фразеологизма выражать речевую агрессию, заключающуюся в использовании языковых средств, выражающих неприязнь, враждебность и др. На это в контексте могут указывать различные характеристики речи участников коммуникации.

Следует отметить, что мы не учитываем активную прямую агрессию, заключающуюся в оскорблении, унижении, угрозах и т. д. Вербальная агрессия, которая представляет интерес для нашего исследования, заключается в насмешке, заключающаяся в ироническом несовпадении сказанного с реальным положением дел; неодобрении, проявляющемся в словесном выражении негативной реакции на то или иное действие. При этом ироническое неодобрение в границах синтаксического фразеологизма может выражаться разными способами: десемантизацией опорного компонента, употреблением слов с ложной положительной оценкой, сниженной стилистической окраской, интонацией и т. д.

Синтаксические фразеологизмы представляют собой конструкции с точно заданным значением и структурой. Одним из аспектов их анализа является описание интонации. Как отмечалось в первой главе, синтаксические фразеологизмы одной модели могут произноситься с разной интонацией, что не изменяет семантики конструкции; синтаксические фразеологизмы разных моделей могут произноситься с одной интонацией. Интонация, которая сопровождает высказывание, отражает специфику значений синтаксических фразеологизмов. Так как наше исследование посвящено всестороннему анализу синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения в письменных текстах, анализ

интонации высказывания является неактуальным. Для точного определения значений синтаксических фразеологизмов нами анализируется контекст.

При описании синтаксических фразеологизмов мы следуем намеченным принципам, но не придерживаемся указанной последовательности методики анализа конструкций. Это обусловлено тем, что каждый описываемый тип синтаксических фразеологизмов имеет особенности структурного, семантического, стилистического плана.

2.2.1. Синтаксические фразеологизмы типа «*Хорош + N₁!*»

Синтаксические фразеологизмы типа *Хорош друг!* включают в свой состав в качестве неизменяемого компонента знаменательное слово, которое претерпевает отступление от своего прямого значения, но не утрачивает категориальных связей с соответствующим грамматическим классом слов. Синтаксические фразеологизмы данной модели имеют в своем составе постоянный компонент, выраженный кратким прилагательным *хорош*, согласующийся в роде и числе с переменным компонентом, в качестве которого может выступать лексически свободное имя существительное в именительном падеже.

В русском языке зафиксировано употребление краткого прилагательного *хорош* в качестве 'выражения иронического отношения к кому-чему-нибудь, пренебрежительно-неодобрительной оценки кого-чего-нибудь (разг.)': *Хороша история* [ТСУ: 740]. Также в словарях указывается, что краткая форма прилагательного употребляется для выражения неодобрительной или иронической оценки, упрёка в чей-либо адрес (*Хорош отличник – такого простого правила не знает!*, *Ты-то хорош!* и т. д. [БУС: 1358]. В составе синтаксического фразеологизма его лексическое значение нейтрализуется, компонент приобретает значение негативной оценки

или отрицания. «Оценочный характер данной лексемы направлен не на отдельный элемент описываемой ситуации, а на всю ситуацию в целом». При этом прямое значение частично актуально для коммуникативного смысла фразеологизированного высказывания [Меликян 2004: 183].

Д. Н. Шмелёв отмечает, что «находясь в препозиции к имени, оно употребляется для отрицательной оценки. Получает не только «обратное значение» ('плохой', 'нехороший'), но и служит вообще для отрицания значения последующего существительного» [Шмелёв 1976: 321]. Таким образом, фразеологизированные конструкции данного типа выражают «отсутствие у того, кому (чему) приписывается предикативный признак, свойств, качеств, характерных для называемого; это значение обычно сочетается с иронической оценкой. Прилагательное претерпевает явное ослабление своего основного лексического значения» [Шведова 1958: 100]. Ср.: *Список организаций-врагов тоже хорош: Посольство России в Эстонии, агентство Регнум, «Мир без нацизма», ГРУ ФСБ, СВР и учения «Запад-2013»...* (Комсомольская правда, 2014.14.06). Прилагательное приобретает противоположное значение, так как в предложении реализуется ирония по поводу отнесения перечисленных организаций к организациям-врагам – реализуется значение, противоположное буквальному. Синтаксический фразеологизм характеризуется асимметрией между структурой и значением.

Следует отличать синтаксические фразеологизмы типа *Хорош друг!* от устоявшегося фразеологического оборота *хорош гусь: Хорош гусь, неча сказать. Измаял песнями да ещё всякой иной музыкальной дребеденью доконать хочет* (Б. Евсеев). Фразеологизм имеет значение 'о нечестном, ненадёжном человеке' (*прост. неодобр.*) [БСРП]. Для фразеологизма характерна семантическая целостность, что отличает его от синтаксического фразеологизма, характеризующегося двукомпонентностью и вариативностью переменного компонента.

Фразеологизированная конструкция многозначна. Различают 2 типа синтаксических фразеологизмов со словом *хорош*.

1. Конструкция способна выражать значение негативной оценки предмета речи, который формально оценивается положительно, в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением. Ср.: 1) *Хорош свидетель, на основании показаний которого Ликуся загремела за решётку!* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки). Формально для характеристики предмета речи использовано прилагательное *хорош*, однако в пределах контекста построение приобретает противоположное значение: *Плохой свидетель, на основании показаний которого Ликуся загремела за решётку!*. 2) *Лежит в кустах и не знает, как к «калашу» пристроиться! Хороша картина!* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха). В построении реализуется семантика иронического неодобрения ситуации в целом – *хороша картина*. Как и в предыдущем примере, прослеживается имплицитная антонимия слов. Предмет и ситуация, изначально и формально представленные как «хорошие», приобретают отрицательную коннотацию. 3) *Это к нему (Г. Маннергейму – прим.) в 1942-м на 75-летний юбилей приезжал Гитлер, чтобы не только душевно поздравить соратника, но и сообщить о готовящемся штурме города на Неве. <...> Хорош царский генерал!* (Правда, 2016.07.14). В высказывании прослеживается негативное отношение к предмету речи, положительное качество *хорош*, приписываемые ему, резко отрицаются, выражается неодобрение, порицание. Семантика реализуется за счёт контекста, в котором излагаются поступки данной личности.

2. В предложениях данного типа выражается значение несогласия, отрицание факта, который формально утверждается и положительно оценивается, в сочетании с недоверием, неодобрением, пренебрежением, насмешкой. Обычно конструкция употребляется при повторе в ответной реплике ключевого по смыслу слова, используется как реакция на несоответствие предмета речи реальному положению дел. Ср.: 1) *Это чисто джентльменский договор. «Хорош джентльмен!» – подумал я,*

сжимаемая кулак в узком кармане кожаных брюк (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь). Лексическое значение краткого прилагательного *хорош*, использованного в качестве постоянного компонента, нейтрализуется. В представленных контекстах слово приобретает отрицательную коннотацию. За внешним утверждением «скрывается насмешливое отрицание» [Шмелёв 2002: 312]. На значение указывает контекст, в котором отражается поведение говорящего – *сжимаемая кулак*. 2) *Но внутри автомобиля не осталось и намёка на «джиперский» уклад или военную аскезу. Хороша аскеза, если все сидения сделаны с подогревом, водительское к тому же и с памятью* (Коммерсант, 2018.01.16). В последнем контексте синтаксический фразеологизм употреблён не в диалоге, а в монологической речи в качестве оценки предмета речи (в данном случае оценке подержанного автомобиля), является частью сложного предложения. В синтаксическом фразеологизме в качестве переменного компонента употреблено слово *аскеза*, имеющееся в контексте. *Аскеза* – образ жизни, отвечающий требованиям аскетизма, ‘строгости образа жизни с отказом от жизненных благ и удовольствий’ [СРЯ.О: 37]. В синтаксическом фразеологизме реализуется ироническое отношение, насмешка, положительные характеристики опровергаются в придаточной части сложного предложения. Налицо несоответствие названного качества и имеющимся свойствам оцениваемого предмета.

Анализ примеров употребления синтаксических фразеологизмов типа «*Хорош* + N_1 » позволяет сделать вывод о том, что в подобных построениях ироническое неодобрение основывается на употреблении лексем с ложной положительной оценкой или стилистически нейтральных слов. Слова *свидетель, царский генерал, джентльмен, аскеза* в представленных высказываниях приобретают отрицательное значение.

Схема построения синтаксических фразеологизмов исследуемого типа в современном русском языке может претерпевать изменения – из неё может исключаться переменный компонент: *Застигнутый на месте преступления,*

Борька не знает, куда девать мокрые до локтей руки. «Хорош! Мало того что проспал... Петька ждал на колокольне, ждал...» (Г. Башкуев. Маленькая война). При этом именной компонент может восстанавливаться из контекста. В данном примере это существительное *Борька*.

Фразеологическая модель со словом *хорош* может включать другой элемент, усиливающий отрицательное значение, – *нечего сказать* ‘разг., экспрес. кто-либо возмущён кем-либо или чем-либо’ [ФСРЛЯ: 619], ‘употребляется как эмоциональное выражение отрицательного выражения к чему-либо’ [МАС IV: 101]; ‘разг., экспрес. совершенно согласен; нечего возразить; действительно так’ [ФСРЛЯ: 619]. Подобная модификация фразеологической модели достаточно продуктивна: *Уехал в день решающего матча? Хорош, нечего сказать! А Медузия, надеюсь, здесь?* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона); *Хорош, ничего не скажешь, этот Верховный Совет, если его фашисты охраняют!* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); *Степаша запаздывал, а матушка его несла что-то с Дону, с моря... занимала время. Тоже хороша, ничего не скажешь. Та ещё штучка* (А. Волос. Недвижимость). При наличии подобного элемента схема может представлять собой лишь постоянный компонент, выраженный полнозначительным словом. Негативная оценка предмета речи сохраняется. Однако при добавлении данного элемента схема построения синтаксического фразеологизма может не изменяться: *Солнце слепило глаза, радиоэфир пошло шутил на тему мартовских котов, а Алексей вот уже четвёртый день пребывал в какой-то мифической командировке – и это накануне пятнадцатилетия свадьбы, хорош подарочек, ничего не скажешь!* (Н. Никишина. Люблю сильнее жизни. Маленькие истории о любви).

Существует вариативность в оформлении высказывания с вводным выражением *нечего сказать*. Оно может находиться как после синтаксического фразеологизма изменённого или неизменённого вида (*Значит, это и есть банкир Строганов? Хорош, ничего не скажешь, я хоть криминальные новости редко смотрю, но про это дело уже*

так натрубили... (Н. Александрова. Единственный свидетель)), так и перед синтаксическим фразеологизмом (*Поднявшись с кресла, Соколов провёл рукой по подбородку и поморщился. Пальцы неприятно колола трёхдневная щетина. Ничего не скажешь, хорош жених!* (И. Садчиков. Стальной шторм. Арктический блицкриг)).

Кроме исключения вариативного компонента модель синтаксического фразеологизма может меняться путём перестановки компонентов. Это происходит, несмотря на то, что порядок слов «постоянный компонент + переменный» подчеркивает различие восприятия и отличие от членимого предложения. Ср.: *Ты тоже хороша. Сидела и молчала* (М. Трауб. Ласточ...ка); *А ты тоже хорош: чего не остановил-то меня?* (А. Маринина. Последний рассвет); *И пока не сделаешь – чтобы духу твоего здесь не было. И ты, Сташис, тоже хорош!* – *Нет, Надежда Игоревна, вы не правы, – мужественно вступился за товарища Роман, – Антон тут ни при чём, в первые сутки мы с Геной вдвоем работали, это мы с Геной недосмотрели, а Антон уже потом подключился* (А. Маринина. Последний рассвет); *Все-таки я её обманул, потом оскорбил. Она, конечно, тоже хороша. Но она женщина* (Н. Трофимова. Третье желание). Переменный компонент в подобных примерах занимает препозицию по отношению к постоянному, также имеется лексема, дистанцирующая компоненты друг от друга.

Значение иронического неодобрения в синтаксическом фразеологизме реализуется за счёт контекста, например: *Полковник расправил плечи и, насколько смог, втянул объёмистый животик. «М-да, хорош, ничего не скажешь... – Он саркастически ухмыльнулся. – Раздобрел на сидячей работе, даром что нервная...»* (С. Тармашёв. Заражение). Синтаксический фразеологизм представлен в трансформированном виде – исключён переменный компонент, который легко восстановить из контекста при интерпретации высказывания, это местоимение я. Слово *хорош* употребляется в значении, противоположном изначальному, ‘*нехорош, плох*’. На данную семантику указывает контекст, в котором употреблены маркеры

речевого поведения и эмоционального состояния личности – *саркастически ухмыльнулся*. Глагол *ухмыльнулся* имеет значение ‘слегка засмеяться (обычно с насмешкой, недоверчиво)’ [СРЯ.О: 837], что указывает на неодобрение ситуации, иронию по отношению к происходящему (предмету речи, ситуации). Также использован элемент *ничего не скажешь*, который используется в высказывании для выражения подтверждения того, о чём говорится.

Синтаксические фразеологизмы типа «*Хорош* + N_1 » могут употребляться в качестве простого предложения или в составе сложного: 1) *Хорош* конспиратор, одуревший от вида юного личика (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); 2) *Ужаснулась Марица* и, взяв старушку за руку, возмущенно воскликнула: «*А еще француз называется! Хорош француз, если видит нас такими!*» (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).

Продуктивна восклицательная организация предложения с синтаксическим фразеологизмом данного типа, что указывает на экспрессивность, крайнее напряжение чувств, а также на речевую агрессию, проявляющуюся также и за счёт лексического наполнения переменного компонента и контекста. Так, в примере 2 употреблены следующие характеристики поведения и речи говорящего: *ужаснулась, возмущённо, воскликнула*. В качестве переменного компонента используются слова со стилистически сниженной окраской: *Хорош* *опричник*, *говорил Двигубский, давясь своим хохотом* (А. Макушинский. Город в долине); *В первой серии фильма «Балтийское небо» моей героине Соне еще только 14–15 лет. Хорош подросток с ребеночком. И я решила промолчать, а если утвердят, то уж тогда признаться* (Л. Гурченко. Аплодисменты). Это слова *опричник, подросток*, имеющие суффикс субъективной оценки *ек*, указывающие на принадлежность высказывания к разговорной речи, усиливающие отрицательное значение синтаксического фразеологизма. Такое экспрессивное словообразование используется в художественных

произведениях и публицистических текстах как средство создания иронической, сатирической окраски речи.

Речевая агрессия, как отмечалось, реализуется в синтаксических фразеологизмах данного типа и за счёт контекста и лексического наполнения переменного компонента. Так, например, в высказывании «*Фу, – сморщилась Зайка, – хорош анекдот, гадость какая-то!*» (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки) употреблён лексически нейтральный переменный компонент *анекдот*, а также в контексте имеется дополнительная характеристика предмета речи *гадость* ‘предмет, вызывающий отвращение (разг.)’ [СРЯ,О: 128], междометие *фу*, выражающее ‘укоризну, досаду, презрение, отвращение’ [СРЯ,О: 856]. Данное междометие служит также и для выражения, насмешки, иронического неодобрения. В качестве характеристики поведения говорящего использован глагол *сморщилась* ‘морщить лицо, лоб’ [СРЯ,О: 364]. Подобные глаголы используются в текстах произведений для передачи одновременно и физических действий, и эмоциональных реакций, впечатлений героев, обычно они сопровождают речь. Употребление подобных элементов является стилистически мотивированным.

Употребление синтаксических фразеологизмов типа *Хорош друг!* обусловлено сближением устной и письменной речи. Продуктивность данных конструкций свидетельствует о влиянии устной и разговорной речи на письменную и, как следствие, усилении экспрессивного начала в письменных текстах.

2.2.2. Синтаксические фразеологизмы типа «Мало ли что + V!»

Синтаксические фразеологизмы, построенные по схеме *мало* + местоимение + глагол, имеют постоянный компонент – наречие *мало* в сочетании с падежной формой местоимения, переменный компонент – спрягаемый глагол. «Живые синтаксические связи внутри первой части конструкции ослаблены» [Шведова 1967: 277]. Наречие *мало* – ‘в небольшом количестве, в небольшой степени; немного’ [ТСК] подвергается десемантизации.

В. Ю. Меликян указывает, что наречие *мало* приобретает значение ‘многие, много; во многих местах, во многих случаях, часто’ на основе «прямого в свободной синтаксической конструкции: «немногие, немного; в немногих местах, в немногих случаях, изредка» и т. п. (*Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание* (А. Пушкин. Метель); *Мало кто спал в эту ночь* (В. Арсеньев. По Уссурийской тайге))» [Меликян 2004: 172].

Синтаксический фразеологизм имеет значение оценки предмета речи как несущественного, не заслуживающего доверия, внимания в сочетании с безразличием, равнодушием и т. п.: *За 35 лет работы в разведке я не помню случая, чтобы разведка сказала: мы этого сделать не можем. Мало ли что мы добывали? Например, отыскали образцы картофеля, который колорадские жуки не едят* (Комсомольская правда, 2014.06.15); *Мало ли что можно найти в Интернете...* (РБК Дейли, 2014.05.23); *Протестующие открыто говорят Яценюку, Тягнибоку и Кличко: мало ли, о чем вы там договорились, мы помещения освободить не будем* (Известия, 2014.01.29). Порядок следования компонентов неизменен. В структуру синтаксического фразеологизма включается частица *ли*, именно в таком облике функционируют синтаксические фразеологизмы данной

модели в русском языке. В толковых словарях русского языка зафиксировано *мало ли что* в значении '(разг.) неважно, несущественно, что... *Мало ли что устали, отдыхать некогда*' [СРЯ.О: 338]; *мало ли* – 'более чем достаточно, в большом количестве (употребляется в эмоционально окрашенной речи, когда хотят подчеркнуть именно количественную сторону действия, состояния и т. д.)' [БУС: 512].

Синтаксические фразеологизмы данной модели приобретают значение 'отношения к сказанному как к несущественному, такому, что можно не принимать во внимание, что не заслуживает серьёзного отношения, о чём не стоит говорить'.

В рассматриваемой модели наречие *мало* в сочетании с местоимением может употребляться в противоположном значении – 'много': *Мало я на них нервов и сил потратила, так теперь они хотят ещё и дом у меня отобрать* (Комсомольская правда, 2012.06.15). Рассмотрим другой пример: *В числе ликующих болельщиков выделялась плачущая от счастья женщина в форме сборной России – той самой, которая запрещена на Олимпиаде для спортсменов и официальных лиц. Мало ли эмоциональных зрителей, скажете вы. Но здесь особый случай – речь идет о трехкратной олимпийской чемпионке, 14-кратной чемпионке мира, пятикратной обладательнице Кубка мира Елене Вяльбе. Спортсменке, которая внесена в Книгу Гиннеса как «Лучшая лыжница XX века»* (Аргументы и факты, 2018.02.14). Реализуется то же значение неодобрения, предмет речи оценивается как не заслуживающий особого внимания.

Имеет место не частичная, а полная фразеологизация, когда *что* утрачивает свое местоименное значение и поэтому не имеет мотивированных связей со следующим далее словом: *Мало ли что болен*.

Обратим внимание на то, что в одном из словарей зафиксировано значение разговорной частицы *мало ли что* – 'употребляется для указания на то, что приводимый собеседником довод, упоминаемое им обстоятельство мало что значат, не имеют решающего значения' [БУС: 512].

Интересен тот факт, что за постоянным компонентом, как указывает Н. Ю. Шведова, следует форма *что, чего* (обычно) либо форма указательного местоимения или местоименного наречия. Форма представления этого промежуточного (но обязательного) компонента может быть разная. Ср.: *Доктор переехал в Геленджик из Санкт-Петербурга. Говорит, что страшновато было менять место жительства – **мало ли** как всё сложится на новом месте* (Аргументы и факты, 2018.02.07); – *Нужно. Дети в любом случае всё слышат и знают. **Мало ли** какие фантазии возникают у них внутри по этому поводу.* (Аргументы и факты, 2018.01.19); *Ничего, что реально угрожало бы российским интересам, в них нет. **Мало ли** о чём они там договариваются, в том числе и по военно-техническому партнерству – приоритетным партнером для Казахстана тут все равно остается Россия.* (Аргументы и факты, 2018.01.19); *Я пытался приехать в Японию на чемпионат мира по футболу. Но японцы не дали мне визу, потому что у меня были проблемы с кокаином. Господи, **мало ли** у кого были проблемы с наркотиками! ...* (Аргументы и факты, 2018.01.13); *Он её оповещает о том, что данное поведение карается Уголовным кодексом. А про майора ФСБ – **мало ли**, что там напишет оперативный сотрудник в Рождество». ...*(Аргументы и факты, 2018.01.09); *Симптомы заболевания очень разнообразны. Всё зависит от того, в каких участках центральной нервной системы возникли очаги поражения. Во многих случаях проблемы неявные: когнитивные нарушения, повышенная утомляемость, сексуальные расстройства, проблемы со зрением, неконтролируемое мочеиспускание. **Мало ли** из-за чего эти нарушения могут произойти! Люди далеко не всегда понимают, что больны, и не обращаются к докторам* (Аргументы и факты, 2017.12.30); *Соседи вспоминают: 20 ноября сотрудница благотворительной организации приходила домой к пенсионерке несколько раз. Тогда они не придали этому значения: **мало ли** по каким поручениям бегают. Ночью в квартире Мациной был включен телевизор: он работал так громко, что мешал жильцам дома спать.* (Аргументы и факты, 2017.12.15) и т. д.

Приведённые примеры показывают не только разное наполнение синтаксических фразеологизмов, но и разное пунктуационное оформление. В конструкциях возможна постановка запятой и выделение всего синтаксического фразеологизма при помощи тире.

Синтаксический фразеологизм может иметь вид парцелированной конструкции, при этом вариативный компонент будет исключён, отрицательное значение сохранится: *Я даже не буду тут спрашивать, на какой такой концерт на нынешней Украине могли ехать люди из Москвы. Мало ли* (Известия, 2014.05.21). Парцелированная конструкция обычно употребляется в конце высказывания. В таком построении *мало* не обнаруживает связей с соответствующим классом слов.

«Предложения, реализующие эту структуру, могут быть стилистически снижены и выражают в данном случае подчеркнуто негативную реакцию» [Величко 1996: 22–23], это ограничивает возможность их употребления в определенных ситуациях, например при непосредственной реакции на предложение, совет собеседника. Другими словами, фразы типа *Мало ли чего ты хочешь!*; *Мало ли о чем ты мечтаешь!* воспринимаются как фамильярные, «грубоватые» [Величко 1996: 22–23].

А. В. Величко делает интересное наблюдение о временной принадлежности и значении временной формы глагола данного синтаксического фразеологизма. «Форма прошедшего времени относит отрицание, возражение к прошлому, а форма будущего времени кроме отнесения возражения к будущему может иметь также значение обобщения, указывая на постоянное, регулярное неприятие субъектом чего-либо» [Величко 1996: 23]. Ср.: 1) *Доктор переехал в Геленджик из Санкт-Петербурга. Говорит, что страшиновато было менять место жительства – мало ли как всё сложится на новом месте* (Аргументы и факты, 2018.02.07). Глагол употреблён в форме будущего времени и имеет соотнесение с действием, отнесённым к будущему времени. 2) *Он её оповещает о том, что данное поведение карается Уголовным кодексом. А про майора ФСБ –*

мало ли, что там напишет оперативный сотрудник в Рождество». ... (Аргументы и факты, 2018.01.09); *Мало ли из-за чего эти нарушения могут произойти! Люди далеко не всегда понимают, что больны, и не обращаются к докторам* (Аргументы и факты, 2017.12.30). Глагол в форме будущего времени обозначает обобщённое значение, не соотнесённое с каким-либо временем вообще. 3) *Тогда они не придали этому значения: мало ли по каким поручениям бегают. Ночью в квартире Мациной был включен телевизор: он работал так громко, что мешал жильцам дома спать.* (Аргументы и факты, 2017.12.15); – *Нужно. Дети в любом случае всё слышат и знают. Мало ли какие фантазии возникают у них внутри по этому поводу.* (Аргументы и факты, 2018.01.19). Глагол употреблён в форме настоящего времени, однако соотнесённость с настоящим временем не единственная возможная интерпретация данной конструкции. В предложении может выражаться также обобщённое значение, указывающее на регулярность или обычность какого-либо действия.

Данные синтаксические фразеологизмы могут употребляться в высказываниях, выражающих в высшей степени экспрессию, эмоциональное утверждение, при этом оформляются в качестве восклицательных синтаксических конструкций, передающих эмоциональное состояние: *И я за Дашей не следила! Мало ли что у неё были длинные ногти! Мало ли что она сама говорила! Мало ли что я не видела её за компьютером! Она могла подслушать разговоры* (М. Жукова-Гладкова. Муж. Труп. Май). Распространено функционирование синтаксических фразеологизмов в форме риторических высказываний. Ср.: *И вот тогда я сильно пожалел, что ты не мой сын, потому что ты мне нравился. Впрочем, мало ли чужих симпатяг-детей с пухлыми щёчками и кнопками-носами встречается нам в жизни?* (Д. Рубина. Всегда, всегда?); *«Брось, старик, ты это брось, ты что... – повторял Сергей и всё тряс меня за плечо. – Мало ли кого мы берём или не берём? А сколько их сам Гришка не брал?»* (Д. Рубина.

Всегда, всегда?). Синтаксические фразеологизмы употребляются как в диалогической, так и в монологической речи для возражения на ответ собеседника или на собственное высказывание, то есть реализуется значение неодобрения чего-либо, несогласия с чем-либо.

Агрессивное речевое поведение говорящего реализуется в синтаксическом фразеологизме за счёт лексического наполнения переменного компонента, контекста: *Неплохая перспектива, уныло подумала я, – всю жизнь быть учебным пособием для злодеев. Да нет, что за чепуха! Мало ли что несёт этот алкоголик!* (Д. Рубина. Сахарное свечение);

В предложении в качестве переменного компонента употреблён глагол *нести* в значении ‘говорить что-либо пустое, нелепое (разг.)’ [СРЯ.О: 411]; в контексте употреблено слово со сниженной стилистической окраской *чепуха* в значении ‘(разг.) вздор, пустяки, нелепость’ [СРЯ.О: 877]. В контексте эмоциональное и речевое поведение говорящего характеризуется как пассивное – *уныло подумала*, однако при употреблении синтаксических фразеологизмов наблюдается усиление экспрессивности за счёт восклицательного оформления подряд идущих конструкций и использования синтаксических фразеологизмов разных типов: *что за чепуха, мало ли что несёт*. Значение синтаксического фразеологизма связано с утратой прямого лексического значения слов *мало, ли* в составе конструкции, таким образом, реализуется значение недовольства, несогласия, неодобрения предмета речи и ситуации.

Синтаксические фразеологизмы в следующих высказываниях («Он же сказал – через два дня». «**Мало ли** что он сказал. Хочешь, поспорим?» (А. Геласимов. Ты можешь); *Это кусок нашей страны. Мало ли что противоречия! У нас Татарстан не раздирается противоречиями, не говоря о Северном Кавказе?!* (Комсомольская правда, 2012.12.26)) характеризуются как грубые, неуважительные, их употребление в диалоге может привести к нарушению коммуникации, то есть в их структуре заключена речевая агрессия.

Синтаксические фразеологизмы могут употребляться без наличия контекста, в качестве заголовков различных текстов. При этом их значение является понятным, так как компоненты подверглись десемантизации. Так, в заголовке *Мало ли что говорят* (название книги Т. Соломатиной) реализуется ироническое значение неважности того, о чём говорят люди. В основе заголовка – реплика из диалога, приведённая в предисловии к книге: «*Будут говорить...*» – *начала было бубнить я, ещё не представляя себе, что скажу о том, что будут говорить по поводу конкретно этой книги. «Мало ли что говорят!» – перебили меня хором* (Т. Соломатина. *Мало ли что говорят*). Данный пример свидетельствует об активном освоении разговорных конструкций в сфере письменной речи.

В рассмотренных синтаксических фразеологизмах заключено субъективно-модальное значение, оценка говорящего сообщаемой информации или ситуации в целом. Наречие *мало*, десемантизируясь, передаёт значение степени проявления признака конструкции в целом, однако оно представлено имплицитно.

2.2.3. Синтаксические фразеологизмы типа

«*Много + Pron + V!*»

В «Русской грамматике» отмечены конструкции *много* + местоимение + глагол, характеризующиеся как построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений [Русская грамматика II: 217]. Экспрессивное значение в них реализуется за счёт изменения нейтрального порядка слов. В начало таких конструкций вынесено наречие, претерпевающее десемантизацию.

Постоянный компонент выражен наречием *много* и местоимением, второстепенный компонент свободно лексически варьируем, выражен глаголом. Наречие *много* – ‘в большом количестве, в значительной степени; не мало’ в синтаксическом фразеологизме не употребляется в прямом значении. Конструкция имеет значение оценки говорящим предмета речи как абсолютно не удовлетворяющего какому-либо признаку в сочетании с безразличием, равнодушием и т. п. (ничего). Ср.: **Много** ты знаешь, кто чего может придумать или не может (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т 1); «И потом, ты не медийное лицо». «**Много** ты понимаешь. Медийное-шмедийное...» (М. Трауб. Не вся la vie); **Много** ты сама можешь! Говорит, я её не пускаю (Комсомольская правда, 2013.02.01).

Модальное значение иронического неодобрения реализуется за счёт вынесения в начало фразеологической схемы компонента с ложным положительным значением *много*, десемантизация которого обуславливает реализацию негативной оценки или отрицания. Такие построения актуальны для ответной реплики диалога, в которых заключается непосредственная эмоциональная реакция на предмет речи или ситуацию.

Ироничность конструкции обусловлена тем, что она является заменой другой конструкции. Ср.: *Много ты понимаешь! – Ты ничего не понимаешь!*.

В качестве части постоянного компонента возможно употребление любого личного местоимения, закреплена лишь его грамматическая форма. Ср.: **Много** он понимает в эргономике, мальчишка! (П. Михненко. Этикет); «По-моему, это не уважение, а страх. Ну, как дикари, которые боятся чужих богов». «**Много** ты понимаешь про чужих богов», – ответил дед... (С Кузнецов. Хоровод воды) и др.

Наиболее продуктивны синтаксические фразеологизмы данной модели, в которых в качестве переменного компонента выступают глаголы мышления: *знаешь, понимаешь, думаешь* и др. Ср.: Я оборвал: «**Много** ты знаешь. Даже я тогда не жил» (С. Шаргунов. Письмо-2020); «Борис ведь не курил», – заметила Наташа. «**Много** ты знаешь! Значит, закурил»

(В. Синецина. Муза и генерал); *«Значит, вправду ремонт...»*. **«Много ты понимаешь! Ящики заносили, видал?»** (Г. Башкуев. Маленькая война); **Много ты понимаешь! Я его обожаю!** (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная повесть о зарытом»). Это обусловлено возникновением синтаксического фразеологизма в ответной реплике диалога в качестве оценки действий собеседника или лица, о котором сообщается в процессе коммуникации.

Формально в синтаксическом фразеологизме реализуется ложная положительная оценка предмета речи. Однако адресат оценивается говорящим как обладатель самой низкой степени признака – ‘абсолютно ничего не знающий, не думающий, не понимающий’. При этом оценка содержится не в постоянном компоненте – наречии, которое формально является показателем проявления высшей степени какого-либо признака, а в конструкции в целом. *«Чаще всего это не насмешка, просто фамильярное «отрицание» или грубое возражение»* [Шмелёв 2002: 320].

Фразеологическая схема синтаксических фразеологизмов в русском языке не подвергается изменениям. Структура синтаксического фразеологизма со значением отрицания допускает наличие дополнения после переменного компонента или между компонентами, что невозможно при ином порядке слов. Ср.: **Много ты о банке думал, когда Белковскому денежки подписывал** (С. Данилюк. Рублёвая зона) (в значении ‘не думал’) – *Ты много думал о банке <...>* (отрицательное значение невозможно); *«Вы слабых не любите»*. **«Много ты в любви понимаешь!»** – сказала Анька (А. Житков. Супермаркет) (‘не понимаешь’) – *Ты много понимаешь в любви*.

При анализе данного типа синтаксических фразеологизмов важен контекст. Так, в высказываниях: 1) **«Много он знает! – фыркнула с презрением Катерина. – Он младший, поэтому более половины секретов ему не раскрывали. Не дорос ещё!»** (Ю. Иванович. Шагнуть в неизвестность); 2) **«Много он знает, этот твой доктор,»** – буркнул Тютюнин (А. Орлов. Тютюнин против ЦРУ); 3) **«Бабушка, деньги у нас будут. Я опять в больницу**

устроилась. Не пропадём!» – успокоила Маша. *«Много ты там работаешь!»* – махнула рукой Зинаида (Е. Веснина. Уроки жизни) заключена речевая агрессия, на что указывает лексическое наполнение переменного компонента и контекста, восклицательная организация предложений.

В контекстах для характеристики поведения и речи участников коммуникации используются следующие элементы: 1) *с презрением фыркнула*, 2) *буркнул*, 3) *махнула рукой*. Данные средства направлены на выражение неприязни, недовольства, неодобрения того, о чём сообщается, отрицания. В контексте 1 употреблён глагол *фыркнуть* ‘сердиться, брюзжать, выражая недовольство чем-либо (разг.)’ [СРЯ.О: 857], данное действие совершается с презрением, то есть пренебрежительным отношением. В контексте 2 функционирует глагол *буркнуть* как индикатор агрессии, так как он демонстрирует эмоциональное состояние говорящего, неодобрение им ситуации. В контексте 3 речь сопровождается жестом – махнуть рукой, означающим об отстранении, когда человек от досады или отчаяния отказывается от чего-либо, свидетельствующем о неодобрении.

Вербальное выражение отрицательных эмоций можно проследить в подобной конструкции *Много он понимает в эргономике, мальчишка!* (П. Михненко. Этикет), где объект речи (человек) подвергается негативной оценке не только при использовании синтаксического фразеологизма (*много он понимает* = ‘он не понимает’), но и путём употребления слова *мальчишка*. В данном контексте слово использовано в переносном значении при квалификации предмета речи как несоответствующего каким-либо параметрам, как молодого, неопытного.

Предложения с данными синтаксическими фразеологизмами имеют восклицательное оформление, что также указывает на эмоциональную окраску высказывания, на передачу субъективного отношения (мнения) говорящего к ситуации и предмету речи.

Значение иронического неодобрения в синтаксическом фразеологизме реализуется за счёт десемантизации постоянного компонента, контекста, порядка следования компонентов.

2.2.4. Синтаксические фразеологизмы типа «*Буду / стану + Pron + V_{inf}!*»

Синтаксические фразеологизмы типа «*Буду / стану + Pron + V_{inf}!*» («*Буду я ещё общаться со всякими...*»). Она вовремя сообразила, что начала говорить что-то не то, и замолчала (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта); *Будет она тебе спать на улице, как же...* (К. Тахтамышев. Айкара)) реализуют значение отрицательного отношения говорящего к ситуации и предмету речи. Слова *стану, буду*, выражающие твёрдое намерение, представлены в контекстах в ироническом употреблении и означают 'совершенно не намерен'.

Рассматриваемые синтаксические фразеологизмы, внешне реализуя утверждение, имеют значение иронического отрицания. Ср.: *У нас огромная область! Буду я ещё проверять!* (Известия, 2006.10.25); *Буду я ещё нервы трепать за эту мизерную зарплату...* (Комсомольская правда, 2002.12.03); *А он: «А будет она мне ещё тут наводить тень на белый день»* (Комсомольская правда, 2006.10.30); *Стану я время терять! Достаточно сходить на дюжину свиданий, чтобы узнать о мужчинах все* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона).

Структура таких синтаксических фразеологизмов включает постоянный компонент – глагол *стать* или *быть* в форме совершенного вида, будущего времени, 1, 2, 3 лица с личным местоимением. Переменный компонент расположен после постоянного, выражен инфинитивом

и безгранично лексически варьируем: «не буду + возмущение, ирония, неодобрение».

Неодобрительное значение, негативная реакция говорящего реализуются без использования отрицательных средств (частицы *не* в составе глагольной формы: *не буду, не стану*). Формальная непредставленность отрицания является признаком экспрессивности и ироничности высказывания. Имплицитное выражение отрицания реализуется с помощью инверсированного порядка слов, интонации и контекста. Именно порядок слов отличает синтаксические фразеологизмы от других конструкций, имеющих в своем составе указанные формы глагола и местоимения. Ср.: 1) *У нас огромная область! Буду я ещё проверять!* (Известия, 2006.10.25); 2) *У нас огромная область! Я буду проверять ещё.* Первое предложение реализует отрицательное значение ('не буду проверять'), второе же предложение имеет значение, противоположное первому, соответствующее своему словесному выражению (планы выражения и содержания тождественны). Таким образом, порядок слов обуславливает различное восприятие предложений.

Для выражения отрицательной оценки используются лексемы, прямое значение которых связано с положительными признаками (*буду, стану*), то есть наблюдается асимметрия между планом выражения и планом содержания.

Несмотря на свободную лексическую варьируемость переменного компонента, оценочное значение создается ограниченным наполнением компонентов, выступающих в роли предиката, а не в грамматической семантической модели. Рассматриваемые синтаксические фразеологизмы реализуют значение иронической оценки, поэтому инфинитив как переменный компонент выполняет роль выражения отношения говорящего к предмету речи, а не отражения признаков, присущих данному предмету.

Структура предложения с синтаксическим фразеологизмом соответствует структуре двусоставного предложения, в котором подлежащее выражено личным местоимением, сказуемое – простое глагольное (аналитическая форма будущего времени): *Буду я ещё перо тупить об вашу «рыбу»!* (О. Пескова. Спасите наше лето); *«Буду я ещё деньги тратить!» – первым кричит председатель* (Н. Радулова. Между свечкой и тьмой); *Директриса недоверчиво отворачивается. Будет она слушать какого-то грузчика!* (Н. Горланова. Покаянные дни, или В ожидании конца света).

Зафиксировано употребление данных синтаксических фразеологизмов и в измененном виде. Ср.: 1) *А то будет он мне – нельзя да нельзя* (А. Геласимов. Степные боги); 2) *«Вот ещё, – буркнул Зарубин, – буду я!.. Я ему и не сказал ничего»* (А. Маринина. Последний рассвет). В подобных построениях отсутствует переменный компонент (инфинитив). В первом предложении пропущен глагол *говорить*, который восстанавливается из ситуации, а также подчинительный союз, необходимый для оформления косвенной речи.

Возможно употребление подобных конструкций в условных предложениях. Ср.: *Как вы думаете, молодой человек, – (всё-таки не удержался!) – стал бы я при всём честном народе вручать ей отравленную пилюлю, а потом вдруг отсоветовать её принимать?!* (В. Белоусова. Второй выстрел); *Стал бы я на потом оставлять, если бы нас не ожидало светлое будущее* (А. Берсенева. Возраст третьей любви); *Стал бы я с вами раскатывать тут, репутацию свою риску подвергать...* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша); *Стал бы я тогда всё своё состояние вкладывать в спорт, который не приносит прибыли?* (Известия, 2012.10.31); *Мол, стал бы он, пусть и пьяный, ссориться с компанией из восьми человек!* (Комсомольская правда, 2012.11.12). В данных примерах *стал бы* имеет значение ‘не стал бы’. Чаще эта конструкция употребляется в восклицательных предложениях или в риторических вопросах, в которых заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание.

Экспрессивное значение синтаксических фразеологизмов усиливается за счёт контекста и свободного варьирования переменного компонента. Ср.: 1) «**Буду я перед всякой (он выругался) извиняться!**» – грубо сказал мужчина. (А. Слаповский. Жизнь Лагарпова); 2) Крикнула Нонна: «**Буду я ещё общаться со всякими...**». Она вовремя сообразила, что начала говорить что-то не то, и замолчала (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта); 3) «**Это был не insult**», – возразил Каплевич, для него слова заведующей звучали так: «**Буду я ещё для какого-то старичишки безродного надрываться, нашли дуру**» (В. Валеева. Скорая помощь). Употребляются слова со сниженной стилистической окраской. В первом предложении употреблено *всякий* – разг. ‘о человеке, не заслуживающем внимания, не пользующемся авторитетом’ [ТСК], а также глагол *выругался* – разг. ‘произнести ругательство, брань; выбраниться’ [МАС: 122] и показатель экспрессивности речи, негативности высказывания говорящего – наречие *грубо*. Во втором предложении употребляется *всякими*, а также глагол *крикнула*, свидетельствующий об эмоциональности суждения. В третьем предложении употреблены следующие стилистически сниженные слова: *старичишка* (разг. ‘уничиж. к сущ. старик’), *дура* (бран. ‘глупая, женщина’ [МАС: 185]. Словарные пометы *разг.*, *простореч.*, *бран* – индикаторы отрицательной оценки, значения неодобрения.

Употребление в речи подобных структур может являться свидетельством речевой агрессии, характеризующейся выражением негативных эмоций с помощью употребления языковых средств. В представленных предложениях это – перечисленные выше слова (*всякий*, *старичишка*, *дура*). В предложениях 1–3 содержится речевая агрессия, заключающаяся в отказе от коммуникации с другим человеком, от выполнения каких-либо действий, а также в словесном оскорблении. С помощью данных слов и контекста в целом выражается отрицательная оценка не только предмета речи, но и ситуации в целом.

2.2.5. Синтаксические фразеологизмы типа «*Нашёл кого + V_{inf}!*»

Синтаксические фразеологизмы типа *Нашёл кого слушать!* функционируют в экспрессивно-окрашенных предложениях и сами являются таковыми. В качестве постоянного компонента в рассматриваемых конструкциях использован глагол *найти* в форме прошедшего времени.

В синтаксических фразеологизмах значение глагола нейтрализуется, основное значение в форме прошедшего времени становится неактуальным. Глагол в синтаксических фразеологизмах употребляется «для эмоционально подчёркнутого выражения отрицательного отношения к предмету речи (*Нашёл, когда шутить!* и т. д.)» [БУС: 593]. При этом в словарях указываются лексемы, с которыми употребляется данное слово, составляя синтаксический фразеологизм: *что, чем, чему, о чём* и т. п. и неопределённая форма глагола.

П. А. Лекант отмечает, что рассматриваемые нами конструкции, «имеют отрицательно-неодобрительное общее значение и в соединении с инфинитивом выражают оценку неодобрения (осуждения) действия» [Лекант 2002: 122].

В русском языке имеется несколько вариантов существования синтаксических фразеологизмов рассматриваемого типа. Так, при постоянном компоненте в форме прошедшего времени могут использоваться местоименные слова *кто, что* в косвенном падеже, *где* и инфинитив. Ср.: *Нашли о чём спрашивать у филолога, который не рулит* (Комсомольская правда, 2006.08.08); *Декабрь 2000 года. О женщинах. – Ну **нашла** о чем спросить – много ли у меня женщин было, ха-ха!* (Труд-7, 2008.08.13); *Первый с явным удивлением – тоже, мол, **нашли** о чём спрашивать – говорит: «Обе чёрные, конечно!»* (П. Акимов. Плата за страх); *Ольга мысленно прокляла себя. **Нашла** о чём говорить! – Бумаги водитель привезёт* (Е. Романова. Дамы-козыри)

В современном русском языке встречается иное построение, в котором вместо местоимения используются слова *место*, *время*, инфинитив при этом употребляется или исключается: *Ты тоже, брат, нашёл время здесь гулять!* (Комсомольская правда, 2006.03.10). Данные конструкции, чтобы реализовать экспрессивное или же оценочное значение, должны употребляться в восклицательных предложениях. При этом реализуется утвердительное восклицание при отрицании чего-либо.

В таких конструкциях «формами прошедшего времени глагола *найти* отрицается оценка кого-то или чего-то, данная собеседником, причём эта оценка приводится в ответной реплике и выражается прямым дополнением при указанных формах глагола. Это может быть и отрицанием, «мнимой оценкой», то есть возражением, предполагающим, что согласие с мыслью или требованием и т. д. собеседника оправдывало бы подобную оценку» [Шмелев 2002: 322, 323]. Ср.: «*А ты чего звонишь-то?*». «*Чтобы предупредить*». «*Тожe мне – нашёл вопрос...*» (Комсомольская правда, 2004.01.23); *И не подумаю. Тожe мне, нашёл повод. Выпить, что ли, захотелось?* (Комсомольская правда, 2003.08.04). Осуждается в данных синтаксических фразеологизмах не действие, выраженное инфинитивом, а производитель действия, «объект, время совершения, место, цель и пр.» [Лекант 2002: 122].

В подобных построениях в качестве переменного компонента используются слова, в семантике которых заложена положительная оценка. Ср.: *Дело прошлое, пойду я, не надо из меня «клоуна» делать, так бы любой поступил, тожe мне – нашили героя...* (Комсомольская правда, 2011.12.11). Например, слово *герой* имеет значение ‘человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности; тот, кто привлёк к себе внимание (чаще о том, кто вызывает восхищение, подражание)’ [ТСО: 132]. В шкале оценки [Маркелова 1996: 15] это слово имеет оценку «хорошо». Однако в структуре синтаксического фразеологизма слово приобретает ироническое значение.

Важно обратить внимание на такое функционирование синтаксического фразеологизма, как: *Герой нашёлся* (пример – А. У.), когда постоянный компонент, занимающий обычно препозицию, находится в постпозиции. Таким сочетанием глагола в форме прошедшего времени и лексически варьируемого свободного компонента нейтрализуется значение последнего. Ср.: *Помощничек нашёлся!* (Советский спорт, 2013.07.22).

Такой тип синтаксических фразеологизмов характерен более для разговорной речи, чем для письменной. Следует отметить, что в подобных синтаксических фразеологизмах переменный компонент представляет собой уже изначально стилистически сниженное имя существительное. В представленном примере это слово *помощничек*.

Значение синтаксических фразеологизмов, построенных по рассматриваемой модели, определяется не только компонентами конструкции, но связями с другими единицами, синтаксическими отношениями. Синтаксический фразеологизм не может реализовывать своё значение без контекста. При употреблении без контекста компоненты конструкции реализуют своё прямое значение.

Глагол *найти* в данных синтаксических фразеологизмах не имеет прямого лексического значения, употребляется только для реализации неодобрения, отрицательной оценки и её усиления. Значения, реализуемые в синтаксическом фразеологизме, выражены имплицитно, подразумеваются говорящим.

Анализируя данную модель построения синтаксических фразеологизмов, следует сказать о том, что реализуемое значение должно пониматься в ироническом смысле, противоположном тому, что заявляется грамматическими формами слов. Имплицитность представления значения делает высказывание априори экспрессивным, то есть потенциально ироническим.

На основе модели данного синтаксического фразеологизма сформирована устойчивая фразеологическая единица – *нашли дурака*.

Выражение используется для называния человека, который не является в какой-либо степени глупым, чтобы выполнить какое-либо действие. Ср.: *Под лобовым стеклом листочек: «ВАЗ-21093», 1990 года выпуска, сигнализация, двигатель 1500, цена – 1150 долларов. Ха, тысяча долларов, нашёл дурака!* (Комсомольская правда, 2001.08.06); *Как же, признается она. Нашли дуру. Вчера, когда Киреева возвращалась после чаепития от Буровой и поднималась по запасной лестнице с четвертого на пятый, на площадке между этажами решила постоять у окошка и покурить* (М. Зосимкина. Ты проснёшься. Книга первая). Выражение имеет явно негативное значение. В таких построениях реализуется не только значение иронического неодобрения, но и речевая агрессия за счёт включения в конструкцию и контекст стилистически сниженных слов. В представленных синтаксических фразеологизмах это слова *дурак*, *дура*, использованные в качестве переменного компонента.

2.2.6. Синтаксические фразеологизмы

типа «*Охота + Pron + V_{inf}!*»

Синтаксические фразеологизмы типа *Охота тебе слушать!* содержат в качестве постоянного компонента слово *охота* при обязательном наличии при нём личного местоимения в форме дательного падежа. Переменный компонент при этом выражен инфинитивом несовершенного вида.

Постоянный компонент представляет собой форму глагола *хотеть*, имеющего значение ‘иметь желание, намерение, ощущать потребность в чём-либо’ [ТСУ: 740]. В Толковом словаре русского языка зафиксировано слово *охота* в значении сказуемого ‘есть желание, хочется’, имеющее помету *разг.*: *Пить охота. Охота тебе спорить с ним?* (Зачем ты споришь с ним?). Д. Н. Шмелёв отмечает, что приведённый пример и его расшифровка не соответствуют заявленному значению [Шмелёв 2002: 317, 318]. Данное

значение реализуется только в пределах подобной фразеологизированной конструкции.

В синтаксическом фразеологизме реализуется значение «экспрессивного отрицания необходимости или желательности и т. п. того действия, которое выражено инфинитивом» [Шмелёв 2002: 317]. При этом слово *охота* утрачивает своё лексическое значение и имеет «застывшую» форму.

Синтаксический фразеологизм может реализовывать данное значение только при заданном порядке следования компонентов. Ср.: 1) *Охота тебе эксперименты проводить... я тебе и так верю* (А. Слаповский. Синдром Феникса); 2) *В лифте Скворцов сказал с досадой: – Охота тебе непрерывно лезть на рожон. Только против себя их настраиваешь* (Т. Устинова. Персональный ангел); 3) *Какая-то злость вдруг взяла меня; обычно злюсь я по пустякам, неприципиально, что в общем-то глупо. «Какого лешего ты здесь околачиваешься с этим барахлом? Не стыдно? Охота тебе позориться? Я-то тебя держал за ... – Я не нашёлся, какое слово сказать, запнулся и выпалил уже против воли: – Хоть бы ты рыбу свою сюда приволок, что ли!»* (А. Кучаев. В германском плену); 4) *«Может, совпадет?..». «Охота тебе возиться! Ну что там описывать?»* (В. Громов. Компромат для олигарха).

В приведённых конструкциях реализуется значение неодобрения действия, которое намеревается сделать адресат высказывания. Говорящий оценивает это действие. Переменный компонент, выраженный инфинитивом глагола, обозначает нежелательное, бессмысленное, нелогичное действие.

В предложениях исследуемой модели модальное значение неодобрения связано с семантикой переменного компонента, особую значимость приобретает контекст.

Так, во втором предложении переменный компонент представлен фразеологической единицей *лезть на рожон*. В словарях данный фразеологизм имеет пометы: *простореч.*, *экспрес.* и реализует несколько

значений: '1) предпринимать что-либо предельно рискованное, обречённое на неудачу, провал; 2) действовать поспешно, сгоряча, не считаясь ни с чем, не думая о последствиях' [ФСРЛЯ: 341]. В рассматриваемом построении выражение имеет второе значение. При этом действие, которое подвергается оценке, характеризуется как постоянно повторяющееся, не соотнесённое с каким либо временем. На это указывает слово *непрерывно*, имеющее значение 'не имея перерывов; не прекращаясь, беспрестанно' [ТСО: 408]. Значение экспрессивности высказывания усиливается уже составом его компонентов. В контексте употреблён показатель оценки ситуации и предмета речи – характеристика речи говорящего – *сказал с досадой*. *Досада* – 'чувство раздражения, неудовольствия вследствие неудачи, обиды' [ТСО: 179]. Значение синтаксического фразеологизма, отмеченное Д. Н. Шмелёвым (экспрессивное отрицание необходимости или желательности и т. п. того действия, которое выражено инфинитивом), реализуется и усиливается за счёт контекста.

В третьем предложении в составе синтаксического фразеологизма и в самом контексте употребляется сниженная лексика: *какого лешего* (прост., груб.) [ФСРЛЯ: 344], *околачиваешься* (разг.) [ТСО: 447], *барахлом* (прост.) [ТСО: 42] и т. д. В составе синтаксического фразеологизма в качестве переменного компонента употреблён инфинитив *позориться* – (разг., сниж.) 'навлекать на себя презрение, ставить в неловкое или постыдное положение' [ТСО: 547]. На построение высказывания влияет состояние говорящего: *злость взяла* [ФСРЛЯ: 258], то есть говорящий испытывает раздражённо-враждебное чувство, чувство злобы, что отражается на экспрессивности его речи, агрессии.

В четвёртом предложении в качестве переменного компонента употреблено слово из разговорного стиля *возиться* в значении 'заниматься кропотливым делом' [ТСО: 96]. Так в синтаксических фразеологизмах реализуется речевая агрессия.

Примечательно, что для данного синтаксического фразеологизма характерно подобное усиление значения контекстом. Ср.: *Охота* ему была с ходячим калькулятором связываться (М. Бару. Записки понаехавшего); *И охота* им в такую жару устраивать гонки по раскаленной улице? (В. Бурлак. Хранители древних тайн); *И охота* вам после уроков на стройке вкалывать? (Комсомольская правда, 2003.04.04).

Заметим, что это один из немногих типов построения синтаксических фразеологизмов, который не подвержен варьированию и изменению своей структуры.

2.2.7. Синтаксические фразеологизмы типа «*Тоже мне + N₁!*»

В русском языке продуктивны синтаксические фразеологизмы типа *Тоже мне помощник!*. Переменный компонент в данных построениях – это лексически свободное имя существительное в форме именительного падежа. Лексическое наполнение переменного компонента определяется говорящим в соответствии с ситуацией общения (ср.: *Тоже мне столица; Также мне праздник; Также мне отдых; Также мне работник* – примеры А. У.). Постоянный компонент выражен словом *тоже* и местоимением *мне*. Слово *тоже* утрачивает своё значение отождествления, местоимение *мне* в структуре синтаксического фразеологизма не указывает на адресата.

Тоже – разговорная частица, употребляемая ‘для выражения неодобрения, иронического или отрицательного отношения к кому-, чему-либо: а) относясь к существительному, означает ироническое отношение или сомнение говорящего относительно чьего-либо права на то или иное звание, положение и т. п.: *Тоже хозяйва! Чтoб вас...* (А. Островский); б) относясь к глаголу, обычно означает ироническое или отрицательное отношение говорящего к действию, выраженному этим глаголом: [Татаров]

В небо выглянь: чье гудит-то... Наши аль ихние [самолеты]? .. [Прокофий] Тоже спрашивает. Рази они [немцы] по своим станут палить! (Леонов) ' [Русская грамматика I: 530].

Сочетание *тоже мне* фиксируется в словарях, имеет пометы *прост.* *презр.*, обозначает, что 'кто-либо совсем не соответствует тому, на что претендует, чем занимается' [ТСО: 798]: «*Писатель, тоже мне! – Варвара швырнула на стол ложку. – Уж ладно от дому отбился, так хоть бы польза была от твоих сочинений. Ночами спать не даёт да бумагу переводит!*» (В. Рыбин.); *Видать, и не ждали... Также мне, земляки!*' (В. Пикуль).

Таким образом, существует фиксация частицы *тоже* со значением оценки и сочетания *тоже мне* (простореч., презр.). В «Русской грамматике» построение *Тогда мне помощник!* рассматривается среди конструкций, относящихся к сфере выражения непосредственных эмоциональных реакций на сообщаемое (объективно-модальные значения эмоционально окрашенного подчеркивания, усиления).

Данная модальная частица в диалоге способна функционировать как реплика, выражающая и совмещающая значение отрицания с ярко выраженным значением субъективного отношения.

На субъективность высказывания указывает и элемент постоянного компонента – личное местоимение *мне*. Однако в синтаксическом фразеологизме данный компонент не указывает на конкретный субъект, то есть значение данной части речи частично подвергается десемантизации, значение субъективности сохраняется за счёт использования частицы, служащей для выражения эмоциональной реакции собеседника на сообщение [Ушакова 2018: 58].

Синонимическая замена постоянного компонента невозможна. Порядок следования переменного и постоянного компонентов неизменен, в препозиции употребляется сочетание *тоже мне*. Синтаксические фразеологизмы рассматриваемой модели реализуют значение негативной

оценки предмета речи. Ср.: 1) *Тоже мне проблема – найти человека в Москве* (М. Трауб. Нам выходить на следующей); 2) *Будут тут ещё всякие старики командовать! Также мне – свидетель... Что он мог видеть?!* (О. Новикова. Каждый убивал); 3) *«Тогда мне, работничек», – усмехнулся про себя Химин* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1).

В качестве переменного компонента в примерах приведены лексически свободные имена существительные *проблема, свидетель, работничек*. В последнем предложении употребленное в качестве переменного компонента слово имеет сниженную стилистическую окраску: *работничек* – уничижительное к существительному *работник* (суффиксальное образование от *работник* + суффикс *ек*). О негативной оценке ситуации в целом и предмета речи также свидетельствует контекст. В этом же предложении употреблён глагол *усмехнулся* как характеристика речевого поведения говорящего в значении ‘слегка засмеяться (обычно с насмешкой, недоверчиво)’ [ССРЛЯ: 837].

Значение иронического неодобрения в синтаксических фразеологизмах типа *Тогда мне друг!* реализуется за счёт переосмысления значения слов, употреблённых в качестве переменного компонента, которые могут выражать общую положительную оценку (*помощник, земляк*), иметь стилистически сниженную окраску (*работничек*), а также слов, не имеющих ни положительной, ни отрицательной оценки (*свидетель*).

Переменный компонент в синтаксическом фразеологизме может быть стилистически нейтральным словом, например: *Тогда мне жених, украл нашу сестру, заставил нас ночью проделать такой путь и ничего не подарил!* (М. И. Сайтов. Островки); *Казалось бы, сижу себе целый день в злачном месте, ем, пью и чешу языком. Тогда мне труд* (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный), а также словом, в котором уже заложена оценка: *«Тогда мне Гамлет, – сказал Озирис недовольно. – Бить или не бить. Ты их не жалей. Они нас не жалеют»* (В. Пелевин. Бэтман Аполло); *Ну да, ты всегда хочешь как лучше... Тогда мне, мать Тереза* (М. Трауб. Ласточ...ка);

«В остальном все штатно – тригонометрия в виде квадратного уравнения, система неравенств, несложная, потом задача с трапецией, там надо будет плясать от квадрата... Всё, больше не вижу». / «**Тожже мне**, Нострадамус. Скажи лучше, куда подевался в доме сахар» (Е. Завершнева. Высотка); «А потом ты Маратика совсем распустила. Совершенно неуправляемый». / «Ой, **тожже мне** нашлась Макаренко. За своей смотри» (М. Трауб. Нам выходить на следующей).

В структуре синтаксического фразеологизма собственные имена приобретают экспрессивную окраску, употребляются в значении нарицательных (антономазия): *Мать Тереза* – ‘добрый и терпеливый человек’, *Нострадамус* – ‘человек, видевший будущее’; *Гамлет* – ‘человек, находящийся в постоянных сомнениях’; *Макаренко* – ‘человек, любящий воспитывать и учить’. В рассматриваемых конструкциях их привычное значение стирается, слова приобретают экспрессивное, шутливое или же неодобрительное значение, конструкция в целом приобретает значение иронического неодобрения [Ушакова 2018: 59].

Для описания синтаксических фразеологизмов необходим анализ не только их структурно-семантического наполнения, но и стилистических особенностей контекста в целом. В устной речи оценочность высказывания может передаваться за счёт интонации, в речи письменной – с помощью контекста. В предложении *И ты не смей меня так называть. Тожже мне нашелся папаша. Как хочу, так и разговариваю* (М. Трауб. Нам выходить на следующей) в составе переменного компонента употреблено имя существительное *папаша* – фамильярное обращение к мужчине; в контексте – глагол *не смей* с семантикой угрозы как показатель агрессивного речевого поведения.

В следующем примере «*Ну, не строй из себя великого специалиста, – улыбнулся жалкой улыбкой Тимонин. – Тожже мне, мировое светило*» (А. Троицкий. Удар из прошлого) указание на поведение говорящего: *жалкой улыбкой* (имя прилагательное *жалкий*, изначально имеющее

значение ‘вызывающий жалость, сострадание’ [ТСО: 192], в контексте приобретает значение ‘с жалостью’: данный признак приписывается оцениваемому человеку, то есть собеседник жалок). Пренебрежительную оценку имеет и *строить из себя мировое светило* – ‘выдавать себя за великого человека’.

Заметим, что существует вариативность и в пунктуационном оформлении синтаксических фразеологизмов: между постоянным и переменным компонентами может отсутствовать какой-либо знак препинания: *Знаков различия не знает, **тоже мне** разведчик!* (К. Феоктистов. Траектория жизни); может стоять запятая: *А что меня не позвали? **Тогда же мне**, подруги! Нечего оправдываться!* (Ек. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри); тире: *Так и говорили: разыгрывает? **Тогда же мне** – журналисты!.. Кхе-кхе!..* (В. Громов. Компромат для олигарха). Тире и запятая могут быть использованы для подчеркивания значения последующих слов, выделения их интонационно (конструкции представляют собой реплики диалога). Очевидно, постановка знаков препинания не обусловлена структурой предложения [Ушакова 2018: 59].

В русском языке распространены конструкции, в которых в качестве переменного компонента выступает имя прилагательное в форме именительного падежа или субстантивированная часть речи. Часто такие элементы употребляются с глаголом. Ср.: *Ишио в газете работают! **Тогда же мне**, культурные называются!* (А. Геласимов. Степные боги); ***Тогда же мне**, деловые. Гуляйте, ребятки* (А. Савельев. Аркан для букмекера); *Нет, я тебя не осуждаю, так что перестань себя бичевать. **Тогда же мне**, виноватый! Тебя государство облапошило, все вклады твои забрало и на ветер пустило – а ты сидишь и переживаешь, что чемодан ещё в придачу им не отдал?* (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть).

Встречаются сочетания, в которых отсутствует переменный компонент, что свидетельствует об изменении схемы построения синтаксического фразеологизма, однако значение негативной оценки ситуации или предмета

речи сохраняется: *Ну, молчи уже, ты устал. Разговорился, тоже мне...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); *Вместо лент верёвочки. **Тогда мне!*** *Мне бы такие косы* (Л. Гурченко. Аплодисменты); *Какая разница, роль да и роль, подумаешь, счастье, положительная, **тоже мне...*** (Л. Гурченко. Аплодисменты); *Да плевал я на этого Пашу, **тоже мне!*** (Е. Лазик и Паша-Король. Лазик и Паша-Король).

Вариативность прослеживается в изменении порядка следования компонентов, когда переменный компонент занимает препозицию по отношению к постоянному (это явление встречается редко): *Будет он мать душой звать! Воспитание, **тоже мне!** Безотцовщина!* (А. Слаповский. Синдром Феникса); *А ещё рейнджер, **тоже мне...** Все, тихо!* (М. Тырин. Будет немножечко больно); а также в дистанцировании компонентов факультативными элементами: ***Тогда мне,** ещё один показушник, будто не может ездить в нормальном, современном автомобиле...* (С. Лукьяненко. Новогодний Дозор).

Распространено соединение в пределах одного высказывания двух синтаксических фразеологизмов, которые не всегда легко вычлениваются. Близки по значению к синтаксическим фразеологизмам данной модели предложения с частицей *тоже мне*, в которых переменный компонент представлен глаголом или сочетанием имени существительного с глаголом. Ср.: ***Тогда мне,** полиция называется, ничего вы не знаете!* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1); *Не курите? **Тогда мне,** молодежь пошла. Вы б ещё подушку захватили, инвалиды умственного труда* (Е. Завершнева. Высотка); *Дело тут не в привычке тратить деньги – **тоже мне,** навык придумали, – а в общем благоразумии* (С. Скарлош. Воспитание по расчёту); *Шевцов горько усмехнулся: «**Тогда мне,** сделал открытие. Только как ты это себе представляешь?»* (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало).

В современном русском языке наблюдается тенденция соединения двух синтаксических фразеологизмов в одном предложении. Ср.: *А мне говорят:*

«*Тожже мне, нашёл кого жалеть*» (М. Шишкин. Венерин Волос); *К нам в отделение целыми экскурсиями повадились ходить на неё глазеть, пока мы это все не прекратили. Тожже мне, нашли достопримечательность!* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); «*Ой, тожже мне, нашлась святая*». – *Вета разозлилась* (М. Трауб. Ласточ...ка); *Тожже мне* *нашла время! Знала бы, что там дома творится!* (А. Геласимов. Дом на Озерной); *Сама потом ещё спасибочки скажешь. Тожже мне, королева нашлась...* (А. Геласимов. Степные боги); «*Тожже мне нашёл тихое местечко*», – *буркнул Ковыль, но возражать не посмел* (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало). Как правило, в таких построениях в препозиции стоит синтаксический фразеологизм *тожже мне* и имя существительное, постпозицию занимает синтаксический фразеологизм со словом *найти*, но бывают исключения: «*Ну, типа кочегара*». «*Нашёл работёнку, тожже мне! Это ж света белого не видеть!*» (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова). В конструкциях реализуется отрицательная оценка кого-, чего-либо, то есть значение, которое присуще обеим схемам построения синтаксических фразеологизмов, сохраняется даже при таком их слиянии.

2.2.8. Синтаксические фразеологизмы типа «*Какой там + N₁!*»

Продуктивным типом синтаксических фразеологизмов являются конструкции, в качестве постоянного компонента в которых использовано слово *какой*, переменный компонент может быть выражен прилагательным в форме именительного падежа; местоимением и существительным; глаголом.

«Местоимённое значение вопросительности препозитивного обязательного постоянного компонента *какой* воспринимается на периферии, но неактуально для коммуникативного смысла высказывания» [Меликян

2004: 169]. Переменный же компонент является лексически варьируемым и всегда занимает постпозицию по отношению к постоянному компоненту.

По своей природе, являясь вопросительным местоимением, в синтаксических фразеологизмах данное слово служит для выражения отрицания, негативного отношения, неодобрения. Некоторыми лингвистами *какой* относится к эмоционально-экспрессивным частицам с усилительным значением [Бабайцева 2008] наряду с частицами *ну, ну и* и т. д. Однако слово *какой* в исследуемых нами синтаксических фразеологизмах изменяется по родам, числам, падежам, то есть не теряет грамматических свойств, являясь переходным явлением в системе частей речи.

Анализируя значение частицы, обратим внимание на следующие значения: 1) *эмоц.* ‘употребляется в начале вопросительных по форме предложений, в которых выражается уверенное, экспрессивно окрашенное отрицание (риторический вопрос)’ (*Какая мать не желает добра своему ребёнку!*); 2) *эмоц.* ‘употребляется в начале предложений, в которых выражается либо сомнение в соответствии кого-чего-либо какому-либо статусу, какому-либо уровню, либо отрицание этого статуса’ (*Какой это учебник – ошибки, неточности, а от и откровенная неграмотность! Ну какой он учёный, если таких простых вещей не понимает!*); 3) *эмоц., с наречием там, тут.* ‘употребляется в начале предложений, в которых решительно отрицается возможность, уместность, целесообразность чего-либо’ (*Какая там дискотека? У меня экзамены завтра!*) [БУС: 406–407]. Значение частицы, входящей в состав конструкции, влияет на значение синтаксического фразеологизма в целом.

В. Ю. Меликян отмечает многозначность фразеологизированной конструкции [Меликян 2004: 169]. В предложениях данного типа выражается:

а) уверенное отрицание, несогласие, иногда в сочетании с неодобрением, возмущением, огорчением, досадой и т. п.: «*Или он не местный и не знал, что они творили в 90-х?*» / «*Какое не местный?*» –

говорит Бачурский (Комсомольская правда, 2011.12.14); *А какой ты пародист, ежели не пародируешь Никиту Михалкова?* (Комсомольская правда, 2013.09.17); *Какой ты медвежатник – ты человек-наук!* (Комсомольская правда, 2012.10.30); *Какой ты президент, если тебе по морде дали, а ты вопишь на весь мир* (Комсомольская правда, 2010.12.20); *Терроризма там нет как такового, экстремизма практически нет. Ну какой там экстремизм?* (Комсомольская правда, 2012.10.30); *«Хочу обмен». / «Ну-уу?» – полевой командир так и вскинулся. Какой обмен?!. Ещё чего?!. Разговор, по его мнению, уже не должен был уходить от названной цифры. Ни на шаг... Ни на копейку...* (В. Маканин. Асан);

б) уверенное утверждение, согласие иногда в сочетании с недоумением, возмущением, огорчением, досадой и т. п.: *Какое не получится!* (всё получится); *Какое не успеем!* (успеем);

в) негативную оценку предмета речи: *На вопрос о достатке семьи, вздыхает: «Какое там богатство, как все, они жили»* (Комсомольская правда, 2013.07.28) ('нет богатства'); *Г.А. Зюганов – идеальный тип осторожного филистера, к которому ни при какой погоде не применима оценка «а ты азартен, Парамоша». Какое там азартен – типический сантимник. Тогда как в политике, как и в игре, кто не рискует, тот не пьет шампанского* (Известия, 2013.02.25) ('неазартен'); *Какой это возраст для спортсмена в вашем виде спорта?* (Известия, 2014.02.12) ('плохой, не соответствующий возрасту').

Синтаксические фразеологизмы, имеющие в качестве переменного компонента имя существительное, способны выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Ср.: *Какой там оркестр, какая оперная труппа, какая балетная труппа, какие артисты потрясающие* (Комсомольская правда, 2013.07.09); *Какой это был чудесный ящик! Там было все необходимое, чтобы приводить публику в восторг* (М. Шишкин. Письмовник); *Какой оазис посреди скучного безобразия!* (Л. Улицкая. Зелёный шатёр).

Идущие подряд синтаксические фразеологизмы, построенные по одной модели, реализуют значение присвоения какому-либо предмету положительных качеств. В соответствии со шкалой оценки [Маркелова 1996: 15] данной конструкции соответствует оценка – «хорошо», реализуется высшая степень положительных признаков.

Рассматриваемые синтаксические фразеологизмы могут по-разному оформляться с точки зрения пунктуации, однако это не влияет на закладываемый в конструкции смысл.

В современном русском языке подобные конструкции употребляются для выражения негативной оценки, используются как возражение на утверждение собеседника: *«Тебе нравится эта музыка?» / «Какая это музыка! Шум один! Вот они нам навязывают демократию, а **какая это демократия!**»* (Комсомольская правда, 2013.04.17); *«Да **какая это**, – во весь голос, – военная охрана, это же какие-то клоуны!»* (Известия, 2009.08.26); *Трое суток Виктор Юльевич не выходил из дома и не выпускал мать. Хлеба не было, но он говорил ей: «Мама, **какой** хлеб? У нас даже водки нет»* (Л. Улицкая. Зелёный шатёр); *«Пусть малец останется на перевале... Пусть для связи». / «**Какой** ещё связи!» – Руслан был не в духе* (В. Маканин, Асан).

В данных синтаксических фразеологизмах форма местоимения *какой* согласуется в роде, числе и падеже с переменным компонентом. Ср.: *Конечно, для того чтобы приехали корреспонденты, снимали. **Какой там** русский язык! Он им совершенно не нужен и неинтересен.* (Комсомольская правда, 2011.11.01); *«Неужели крупный был гонорар?» / «**Какой там** крупный! Это простое самоуправство и невежливость по отношению к своим же клиентам»* (Известия, 2012.05.22); *Подобными материалами читателю Америки и Европы доносят несложную мысль: «**Какая вам** Сирия, **какое там** предотвращение войны, вы что, забыли, что там творится!»* (Известия, 2013.10.18); ***Какое там** насилие?! Татьяна за ним как за каменной стеной* (Комсомольская правда, 2013.04.30).

Если в качестве переменного компонента употреблён глагол

или же наречие, постоянный компонент принимает форму мужского или среднего рода, единственного числа. Ср.: *Вот и потоп. Власти развенчивают слух – какое там обмелел! Зачем и кому это было надо – «приподнимать» Амур, когда все последние годы начиная с 2009-го в нём и так высокий уровень воды- паводки до 5 метров?* (Комсомольская правда, 2013.09.13);

Переменный компонент может отсутствовать, тогда местоимение употребляется как в форме среднего рода: *Это нам только кажется, что чужестранцы, прижав кулаки к груди, страстно бормочут что-то важное и актуальное. Какое там! Британцы до сих пор просят Господа Бога рассеять всех врагов королевы (входят ли в их число газетчики-папарацци?)* (Известия, 2013.11.08), так и в форме мужского рода: *Думаю, заночую в этой клетке, а утром стану первой. Какой там! Мигранты уже, набросав матрасов, улеглись* (Комсомольская правда, 2013.10.11). При этом синтаксический фразеологизм выражает твёрдое, уверенное отрицание, неодобрение предмета речи и ситуации.

Синтаксические фразеологизмы рассматриваемой модели продуктивны в виде следующей схемы: *какой + там + переменный компонент*. Данная схема реализует уже указанные значения. Ср.: *«Полтора самолета» – и вообще непонятно, кто и как их обслуживает... Какие там запчасти, какой там сервис? Ну о чём мы говорим?* (Комсомольская правда, 2013.11.19). Вопросительное местоимение *какой* отходит от своего первоначального значения. В приведённом примере реализуется значение неодобрения, предметам речи (*запчасти, сервис*) приписываются негативные качества, указывается на их несоответствие норме. Местоимение *какой* согласуется в роде, числе и падеже с переменным компонентом.

Особую роль в подобных построениях играет частица *там*. В некоторых словарях [ТСО: 787] отмечается, что данная частица употребляется при местоимённых словах и служит для придания оттенка несущественности, пренебрежения. В словаре Д. Н. Ушакова сочетание

какое там, употребляется ‘как возражение в значении и ничего подобного, ничего не получилось, совсем не так, как предполагалось, как раз наоборот’ (*Только собрался выходить – какое там! Опять дождь пошёл*). Такое значение лишь частично отражает семантику синтаксического фразеологизма рассматриваемой модели построения. В Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой отмечается, что данная частица в сочетании с местоимением *какой* и наречиями *где, когда, куда* ‘употребляется для усиления отрицания чего-либо, возражения на что-либо, указания на невозможность чего-либо’ [МАС IV: 337]. Синтаксический фразеологизм реализует значения, указанные в последнем определении,

П. А. Лекант обращает внимание на ряд составных частиц, которые имеют оттенок категоричности. Среди них он отмечает частицу *там* в сочетании с *какой*: *какой там*. «Продуктивную аналитическую модель составных частиц представляют «прономинальные» формальные компоненты *где там, куда там, что там (тут), какой там* и под. Частица *там* выступает как мотивирующий и оформляющий монокомпонент данной отрицательной «серии». Например: *Какие там ссыльные... какая там контрабанда... Не болтайте пустого!* (Н. Телешов); *Тут старуха застонала – Сало, сало! Где там сало...* (А. Твардовский); [Нароков] *Ну, да уж ты ей отдай! Что тут разговаривать!* (А. Островский) и т. д. (примеры П. А. Леканта). «Прономинальные» компоненты составных аналитических частиц определяют риторическую форму и семантику высказывания» [Лекант 2013: 5–6].

В анализируемых синтаксических фразеологизмах данная частица свидетельствует о компрессии. В ней заключён смысл названной в контексте информации или же неназванной, то есть в частице заключено содержание неназванного высказывания, что является проявлением стремления языка к экономии речевых усилий. При этом частица функционирует как усилитель отрицательного, неодобрительного значения.

Синонимичной заменой частицы *там* в составе синтаксического фразеологизма могут быть выражения типа *к чертям*: «*Обойдётся, т-риш майор. Хлопчики в бою бывали,*» – утешал Крамаренко. / «**Какой**, к чертям, бой, если они без автоматов!.. *Что за кретины!*» (В. Маканин. Асан). Ср.: *Какой, к чертям, бой. – Какой там бой.* Представленный синтаксический фразеологизм за счёт использования инвектива *к чертям* характеризуется проявлением речевой агрессии, показателем которой является и употреблённый в контексте синтаксический фразеологизм *что за кретины*. В качестве переменного компонента использовано слово *кретины* в значении ‘глупые люди, дураки (разг. бран.)’ [ТСО: 239].

Приведённые построения, возможно, следует рассматривать как риторические конструкции, реализующие отрицание. При этом отсутствуют лексические показатели отрицания и негативной оценки в самой структуре предложения. Однако они присутствуют в контексте: в предыдущем предложении используется конструкция *непонятно, кто и как их обслуживает*, имеющая значение низшей степени качества. По шкале оценки [Маркелова 1996: 15] конструкция соответствует значению «плохо». Подобные конструкции имеют экспрессивную интонацию, это подтверждается подряд идущими синтаксическими фразеологизмами, построенными по одной модели. В словарях отмечается употребление вопросительного местоимения *какой* в восклицательных предложениях для выражения возмущения, негодования, в риторических вопросах для отрицания в значении ‘вовсе не, никакой’. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отмечается такое значение: ‘обозначает оценку качества, восхищение, удивление, негодование, возмущение и другие чувства’ [ТСО: 262].

Семантика иронического неодобрения опирается на субъективно-модальные значения соответствия / несоответствия действительности. Данное значение связано с положительной и отрицательно оценкой: «хороший» – соответствующей норме, «плохой» – не соответствующий ей.

В «Русской грамматике» среди синтаксических фразеологизмов, имеющих значение соответствия, названы синтаксические фразеологизмы типа *Дом как дом*, *Чем не подарок!* и др., причём это значение имеет некоторые оттенки: соответствие обычному, норме, представлению о предмете, желаемому, требуемому, ожидаемому. Синтаксические фразеологизмы типа *Какой там друг!* реализуют значение несоответствия ситуации или предмета речи норме, ожидаемому; отрицания тех признаков, качеств, которые приписываются тому, о чём сообщается в высказывании, и др. Таким образом, синтаксическими фразеологизмами реализуется значение иронического неодобрения. Ср.: *Вспоминать и рассказывать о том случае герои не любят. «Какой там подвиг?» – твердят в один голос.* (Комсомольская правда, 2013.09.15); *Да и остальной лирики тоже, потому что **какая там** лирика без любви...* (Комсомольская правда, 2013.03.15); *Мгновенно извратилась сама стилистика политического конфликта. **Какая там** дискуссия – когда наших бьют! **Какие там** аргументы – ты что, с этими людьми против нашего лидера?* (Известия, 2013.01.10); *«Федор Николаевич, **какая у вас зарплата?**» / «Да, **какая там зарплата!**» – засмутившись, отмахивается Кортаев* (Комсомольская правда, 2011.02.08). В данных построениях выражается неодобрение и уверенное отрицание.

Значение иронического неодобрения и несоответствия предмета характеристикам реализуется в таких контекстах: *Школьники сами шли за полицейскими к автозаку, как за строгим завучем. **Какой там** протест, так, адреналин юношеский... И это, конечно же, к лучшему* (Комсомольская правда, 2013.10.15); *«Не раздувайте события, – предостерег меня замначальника ГУ МВД по Иркутской области полковник Олег Кнаус. – **Какой там** межнациональный конфликт? Обычная драка»* (Комсомольская правда, 2012.07.17); *«Это все-таки была безалаберность или умысел какой-то?» / «**Какой там умысел? Нет, не умысел**»* (Комсомольская правда,

2011.11.03). В подобных предложениях предмет речи считается неважным и незначительным.

В предложениях 1) «...*Опасности, Саша, мы с тобой не боимся. И тебе, и мне иной раз даже хочется постоять на краю... Разве нет, Саша? На самом краю... Война – дело заводное*». Я, помню, только засмеялся. **Какой напор!** Мне Коля Гусарцев показался смешным... Молодой и зелёный!.. Слабое место всех мужчин – постоять на краю (В. Маканин. Асан); 2) *А когда поутру Рослик-Руслан заводит, как пластинку, разговор о настоящей горской дружбе, я посмеиваюсь. И рассказываю о вовремя удравшем в Питер моём друге Костылеве... Какой стремительный! Уехал, утра не дождался... А ведь была, Рослик, настоящая дружба!* (В. Маканин. Асан) иронии, насмешке подвергаются 1) действие *постоять на краю*; 2) быстрый отъезд – *вовремя удравшем*. В примере 1 в составе синтаксического фразеологизма действие заменено словом *напор* в значении ‘настойчивость, настойчивые действия’. В контексте даётся также оценка ситуации, предмета речи и его действий. Производитель действия (Коля Гусарцев) оценивается *смешным, зелёным*. В примере 2 иронии подвергается качество *стремительность*, причину иронического отношения можно извлечь из контекста. Также в контексте употреблён маркер речевого поведения говорящего – *посмеиваюсь*.

В предложении *В месяц выходит 35–40 тысяч рублей. Какой там ремонт! Все деньги – домой* (Комсомольская правда, 2013.07.24) реализуется значение невозможности какого-либо события, обстоятельства. Конструкция имеет значение ‘что-либо невозможно’. Это же значение имеют следующие предложения: *После семи воспалений легких, двух клинических смертей и с палочками Коха. Эстафета. Какой там – умирать! Некогда мне было* (Комсомольская правда, 2012.12.24) – ‘смерть невозможна’; *Он отвечал, что был на рыбалке. «На какой там рыбалке? С кем?* (Комсомольская правда, 2014.05.16) – ‘рыбалка невозможна’.

В синтаксическом фразеологизме *Какой там – умирать!* слово *какой* не имеет согласования с каким-либо компонентом структурной схемы предложения. Отрицательное, неодобрительное значение реализуется в них за счёт включения в конструкцию инфинитива. Действие, названное инфинитивом, представляется говорящим ненужным, нецелесообразным, отрицается любая возможность реализации указанного инфинитивом действия.

На такое значение указывал Д. Н. Шмелёв, анализируя частицы в составе несвободных сочетаний. «Простое отрицание наличия предмета, явления или же несоответствия того, что есть, названному может смещаться или вытесняться суждением о его невозможности или ненужности» [Шмелёв 2002: 282].

Значение невозможности совершения чего-либо реализуется в представленном контексте *Мы разом захохотали. Было слишком неожиданно. Ну, идол! Ну, божество!.. Мы, казалось, разом проснулись. Какой тут сон! И какой, однако, современный идол!* (В. Маканин. Асан). Отрицается возможность действия, выраженного именем существительным *сон*. При этом в контексте в качестве противопоставления невозможности совершения действия используется синтаксический фразеологизм *какой современный идол*, реализующий положительную характеристику предмета речи.

Следует указать, что в современном русском языке существует выражение *какие наши (ваши / твои / его / её / их) годы*. Оно достаточно распространено. Но оно не является синтаксическим фразеологизмом, так как существует в устоявшейся, постоянной форме, переменный компонент в данном построении отсутствует. Ср.: *В то же время градоначальник посетовал, что не все троллейбусы оснащены необходимым для аудиовоспроизведения оборудованием. Но какие наши годы! Ситуацию Киртоакэ обещал исправить в ближайшее время* (Комсомольская правда, 2011.02.22); *Мне говорили в кулуарах: «Какие твои годы!»* (Комсомольская

правда, 2005.07.14); *Да и то сказать – какие их годы?* (Труд-7, 2006.07.25); *Сегодня этому двуногому мужскому существу всего 30 лет – какие его годы!* (Комсомольская правда, 2011.12.21).

Данный лексический фразеологизм мог сложиться в языке на основе синтаксического фразеологизма путём закрепления постоянного и переменного компонента. Как указывает Д. Н. Шмелёв [Шмелёв 2002: 288], так могло появиться и устойчивое сочетание *Какое мне дело!*.

2.2.9. Синтаксические фразеологизмы типа «*Что за + N₁!*»

Синтаксические фразеологизмы, построенные по схеме *что за* + имя существительное в именительном падеже, имеют в своём составе постоянный компонент *что за* и переменный компонент. Постоянный компонент *что за* подвергается десемантизации, почти полностью лишается категориального значения, однако не утрачивает этимологическую связь с сочетанием местоимения *что* и предлога *за*, которое обозначает ‘вопрос о качестве или свойствах лица, предмета, в значении: какой? каков?’ [МАС IV: 686]. Соединение постоянного компонента *что за* с переменным компонентом не определяется действующими в языке синтаксическими нормами, то есть может рассматриваться как ненормированное [Шведова 1958: 95].

Отнесение *что за* к местоименному слову нередко вызывает сомнения. Некоторые лингвисты относят сочетание *что за* к разряду эмоционально-экспрессивных частиц с усилительным значением [Русская грамматика; Шведова 1960]; ср., например: *что за разг.* ‘употребляется при усилении вопроса, качества или свойства, выражении эмоциональной оценки (восхищения, возмущения, осуждения и т. п.)’ [Русская грамматика I: 720,

727]. Постоянный компонент входит в состав устойчивых выражений: *что за шум, а драки нет; что за город, калача купить не на что; что за важность, что вошь в пироге; что за беда, коли пьется вода; что за червонная краля* и т. д. [БСРП].

А. М. Пешковский рассматривал слово *что за* среди «восклицательных местоимений» [Пешковский 1956: 157], «особых восклицательных членов, являющихся полными словами с самостоятельным значением и в то же время вносящих в предложение восклицательный смысл» [СОШ: 394] [см. то же мнение в [Чеснокова 1991: 127].

В СОШ значение сочетания *что за* соотносится со значением слова *какой* («то же, что какой» в 1, 2 и 3 знач.) [СОШ: 1096]. Но в этих значениях слово *какой* рассматривается как местоимение. Ср., например: 2. *определит*. «обозначает оценку качества, восхищение, удивление, негодование, возмущение и другие чувства» [СОШ: 316]. Косвенное указание на полнозначительный характер сочетания *что за* содержится в МАС. Ср.: (*в знач. сказ* – выделено нами, А. У.) «в восклицательных предложениях выражает эмоциональную оценку явления (восхищение, возмущение и т. п. свойствами чего-л.)» [ТСЕ: 686].

В составе синтаксических фразеологизмов *что за* теряет свою соотнесенность с какой-либо частью речи и десемантизируется. Но не утрачивается этимологическая связь с сочетанием местоимения *что* и предлога *за*, которое обозначает «вопрос о качестве или свойствах лица, предмета, в значении: какой? каков?» [СОШ: 686], на это ссылается и В. Ю. Меликян [Меликян 2004: 126]. Соединение постоянного компонента *что за* с переменным компонентом не определяется действующими в языке синтаксическими нормами, то есть может рассматриваться как ненормированное [Шмелёв 2002: 95].

Синтаксические фразеологизмы рассматриваемого типа могут выражать как положительную, так и негативную оценку, что определяется семантикой существительного. В зависимости от того, содержит

ли существительное положительный или негативный компонент, соответствующую оценку выражает и вся структура: *Что за прелесть!*; *Что за чудо!*; *Что за умница!* (положительная оценка); *Что за безобразие!*; *Что за чепуха!* (негативная оценка).

Синтаксические фразеологизмы выражают положительную оценку предмета речи: одобрение, похвалу, восхищение. Ср.: «**Что за кот!** – продолжал женский голос. – Чудо просто!» (Л. Петрушевская. Город Света); *А в тоннеле горняки, как ни банально, «крестьянской сметкой и хваткой» продолжают проходку. **Что за терпение** у народа? Хорошо сказал горный мастер Юрий Широких: «Японцы нашу работу за нас не сделают»* (Труд-7, 2000.05.30); *Больше всего было то, что он приводил ту к ним домой. Та брала её вещи, трогала всё, презрительно усмехаясь, мол, **что за вкус** у твоей!* (М. Шишкин. Письмовник). Синтаксические отношения неактуальны, но мотивированы вопросительной или восклицательной конструкцией. Переменные компоненты в приведенных примерах – лексически свободные имена существительные *кот*, *терпение*.

В современном русском языке преобладают синтаксические фразеологизмы, выражающие негативную оценку предмета речи, ироническое неодобрение, порицание, возмущение. Ср.: *И вообще – **что за дозорный** и **что за постовой**, если он без окрика вдруг выскакивает на дорогу и целит тебе прямо в лоб* (В. Маканин. Асан); *Нас за это осуждают, дескать, **что за бесчувственность*** (Комсомольская правда, 2014.07.21); ***Что за народец**, не только мальчишки, но и девчонки, собраны были под одной крышей – это нужно было видеть!* (Комсомольская правда, 2014.06.13); *Наши умники, посмотрев работы некоторых финалистов ISEF, смеивались: «**Что за детский сад?**»* (Комсомольская правда, 2014.05.20). Переменный компонент представлен существительным в именительном падеже (*дозорный*, *постовой*, *бесчувственность*, *народец*) и составным наименованием (*детский сад* – ‘проявление чьей-либо наивности, непонимание простых вещей’ (разг., ирон. или пренебр.)).

Подобное значение реализуется и в других контекстах. Ср.: 1) *Когда слава о болгарской ясновидящей дошла до СССР, Венцислав возмутился: «Что за чушь у вас пишут?!»* (Комсомольская правда, 2014.08.07); 2) *Ну, что за глупости, папа!* (М. Шишкин. Письмовник); *Сегодня был в штабе и вдруг увидел своё отражение в зеркале в полном обмундировании. Странно стало, что за маскарад? Сам себе удивился: как это я – солдат?* (М. Шишкин. Письмовник). Неизменным постоянным компонентом является *что за*, переменный компонент представлен существительным в винительном падеже (*чушь, глупости, маскарад*). В качестве переменного компонента в примере 1 используется слово со сниженной стилистической окраской: *чушь* – разг. ‘вздор, чепуха, нелепость’.

Рассматриваемая схема построения имеет схожую модель, продуктивную в ответных репликах, структура которой может быть распространена дополнительными элементами: *что ещё за; что это ещё за; что это за + N₁: Все недоумевают: что это ещё за нововведение?!* (Комсомольская правда, 2014.06.29); *«Что могло случиться?» / «Дела...» / «Что ещё за дела?»* (С. Довлатов. Компромисс); *«Что все это значит?!» – думал я. А при чём здесь Лев Толстой? Что ещё за Лев Толстой?! Ах да, мне же нужно перечитать Льва Толстого! И ещё – Гюнтера де Бройна! Вот с завтрашнего дня и начну...* (С. Довлатов. Хочу быть сильным); *Одна из них с досадой выговорила: «Что это за фенькин номер? Масть пошла, а деньги кончились?»* (С. Довлатов. Виноград). В качестве переменного компонента выступает сочетание *фенькин номер* (‘что-либо непредвиденное’), (жарг., угол., арест. ‘бесполезное ухищрение’).

Конструктивные элементы в составе данной фразеосхемы также десемантизированы и имеют этимологические связи с соответствующими частями речи. Реализуется значение возмущения и неодобрения конструкция.

Конструкции продуктивны в ответных репликах: *«Что могло случиться?» / «Дела...» / «Что ещё за дела?»* (С. Довлатов. Компромисс). В ответной реплике повторяется ключевое по смыслу слово *дела*.

Подобное может наблюдаться не только в пределах диалога: *«Что всё это значит?!»* – думал я. *А при чём здесь Лев Толстой? Что ещё за Лев Толстой?! Ах да, мне же нужно перечитать Льва Толстого! И ещё – Гюнтера де Бройна! Вот с завтрашнего дня и начну...* (С. Довлатов. Хочу быть сильным). В следующем примере негативная оценка (возмущение, осуждение) наиболее очевидна: *Одна из них с досадой выговорила: «Что это за фенькин номер? Мать пошла, а деньги кончились?»* (С. Довлатов. Виноград). В качестве переменного компонента выступает сочетание *фенькин номер* ('бесполезное ухищрение'), имеющее пометы *жарг. угол., арест неодобр.*

Значение иронического неодобрения, реализуемое в подобных конструкциях, зависит не только от лексического наполнения переменного компонента, но и от контекста, в котором предложение функционирует. Ср.: *«Сколько вечеров провёл я в этом кабинете, и что за люди там только не перебивали!»* (Д. Гранин, Зубр); *Откуда у них такая бездна пассивности и деревенской покорности судьбе? Что за люди?! Я их не пойму!* (Труд-7, 2001.09.06). Переменный компонент в конструкциях одинаковый – существительное в форме множественного числа именительного падежа *люди*. Однако семантика предложений разная. В первом случае конструкция реализует значение положительной оценки предмета речи (восторга), во втором – отрицательной. Ироническое неодобрение, отрицательная оценка ситуации речи реализуется в подобной конструкции: *Папа часто говорил о том, что не хочет, чтобы его похоронили в земле. «Ну что за радость знать, что ты не исчез вовсе, а лежишь где-то под двумя метрами песка и гниешь потихоньку? Да ещё под камнем! Камни ведь клали на могилы, чтобы покойники не вылезали!»* (М. Шишкин. Письмовник).

Структура синтаксических фразеологизмов может видоизменяться в контексте. В неё могут добавляться дополнительные члены, которые вставляются не только между постоянным и переменным компонентами, тем самым дистанцируя их друг от друга, но и в постоянный компонент. Ср.: *«Я*

напишу письмо Джимми Картеру. **Что это**, мол, за безобразие?! Даже не позвонили...» (С. Довлатов. Ремесло. Повесть). Конструкция разорвана вводным компонентом *мол*, указывающим на передачу чужой речи. Конструкция может распространяться за счёт компонентов, называющих субъект состояния или обладания. Ср.: *Мне все говорили: «Ну что у тебя за бардак на голове»* (Труд-7, 2010.03.12). Компоненты могут меняться местами: *«Я ухожу с Рональдом Маневичем. Так надо.» / «Это ещё что за новости?»* (С. Довлатов. Филиал). Дополнительный компонент занимает препозицию по отношению к синтаксическому фразеологизму [Ушакова 2017: 63–64].

В синтаксических фразеологизмах выражается упрёк, осуждение, неодобрение, критическое замечание, что является проявлением речевой агрессии, которая может реализовываться без участия контекста за счёт оценочной лексики, слов в переносном значении, например: *Потому что и я, единственный мой, права, хоть у меня и не так много аргументов. Даже совсем немного. А вернее, всего-навсего только один: что за радость жениться на гниющем заживо желудке, правда?* (М. Шишкин. Взятие Измаила); *Ваша жена удивительная, обаятельная, образованная и вынужденная скучать здесь в этой заплесневелой башне. Что за странное желание жить поближе к небу?* (М. Шишкин. Взятие Измаила); *Что за женские причуды!.. Серьёзное ж дело!* (В. Маканин. Две сестры и Кандинский). Слово *радость* употреблено в несвойственном значении ‘зачем, по какой причине’, его использование способствует выражению недовольства, неодобрения, осуждения ситуации. Оценочную семантику имеет слово *странный* (*странное желание*), говорящий выражает своё недоумение, непонимание ситуации, высказывает своё неодобрение. Близко по значению словосочетанию *странное желание* словосочетание *женские причуды* (‘странные, непонятные желания, капризы’). Речевая агрессия может выражаться без использования оценочной лексики, так как структура синтаксического фразеологизма, его восклицательная организация

предусматривает наличие в нём оценочного значения, семантики неодобрения, осуждения и др., например: *Все знают – не трогать... **Что за люди!** К ней нельзя прикасаться руками!* (В. Маканин. Две сестры и Кандинский); ***Что за** филолог, если не умеет напустить туману* (В. Маканин. Две сестры и Кандинский). В приведённых предложениях имеет наличие критика, осуждение, отрицательная оценка в адрес личности или группы людей.

На эмоциональность и экспрессивность указывает и повторение синтаксических фразеологизмов в границах одной реплики. Ср.: *Скажи – а почему с утра?.. Утренний необъявленный митинг?! **Что за** дела? **Что за** времена!* (В. Маканин. Две сестры и Кандинский); *И вообще – **что за** дозорный и **что за** постовой, если он без окрика вдруг выскакивает на дорогу и целит тебе прямо в лоб* (В. Маканин. Асан); *«**Что за** чужие страдания в стенах психушки? **Что за** всеспасающая подсказка и **что за** литература опять?» – пытался рассуждать я, мысль-то была старенькая, изношенная, но тем слышнее в ней жил старый же и суровый оклик* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени); *Хочешь, чтобы я раньше времени на чернослив стала похожа? **Что за** интонация?! **Что за** претензии необоснованные?! И сколько раз можно повторять – не мамкай* (И. Корниенко. Под кожей. Трещины).

2.2.10. Синтаксические фразеологизмы типа «*Нет чтобы + V_{inf}!*»

Модель синтаксических фразеологизмов «*нет чтобы + V_{inf}!*» включает располагающийся в абсолютном начале конструкции постоянный компонент *нет чтобы* и переменный лексически варьируемый компонент, чаще всего представляющий собой инфинитив. *Чтобы* в рассматриваемом построении

употребляется для выражения возмущения каким-либо предположением, допущением какой-либо возможности (*Чтобы я вам ещё помогал – ни за что!*) [БУС: 1400].

Н. Ю. Шведова относит синтаксические фразеологизмы подобного типа к синтаксическим образованиям, «в которых сочетание компонентов не отражает существующих в современном языке типов связей и является с точки зрения существующих норм немотивированным» [Шведова 1958: 95]. Подобные построения обязательно имеют в своём составе формы, генетически связанные с местоимением *что*, но не обнаруживающие ни местоименного, ни союзного значения.

В. Ю. Меликян отмечает, что синтаксический фразеологизм с постоянным компонентом *нет чтобы* построен на основе предложения такого типа – *Экое золото у меня этот Митенька... Нет того, чтобы нельзя. Я же этого терпеть не могу. Всё можно* (Л. Н. Толстой) [Меликян]. Данное выражение используется для констатации отсутствия чего-либо. В процессе функционирования данной модели в русском языке из её состава вычленяется компонент *того*, но значение конструкции не изменяется. Этимологическая связь между фразеологизированным и синтаксически свободным производящим предложением не воспринимается говорящим, однако она обуславливает постановку запятой в структуре синтаксического фразеологизма.

Синтаксические фразеологизмы типа *нет чтобы + переменный компонент* не несут информации о сообщаемом явлении, а являются реакцией говорящего на какую-либо ситуацию, информацию сообщения, они всегда употребляются «в связи с чем-то», «по поводу чего-то». Понимание синтаксических фразеологизмов данного типа зависит не только от лексического наполнения, но и от контекста, в котором они функционируют [Ушакова 2016: 57].

Синтаксические фразеологизмы данной модели реализуют значение осуждения, недовольства по поводу того, что делается нечто,

противоположное необходимому и естественно ожидаемому: *Затея на первый взгляд совершенно дурацкая – нет чтобы просто применить электронагреватель* (Комсомольская правда, 2013.04.05). Вторая часть предложения (синтаксический фразеологизм) содержит информацию о предлагаемом выходе из сложившейся ситуации. В контексте приобретает иное значение – ожидаемое действие. Наблюдается асимметрия между структурой и значением. В предложении в целом реализуется оценочное значение. Оценивается не отдельный элемент описываемой ситуации, а вся ситуация в целом. Предмет речи и ситуация представлены в синтаксическом фразеологизме как «плохие» (имеется отрицание – *нет чтобы*), в контексте же они приобретают коннотацию желательности [Ушакова 2016: 58].

Переменный компонент характеризуется вариативностью лексического наполнения (*проверить, поработать, перевоспитать, сыграть, принять* и т. п.). Однако грамматически он является устойчивым – представляет собой инфинитив. Ср.: *Подумал ещё, зачем? Нет чтобы проверить! Хозяин жилья, который сдал квартиру, со слов обитателей дома, ушел в очередной запой* (Комсомольская правда, 2012.11.01); *Нет чтобы дать людям попраздновать, а потом разбираться!* (Комсомольская правда, 2012.11.29); *И нет, чтобы поработать с человеком, перевоспитать его* (Комсомольская правда, 2013.01.06); *Очаровательное воплощение всего французского. Нет чтобы сыграть какую-нибудь отъявленную мошенницу! – А вы разве не поняли, что я совсем не такая?!* (Комсомольская правда, 2013.01.16); *Поздновато спохватилось наше финансовое ведомство – нет, чтобы принять такую программу в разгар кризиса, когда для поддержания на плаву отечественной экономики в частные компании вбухивались немалые государственные «вспомоществования»* (Комсомольская правда, 2013.02.20).

Синтаксический фразеологизм реализует значение иронического неодобрения в контексте. Так, в контексте *С женой разводятся – идут к юристу. (Нет чтобы душу излить товарищам по работе.) Сны*

рассказывают психоаналитикам. (Как будто им трудно другу позвонить среди ночи.) И так далее (С. Довлатов. Ремесло) в первом предложении задано осуждаемое обстоятельство и ситуация, которые противопоставлены представлению говорящего, вызывающие неодобрение, иронию. Акцентирование внимания на желаемом отношении к ситуации указывает заключение синтаксического фразеологизма в скобки. При этом постоянный компонент выражен не одиночным инфинитивом, как предполагает модель построения, а фразеологическим оборотом *душу излить* (*излить душу*), имеющим значение 'высказать откровенно самое заветное' [ТСО: 243]. Синтаксический фразеологизм в целом имеет оценочное значение. Фразеологизм в составе конструкции может быть заменен инфинитивом, при подобного рода замене структура синтаксического фразеологизма не нарушается.

Следует отметить, что переменный компонент (инфинитив) указывает на действие, которое говорящим считается правильным, уместным, целесообразным в какой-либо ситуации. В данных конструкциях важен план ирреального: называемое инфинитивом действие является целесообразным, но оно не было совершено. Совершённое действие оказалось неоправданным, нелогичным, ошибочным, о чем говорящий сожалеет и иронизирует. Совершенное ошибочное, нецелесообразное действие в самом синтаксическом фразеологизме не называется, но оно указывается в контексте или ясно из ситуации. «Смысл предложений, реализующих данную структуру, можно передать, используя сочетания *следовало, лучше было бы, было бы более разумным, напрасно мы не...* и т. д.» [Величко 1996: 30]. Например: *Нет бы нам позвонить ему!* ('Нам следовало позвонить ему').

Синтаксические отношения между компонентами неактуальны, несмотря на понятность конструкции в целом. Деактуализированы и семантические отношения за счёт десемантизации постоянного компонента.

В зависимости от характера оценки, заключённой в синтаксическом фразеологизме, можно выделить два типа предложений.

1) В предложении отрицается факт, который формально утверждается, содержится оценка предмета речи как предпочтительного, желаемого, но не осуществившегося. Иногда подобные конструкции сопровождаются удивлением, неодобрением, осуждением. Ср.: *Показал Изольде, мол, смотри, какую печатают ерунду, просто фотографии с подписями, **нет чтобы** издать что-нибудь человеческое* (М. Шишкин. Венерин волос); *Воздух там спертый, дышать нечем. **И нет чтобы** сразу уйти! Стало жалко, что столько денег заплатили за билет!* (М. Шишкин. Венерин волос); *Как говорится, обидеть художника может каждый – **нет, чтобы** вознаградить его материально* (Комсомольская правда, 2013.04.05); *Год тогда нелепый был и бурный. **Нет, чтобы** работать, – на трибунах тусовались* (Комсомольская правда, 2013.06.07)

2) В предложении утверждается факт, который формально отрицается, выражается оценка предмета речи как предпочтительного, желаемого, но не осуществившегося: – ***Нет чтобы** не ворчать! Так ещё больше заводится!*

В синтаксических фразеологизмах типа *Нет чтобы помочь!* возможна реализация значения иронического неодобрения. Иронии подвергается неназванное действие, которое не одобряется, подразумевается, то есть оно представлено имплицитно. В предложении ***Нет, чтобы** просто сказать – возьми там-то – и всё. Понимаешь, и всё. И ведь столько ругани, ... а в конце концов все равно скажешь где* (Е. Гришковец. Город) присутствует оценочный компонент *просто*. Одно из значений, присущее слову, – ‘без утончённости, изысканности, претензий на что-либо, без большого числа деталей и т. д.’ [БУС: 944]. Для настоящего примера актуально значение ‘без претензий, большого числа слов, без ссор’. Также в контексте употреблено объяснение подобного отношения говорящего к ситуации и предмету речи.

Ироническое неодобрение в подобных примерах можно трактовать как значение соответствия / несоответствия. Действие, названное в синтаксическом фразеологизме, соответствует норме, в контексте же указывается на речевое поведение *столько ругани*, имеющее отклонение от нормы, идеала. Ироническое неодобрение не является единым в своей семантической сущности. Оно связано с миром действительности, а также выражает отношение говорящего к ситуации речи.

Исследуемые синтаксические фразеологизмы имеют различия в пунктуационном оформлении, слово *нет* и союз *чтобы* могут разделяться запятой. Ср.: *А ты такой безответный...такой выслушаешь и промолчишь?.. Нет, чтобы остановиться вовремя* (Е. Гришковец. Город); *И нет, чтобы просто-напросто удивиться, так он сразу ужаса нагнал* (Т. Соломатина. Сони́на Америка); *И нет, чтобы сдержаться, раз уж виноват, шофер маршрутки (пожилой мужчина, а не какой-нибудь пацан), стал назло обгонять грузовик* (Комсомольская правда, 2010.07.20). Мы полагаем, что примеры с запятой в составе постоянного компонента этимологически ближе к исходному свободному производящему предложению (*нет того, чтобы...*), т. к. выделяют *чтобы* как подчинительный союз. Они широко распространены в разговорной речи и в отражающих эту речь жанрах художественной литературы и публицистики [Ушакова 2016: 58–59].

Наиболее продуктивны синтаксические фразеологизмы без запятой внутри постоянного компонента. Ср.: *Нет чтобы учиться, так они только кляузничают...* (Комсомольская правда, 2012.10.09); *Показал Изольде, мол, смотри, какую печатают ерунду, просто фотографии с подписями, нет чтобы издать что-нибудь человеческое* (М. Шишкин. Венерин волос); *Нет чтобы обезьянок посмотреть, она прилипнет к стеклу, тычет пальчиком на ужа и говорит: «Бабуль, посмотри, какой хорошенький»* (Труд-7, 2008.09.04).

В современном русском языке модель синтаксических фразеологизмов «нет чтобы + инфинитив» подвергается изменениям. Может распространяться дополнительными элементами синтаксической структуры, переменный компонент может выражаться другой частью речи (не инфинитивом), сочетанием слов, прямой речью. Возможна элиминация переменного компонента (инфинитива): *Можно поймать представителя авиакомпании, дозвониться в головной офис, да хоть самому большому начальнику – никто ничего конкретно не скажет.* **Нет чтобы:** «Граждане пассажиры рейса 555! Мы задержали ваш вылет, потому что иллюминатор треснул, а в левом двигателе хомут полетел...» (Комсомольская правда, 2012.12.20) (Ср.: *Нет чтобы сказать «Граждане...»*) [Ушакова 2016: 59].

В процессе коммуникации синтаксические фразеологизмы с постоянным компонентом *нет чтобы* реализуют негативное значение. Распространение их структуры факультативными элементами или представление переменного компонента иными частями речи или сочетаниями слов способствует актуализации и интенсификации общего фразеологического значения высказывания, а также детализации его коммуникативного смысла.

2.2.11. Синтаксические фразеологизмы типа «Хоть + *Vimper!*»

Синтаксические фразеологизмы, включающие в постоянный компонент союз *хоть*, а в переменный – глагол в форме императива (часто с частицей *не*), имеют значение целесообразности. Данный синтаксический фразеологизм является реакцией говорящего на какую-либо ситуацию или положение дел, это негативная реакция, неодобрение, недовольство, сожаление по поводу чего-либо. В качестве переменного компонента используется глагол, обозначающий действие, которое каким-либо образом может исправить ситуацию.

«Однако названное императивом действие является самой решительной, крайней мерой, поэтому – и в этом специфика и трудность данного синтаксического фразеологизма – называемый выход не обязательно будет принят, говорящий скорее всего не сделает того, о чем говорит, и называемое действие останется лишь декларированным, заявленным, но неосуществленным» [Величко 1996: 30]. Поэтому следует рассматривать данное построение с точки зрения двух значений, которые реализуются в синтаксических фразеологизмах: значения целесообразности и значение оценки предмета речи и ситуации в целом.

В Большом толковом словаре С. А. Кузнецова отмечается, что союз *хоть* присоединяет придаточное с неопределённой формой или повелительным наклонением, указывая на безнадёжность положения, бессмысленность усилий: *Хоть весь свет обойди, такой красавицы не найдёшь*. Выделяется и уступительное значение данного союза [МАС IV: 622]. При этом указывается, что союз соответствует по значению словам *можно* и *впору* (то есть предполагается значение целесообразности).

В БАС отмечается, что уступительный союз *хоть* в сочетании с повелительной или неопределенной формой глагола обозначает «некий предел, степень проявления чего-нибудь или допустимое следствие чего-нибудь в значении ‘так (такая), что впору, до такой степени, что’» [БАС. XVII: 414]. Условный союз *хоть* «выражает (с глаголами будущего времени и повелительной формой глагола) предположительное условие, в значении ‘даже если, пусть даже, в случае и’, связывает условное придаточное с главным, употребляясь в начале придаточного предложения»: *Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь* [БАС. XVII: 416].

В словарях зафиксированы примеры употребления конструкций с союзом *хоть*: *хоть брось, хоть в гроб ложись, хоть волком вой, хоть в петлю лезь, хоть глаз выколи, хоть головой об стену бейся, хоть завались, хоть зарежь, хоть караул кричи, хоть кол на голове теши, хоть лопни, хоть отбавляй, хоть плачь, хоть разорвись, хоть святых*

выноси, хоть убей, хоть умри и т. д. Данные конструкции относятся к явлению лексической фразеологии, значение целесообразности в них отсутствует. Примерами функционирования данных конструкций могут служить следующие контексты: *Хоть убей, не могу понять, причём тут газоны – не газоны* (Комсомольская правда, 2013.09.10); *Порой в ход идут такие ноу-хау, что хоть стой, хоть падай* (Комсомольская правда, 2011.05.03) и т. д. Последнее не имеет значения целесообразности.

Синтаксические фразеологизмы образуются по аналогии с лексическими фразеологизмами. Данная аналогия прослеживается на уровне формального устройства построения: в качестве переменного компонента в синтаксическом фразеологизме используется императив.

Традиционно в грамматике императив используется для обозначения побуждения, для обозначения действий, которые могут произойти в результате приказа, пожелания, просьбы и т. д. В синтаксическом фразеологизме сохраняется ирреальность, выражаемая императивом, но глагол не имеет значения побуждения к действию. Действие, которое названо императивом, говорящий подразумевает выполнять самостоятельно.

Ср.: *Вот это красивый выход из скандала, куда дважды олимпийскую чемпионку втянуло одно СМИ, передернувшее её слова: «Жизнь в Волгограде такая, что хоть стреляйся – поэтому я уезжаю на ПМЖ в Монте-Карло»* (Комсомольская правда, 2013.08.26). Говорящий оценивает ситуацию как неразрешимую, единственное целесообразное решение выражено глаголом *застрелиться*. Но специфика синтаксического фразеологизма состоит в том, что действие, указанное говорящим, не будет выполнено, несмотря на то что названо и предлагается необходимым. Так же и в других контекстах. Ср.: *Тут самое важное, чтобы эти периоды не совпали! Потому что тогда хоть разводись. Нужно позволять близким слабости и ошибки* (Комсомольская правда, 2013.08.16); *Хоть три маски надень, а грузный мужчина с авоськами так и нависал всем телом надо мной, рискуя плюхнуться мне на коленки!* (Комсомольская правда, 2013.02.05).

В синтаксических фразеологизмах рассматриваемого типа в качестве переменного компонента используются акциональные глаголы. Под акциональными глаголами подразумеваются глаголы физического действия; перемещения и передвижения; речевого действия; социальных intersubъектных действий [Золотова 2004: 60–61]. В синтаксических фразеологизмах переменный компонент представлен глаголами 1) физического действия, 2) перемещения, движения в пространстве, 3) речевого действия, 4) intersubъектного значения, 5) донативного действия. Ср.: 1) *Понятно, что восставшие крестьяне здесь белые и пушистые, а аристократы омерзительны настолько, что **хоть** сейчас **вешай** их на фонарях* (РБК Дейли, 2014.03.13); *Такая наша местная реальность, на которую **хоть открывай** глаза, **хоть закрывай** – ничего не меняется* (Известия, 2013.10.10); *В киберпространстве можно топнуть ногой, чтобы из-под земли тут же поднялись легионы хомяков, в обыкновенном пространстве **хоть обтопайся**, из-под земли кроме лопуха ничего не растет* (Известия, 2013.07.01); *Да и ткани есть подходящие – водоотталкивающие, немаркие, дышащие, **хоть** скафандры **шей*** (Комсомольская правда, 2013.05.23); *Разodelись в пух и прах: норковые манто- и это при том, что жара на улице стояла градусов под 30, замысловатые шляпки, туфли на такой шпильке – **хоть** канане **нанизывай*** (Комсомольская правда, 2012.10.23); 2) *Теперь у Пети денег – **хоть** грузовиками **вози*** (Комсомольская правда, 2013.05.29); – *Ты, тётя Вася, смотри, какая здоровенная, на тебе **хоть** воду **вози**, а всё молишься...* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); *Пока ребята разминаются в коридоре (длинный – **хоть беги** стометровку!) (Советский спорт, 2013.01.28); Да ещё и от воды парит так – **хоть ныряй*** (Советский спорт, 2013.07.08); 3) *Можно и так, конечно, «роза пахнет розой, **хоть** розой **назови** её, **хоть** нет», а споры о словах – занятие малопродуктивное* (Известия, 2014.04.16); *Историк и журналист Илья Смирнов – о том, почему России нельзя перенимать чужой политический жаргон. **Хоть** горшком **назови**, только*

в печку не ставь? (Известия, 2014.02.20); *Хоть криком кричи, что мы не питаемся водкой и не соседствуем с медведями – кто поверит?* (Комсомольская правда, 2013.06.25); 4) *Тут самое важное, чтобы эти периоды не совпали! Потому что тогда **хоть разводись**. Нужно позволять близким слабости и ошибки* (Комсомольская правда, 2013.08.16); 5) *Хоть запкунайся потом – ничего не получишь. Теперь думцы эту несправедливость устраняют* (Комсомольская правда, 2013.04.11).

В синтаксических фразеологизмах типа «*Хоть* + V_{imper} » присутствует оценка говорящим ситуации или предмета речи, которая заключается в её неодобрении, иронии и предполагает какое-либо решение. Выражение иронического значения данными конструкциями связано с нарушением обычного функционирования союза *хоть* и его грамматической связи с глаголом в форме императива, с невозможностью толкования синтаксического фразеологизма на основе значений входящих в него компонентов. В синтаксических фразеологизмах оценка выражается с помощью названия ирреального действия. Необходимость, вынужденность предполагаемого действия подвергается иронии в подобном контексте: *Ему надо хорошо работать, чтобы скорее перевели на поселение, а для перевыполнения плана необходимы вот эти диски и прочее. Там, на зоне, ничего у них нет – **хоть** пальцем болты закручивай* (А. Курчаткин. Минус 173 градуса по Цельсию). Названное действие (*закручивай*) невозможно совершить предложенным орудием действия (*пальцем*).

Неодобрение ситуации, состояния предмета речи, отрицательная их оценка заключена в следующих контекстах: *Беспечная: отправляясь в церковь, забыла про исповедь напрочь. А Маша не предупредила. **Хоть** разворачивайся и уходи* (Д. Гуцко. Машкин Бог); *Вблизи он казался не просто худ, но настоящий кощей, торчали наружу все лицевые кости, – **хоть** изучай анатомию* (А. Курчаткин. Минус 173 градуса по Цельсию).

Синтаксические фразеологизмы рассмотренного типа существуют в русском языке в неизменном виде, конструкция не предполагает

трансформацию. Распространение лексических фразеологизмов подобной структуры может свидетельствовать о двух процессах: синтаксические фразеологизмы образуются по аналогии с фразеологическими единицами; лексические фразеологизмы – это построения, полностью утратившие связи с определённым классом слов, значение которых постоянно.

2.2.12. Синтаксические фразеологизмы типа «*Ох + уж + этот + Pron₃ + N₁!*»

Одна из продуктивных схем построения синтаксических фразеологизмов предусматривает наличие постоянного компонента *ох уж эти/этот/эта/это мне* и переменного компонента – лексически свободного имени существительного в форме именительного падежа множественного или единственного числа. Порядок следования компонентов неизменен.

Постоянный компонент представлен непроизводным междометием с частицей или местоименным словом. В русском языке междометие *ох* используется в качестве восклицания при сожалении, печали, боли и других подобных чувствах, функционирует и в другом значении – ‘усиливает выразительность слова, к которому примыкает’ [ТСО: 417]. Входящая в состав постоянного компонента усилительная частица *уж* также обычно употребляется для ‘подчеркивания, акцентирования отдельного слова или высказывания’ [ТСО: 718].

Следовательно, уже в постоянном компоненте в построениях подобного типа заложена экспрессивность, но, как известно, значение синтаксического фразеологизма не складывается из значения входящих в него компонентов, эмоциональное значение выражается не только междометием, но и всей конструкцией в целом. Специфика синтаксических фразеологизмов как и других построений разговорной речи «не может быть выяснена без учёта возможностей их лексического наполнения. По существу,

лексические ограничения являются как бы элементом формы такой конструкции, наряду с лежащей в ней схемой соединения словесных элементов и со свойственной данной конструкции интонацией» [Шведова 2003].

В синтаксических фразеологизмах наблюдается асимметрия плана содержания и плана выражения. Входящие в состав постоянного компонента элементы *ох, уж, эти, мне* в сочетании с именем существительным в качестве переменного компонента при дословной интерпретации не реализуют значения, заложенного в синтаксическом фразеологизме. Десемантизированные единицы сближаются со знаменательным словом в составе переменного компонента и реализуют значение синтаксического фразеологизма.

Синтаксические фразеологизмы типа *Ох, уж эти мне экзамены* выражают негативную оценку. Например: «*Ох, уж эти мне интеллигенты, – вздыхали хирурги. – Их будешь резать, а они всё равно будут продолжать извиняться...*» (Труд-7, 2006.12.15). В данном синтаксическом фразеологизме слово *интеллигенты*, имеющее положительную оценку, в контексте имеют значение иронического неодобрения за счёт насмешки над одним из действий – извинением (*будут продолжать извиняться*). На ироническое отношение к предмету речи и ситуации в целом указывает характеристика говорящим объекта речи – *вздыхали*, к переносному значению которого ‘грустить, тосковать’ присоединяется значение ‘говорить с иронией о чём-либо’ [ТСО: 84].

Таким образом, синтаксические фразеологизмы, являясь реакцией на конкретную ситуацию и заключая в себе отношение к происходящему, функционируют в определённом контексте, который также участвует в формировании оценочного значения, заложенного в конструкции. Ср.: 1) «*Ох у эти мне родители!*» – *Дядя Тумба даже застонал и схватился за голову* (А. Приставкин. *Дядя Тумба магазин*); 2) «*Ох, уж это мне французское легкомыслие*», – *проворчал Дебоширин* (С. Довлатов. *Иная*

жизнь); 3) «*Ох, уж эти мне интеллигентские штучки, – разводил руками Солин, – вы предаете людей сплошь и рядом, а там, где надо истину восстановить, там вам кажется, что вы совершаете отступление от самих себя*» (Ю. Азаров. Подозреваемый). Для характеристики речи говорящего используются слова *застонал* (*стонать* в одном из значений ‘жаловаться, сетовать (разг.)’ [ТСО:669]) и *проворчал* (*ворчать* ‘сердито бормотать, выражая неудовольствие’ [ТСО: 84]). Характеристика действий говорящего: *схватился за голову, разводил руками* (‘повести руками в стороны в знак удивления, а также вообще выразить недоумение, удивление по поводу чего-нибудь’ [ТСО: 557]). Также в первом примере употреблён восклицательный знак, свидетельствующий об экспрессивности высказывания. В структуре самого синтаксического фразеологизма также могут употребляться слова разговорного стиля или слова в переносном значении, так, в примере 3 в качестве переменного компонента использовано имя существительное *штучки* (‘происшествие, проделка, выдумка’), имеющее в словаре помету *разг.* [Ушакова 2017: 39].

Согласно пунктуационным нормам русского языка междометие *ох* отделяется (выделяется) запятой, однако в пределах синтаксического фразеологизма наблюдается варьирование постановки знака препинания. Ср.: *Ох уж эти мне планы – вторые, и третьи, и четвертые* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей); «*Ох, уж эти мне интеллигентские штучки, – разводил руками Солин* (Ю. Азаров. Подозреваемый).

Структура синтаксического фразеологизма рассматриваемого типа в современном русском языке трансформируется: постоянный компонент подвергается компрессии, из него вычленяется местоимение *мне*. При подобной модификации значение синтаксического фразеологизма остается неизменным. Как указывает А. В. Величко, такое явление наблюдается, «когда вывод, утверждение говорящего относительно объекта не касается лично его, а лишь отражает его наблюдения, известную

информацию об объекте». Ср: *Ох уж эти русские, всё у них не так!* (Комсомольская правда, 2013.11.12); *По сей день жду решения. Ох, уж эти модели! Долго же думают!* (Комсомольская правда, 2013.10.28); *Ох уж этот Ростехнадзор... Едва это слово звучит в деловом разговоре, предприниматели тяжело вздыхают и закатывают глаза* (Комсомольская правда, 2013.07.26); *Ох уж эта общая болтовня* (В. Маканин. Асан); *Ох уж эти наши полусумрачные поиски смысла бытия!* (Комсомольская правда, 2013.02.04). В последнем примере имеется местоимение *наши*, однако оно не указывает на конкретного субъекта, в конструкции заложено обобщенное значение.

Из структуры синтаксического фразеологизма также могут исключаться междометие *ох* или частица *уж*. Ср.: *Князь баронессу не любил, я в этом более чем уверен. Уж эти мне капризы... Просто он распалился, получив отказ, а любому мужчине понятно, что это значит* (Б. Окуджава)

Исследователи отмечают, что из синтаксического фразеологизма данные компоненты могут исключаться одновременно [Величко: 2016]. Однако, по нашим наблюдениям, в современном русском языке такая трансформация не является продуктивной: *Уж эти мне интеллигенты!*; *Эти мне интеллигенты!*; *Ох эти мне интеллигенты!*.

Синтаксические фразеологизмы являются некорректными с точки зрения их структурны и семантически при исключении компонента *этот*. Ср.: *Ох, уж эти модели!* (Комсомольская правда, 2013.10.28) – *Ох уж мне модели!*; *Ох, уж эти мне интеллигентские штучки* (Ю. Азаров. Подозреваемый) – *Ох, уж мне интеллигентские штучки*. Структурная нецелостность влечет за собой искажение смысла высказывания в целом, семантика построения не вычленяется и из контекста.

Возможна замена междометия *ох* другим междометием, но это явление также непродуктивно в современном русском языке. Ср.: *Я подумала: «О, эти мне актерские замашки...»* (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти); *«Ах, уж эти мне древние языки, – сказал Шурка, и мы отправились*

на главную улицу» (Л. Ф. Зуров. Иван-да-Марья); *Ах уж эти мне пистолеты! Сколько я от них страха натерпелась...* (Е. Н. Чирикова. Пьеса в четырёх действиях).

Варианты трансформации схемы построения синтаксических фразеологизмов (за исключением некоторых) не приводят к изменению субъективно-модального значения, заложенного в них. Оценочное значение предмета речи и ситуации в целом сохраняется и в измененной конструкции. Причём исключение из схемы синтаксического фразеологизма местоимения *это* ведет к структурной и семантической неточности построения [Ушакова 2017: 40].

Синтаксические фразеологизмы типа *«Ох, уж эти мне экзамены»* продуктивны в текстах современной русской литературы, печатных средств массовой информации, что является показателем демократизации языка, его эмоциональности и экспрессивности. Асимметрия плана содержания и плана выражения синтаксических фразеологизмов свидетельствует о стремлении языка к экономии речевых усилий.

2.3. Трансформация синтаксических фразеологизмов

Структура синтаксических фразеологизмов может варьироваться в процессе функционирования в русском языке. Это может проявляться несколькими способами и проявляться в разных моделях синтаксических фразеологизмов. При анализе синтаксических фразеологизмов предыдущего параграфа мы указывали, какие модели синтаксических фразеологизмов имеют тенденцию к трансформации. Самыми распространёнными из них являются: исключение переменного компонента или его части; включение в конструкцию факультативных элементов; перестановка компонентов; контаминация.

Из структуры синтаксического фразеологизма может исключаться переменный компонент или его часть.

1) *Застигнутый на месте преступления, Борька не знает, куда девать мокрые до локтей руки. – **Хорош!** Мало того что проспал... Петька ждал на колокольне, ждал...* (Г. Башкуев. Маленькая война).

2) ***Ох уж эти** русские, всё у них не так!* (Комсомольская правда, 2013.11.12); *По сей день жду решения. **Ох, уж эти** модели! Долго же думают!* (Комсомольская правда, 2013.10.28); ***Ох уж этот** Ростехнадзор... Едва это слово звучит в деловом разговоре, предприниматели тяжело вздыхают и закатывают глаза* (Комсомольская правда, 2013.07.26); ***Ох уж эти** наши полусумрачные поиски смысла бытия!* (Комсомольская правда, 2013.02.04).

3) *Ну, молчи уже, ты устал. Разговорился, **тоже мне**...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); *Вместо лент веревочки. **Тож же мне!** Мне бы такие косы* (Л. Гурченко. Аплодисменты); *Какая разница, роль да и роль, подумаешь, счастье, положительная, **тоже мне**...* (Л. Гурченко. Аплодисменты); *Да плевал я на этого Пашу, **тоже мне!*** (Е. Лазик и Паша-Король).

4) ***А то будет он** мне – нельзя да нельзя* (А. Геласимов. Степные боги); *«Вот ещё, – буркнул Зарубин, – **буду я!**.. Я ему и не сказал ничего»* (А. Маринина. Последний рассвет).

5) *Князь баронессу не любил, я в этом более чем уверен. **Уж эти мне** капризы... Просто он распалился, получив отказ, а любому мужчине понятно, что это значит* (Б. Окуджава).

Могут включаться факультативные элементы, распространяющие структуру синтаксического фразеологизма.

1) *Уехал в день решающего матча? **Хорош**, нечего сказать! А Медузия, надеюсь, здесь?* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона). – ***Хорош**, ничего не скажешь, этот Верховный Совет, если его фашисты охраняют!* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова). *Степаша запаздывал,*

а матушка его несла что-то с Дону, с моря... занимала время. Тоже хороша, ничего не скажешь. Та ещё штучка (А. Волос. Недвижимость).

2) *Можно поймать представителя авиакомпании, дозвониться в головной офис, да хоть самому большому начальнику – никто ничего конкретно не скажет. Нет чтобы: «Граждане пассажиры рейса 555! Мы задержали ваш вылет, потому что иллюминатор треснул, а в левом двигателе хомут полетел...»* (Комсомольская правда, 2012.12.20) (Ср.: *Нет чтобы сказать «Граждане...»*).

3) *Тоже мне, ещё один показушник, будто не может ездить в нормальном, современном автомобиле...* (С. Лукьяненко. Новогодний Дозор).

4) *«Я напишу письмо Джимми Картеру. Что это, мол, за безобразие?! Даже не позвонили...»* (С. Довлатов. Ремесло. Повесть); *Мне все говорили: «Ну что у тебя за бардак на голове* (Труд-7, 2010.03.12).

Возможна перестановка компонентов.

1) *Ты тоже хороша. Сидела и молчала* (М. Трауб. Ласточ...ка); *А ты тоже хорош: чего не остановил-то меня?* (А. Маринина. Последний рассвет); *И пока не сделаешь – чтобы духу твоего здесь не было. И ты, Сташис, тоже хорош!* – *Нет, Надежда Игоревна, вы не правы, – мужественно вступился за товарища Роман, – Антон тут ни при чём, в первые сутки мы с Геной вдвоем работали, это мы с Геной недосмотрели, а Антон уже потом подключился* (А. Маринина. Последний рассвет); *Все-таки я её обманул, потом оскорбил. Она, конечно, тоже хороша. Но она женщина* (Н. Трофимова. Третье желание);

2) *Будет он мать дурой звать! Воспитание, тоже мне! Безотцовщина!* (А. Слаповский. Синдром Феникса); *А ещё рейнджер, тоже мне... Всё, тихо!* (М. Тырин. Будет немножечко больно);

3) *Это ещё что за новости?* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын).

Синтаксические единицы современного русского языка имеют тенденцию к контаминации, окказиональному преобразованию, при котором возможно объединение двух и более фразеологических единиц. Такое объединение сопровождается появлением особенного значения. Синтаксические фразеологизмы также имеют тенденцию к объединению.

«К явлениям контаминации относится соединение компонентов двух разных несвободных конструкций, сходных по значению. Контаминированные образования возникают в говорении и проникают язык газеты и публицистики!» [Шведова 1966: 71].

В результате структурного и семантического взаимодействия возникают контаминированные образования. Как указывает Н. Ю. Шведова, контаминации характерна для разговорной речи, подобные соединения всегда являются отклонением от нормы.

Хотя это явление не является особо продуктивным, всё же примеры встречаются в текстах современной русской литературы и текстах средств массовой информации.

Явление сосуществования в границах одного предложения синтаксических фразеологизмов можно проследить в подобных примерах: *А мне говорят: «Тоже мне, **нашёл кого жалеть**»* (М. Шишкин. Венерин Волос); *К нам в отделение целыми экскурсиями повадились ходить на нее глазеть, пока мы это все не прекратили. **Тоже мне, нашли достопримечательность!*** (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); *«Ой, **тоже мне, нашлась святая**». – Вета разозлилась* (М. Трауб. Ласточ...ка); ***Тоже мне** **нашла время!** Знала бы, что там дома творится!* (А. Геласимов. Дом на Озерной); *Сама потом ещё **спасибочки скажешь. **Тоже мне, королева нашлась...***** (А. Геласимов. Степные боги); *«**Тоже мне** **нашел тихое местечко**», – буркнул Ковыль, но возражать не посмел* (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало). Как правило, в таких построениях в препозиции стоит синтаксический фразеологизм *тоже мне* и имя существительное, постпозицию занимает синтаксический фразеологизм

со словом *найти*, но бывают исключения: «Ну, типа кочегара». /«Нашёл работёнку, *тоже мне!* Это ж света белого не видеть!» (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова). В конструкциях реализуется отрицательная оценка кого-, чего-либо, то есть значение, которое присуще обеим схемам построения синтаксических фразеологизмов, сохраняется даже при таком их слиянии.

Важно отметить, что вариативность структурной схемы синтаксического фразеологизма не влияет на реализуемое значение. Это обусловлено тем, что варьироваться может только переменный компонент, очень редко – постоянный (лишь его часть). Это свидетельствует о системности синтаксических фразеологизмов как синтаксических единиц в современном русском языке.

Ироническое неодобрение может заключаться в разных конструкциях, в представленных – оно концентрируется в сжатом формальном выражении, однако смысловой план при этом широк. Изучение структурно-семантических и функциональных особенностей синтаксических фразеологизмов показывает их широкий коммуникативный потенциал, их важную роль в обеспечении полноценной коммуникации.

2.4. Лексикографическое описание синтаксических фразеологизмов

Исследование, структуры, особенностей функционирования и варьирования схем синтаксических фразеологизмов делает возможным представить лингвистическое описание синтаксических фразеологизмов, которое может лечь в основу словарной статьи в учебном словаре синтаксических фразеологизмов. В связи с этим целесообразным считается составление образцов словарных статей.

Следует учитывать, что опыт составления словаря синтаксических фразеологизмов уже имеется. В 2013 году вышел в свет «Синтаксический фразеологический словарь русского языка» В. Ю. Меликяна. Словарь содержит более 2000 синтаксических фразеологических единиц русского языка типа *Вот ещё!*, *Как бы не так!*, *Ну ты даешь!*, *Привет!* и др. В словаре представлены значения подобных конструкций, даны грамматические и акцентные варианты их употребления, сведения о происхождении, стилевой принадлежности и сферах функционирования, приведён иллюстративный материал их реализации в речи.

Для составления словарных статей синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения следует составить список синтаксических фразеологизмов заявленной семантики, описать особенности структуры, семантики, стилистики, прагматики, функционирования исследуемых конструкций в речи, что сделано в нашем исследовании (главы 1, 2). При составлении словарных статей мы использовали различные словари русского языка, в том числе «Синтаксический фразеологический словарь русского языка» В. Ю. Меликяна.

Особенностью составляемых словарных статей является иллюстративный материал, цель которого – показать специфику функционирования синтаксических фразеологизмов в речи; особенности трансформации синтаксических фразеологизмов в современном русском языке также подтверждены примерами из текстов художественной литературы конца XX – начала XXI века.

При составлении словарей языковым материалом обычно становятся примеры из художественных текстов. При составлении словарных статей мы посчитали необходимым включить в них материалы их публицистических текстов, так как именно они предполагают фиксирование речи респондентов, например, при интервью. При составлении словарных статей необходимо выбрать параметры, по которым будут описаны синтаксические фразеологизмы.

Н. Ю. Шведова называет словарную статью «очень сложным лингвистическим жанром» [Шведова 1988: 8], так как она решает много задач и должна представить большое количество информации в сжатом виде. Словарные статьи должны содержать непротиворечивое, единообразное системное описание синтаксических фразеологизмов. Словарные статьи для каждой модели синтаксических фразеологизмов, разработанные нами, включают:

- грамматическую характеристику постоянного компонента;
- семантику синтаксического фразеологизма (если синтаксический фразеологизм имеет несколько значений, указываются все);
- стилистическую принадлежность синтаксического фразеологизма;
- иллюстративный материал;
- варианты построения синтаксических фразеологизмов, отходящие от традиционной модели с указанием дополнительных вариативных компонентов, пропуска элементов, изменения порядка слов. Каждый вариант функционирования проиллюстрирован примерами. Данная информация, на наш взгляд, имеет особую важность при изучении функционирования конструкций и отслеживания тенденций их изменения в современном русском языке;
- примеры фразеологических единиц, подобные по своему строению синтаксическим фразеологизмам.

В заголовке словарной статьи дается модель построения синтаксического фразеологизма. Далее следует помета, указывающая на стилистическую, эмоционально-экспрессивную характеристику синтаксического фразеологизма. Пометы и сокращения, используемые в словарных статьях, соответствуют стандартным: *ирон.* – ироническое; *эмоц.* – эмоциональное; *шутл.* – шутливое; *уничиж.* – уничижительное, *неодобр.* – неодобрительное, *разг.* – разговорное и т. д. Затем приводится краткое толкование значения синтаксического фразеологизма и иллюстративный материал, показывающий употребление синтаксических

фразеологизмов. Представлены варианты построения синтаксических фразеологизмов и иллюстративный материал.

Составленные нами словарные статьи включают информацию о частеречной принадлежности слов, входящих в постоянный компонент, так как при его десемантизации возникает трудность соотнесения этого компонента с той или иной частью речи.

Иллюстративный материал, приведённый нами, взят из текстов средств массовой информации и современной литературы конца XX – начала XXI вв., содержит примеры, демонстрирующие функционирование синтаксического фразеологизма в современном русском языке.

Знак $\diamond$ (ромб) вводит в словарную статью фразеологизмы, зафиксированные в словарях; $< >$ (угловые скобки) указывают (в них заключают) факультативные элементы синтаксических фразеологизмов; знак * – особенности пунктуации (не на конце синтаксического фразеологизма). Введены грамматические пометы: N_1 – имя существительное в именительном падеже; *Pron* – местоимение; V_{inf} – инфинитив; $V_{imperativ}$ – императив; V – глагол.

Примерные словарные статьи синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения:

Хорош + N_1 . (*хорош* – кр. ф. прил.) *ирон., разг., неодобр.* 1. Негативная оценка предмета речи, который формально оценивается положительно, в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением. *Хорош свидетель, на основании показаний которого Ликуся загремела за решетку!* (Д. Донцова). 2. Несогласие, отрицание факта, который формально утверждается и положительно оценивается, в сочетании с недоверием, неодобрением, пренебрежением, насмешкой. *Это чисто джентельменский договор. «Хорош джентельмен!» – подумал я, сжимая кулак в узком кармане кожаных брюк* (В. Запашный).

Хорош + **нечего сказать (ничего не скажешь)**. *Уехал в день решающего матча? Хорош, нечего сказать!* (Д. Емец). *Тожже хороша, ничего не скажешь. Та ещё штучка* (А. Волос).

N_1 + **<тоже>** + **хорош**. *А ты тоже хорош: чего не остановил-то меня?* (А. Маринина).

$\diamond$ **Хорош гусь**. О нечестном, ненадёжном человеке. *Хорош гусь, неча сказать. Измаял песнями да ещё всякой иной музыкальной дребеденью доконать хочет* (Б. Евсеев)

Буду, стану + Pron + V_{inf} (буду, стану – гл. 1 л. ед. ч.) ирон., неодобр. Эмоциональное отрицание субъектом необходимости делать что-либо. **Стану я время терять!** Достаточно сходить на дюжину свиданий, чтобы узнать о мужчинах все (Д. Емец) (= ирон. 'не намерен')

Буду, стану + Pron. *А то будет он мне – нельзя да нельзя* (А. Геласимов); *Вот тех двух, которые до дому пока не доехали, дождется и начнет их прессовать. – Вот ещё, – буркнул Зарубин, – буду я!.. Я ему и не сказал ничего* (А. Маринина).

Стал бы + Pron + V_{inf}. **Стал бы я** на потом оставлять, если бы нас не ожидало светлое будущее (А. Берсенева); *Мол, стал бы он, пусть и пьяный, ссориться с компанией из восьми человек!* (КП).

Нет чтобы + V_{inf} (нет + союз) ирон., неодобр. 1) Осуждение, недовольство по поводу того, что делается нечто, противоположное необходимому и естественно ожидаемому. *Затая на первый взгляд совершенно дурацкая – нет чтобы просто применить электронагреватель* (КП). 2) Отрицание факта, который формально утверждается, оценка предмета речи как предпочтительного, желаемого, но не осуществившегося. *Показал Изольде, мол, смотри, какую печатают ерунду, просто фотографии с подписями, нет чтобы издать что-нибудь человеческое* (М. Шишкин); 3) Утверждение факта, который формально отрицается, оценка предмета речи как предпочтительного, желаемого, но не осуществившегося: – *Нет чтобы не ворчать! Так ещё больше заводится!* 4) Об отсутствии догадливости, понимания того, что нужно сделать: **Нет чтобы** вам мне заранее мне позвонить.

Нет чтобы + <...> Нет чтобы «Граждане пассажиры рейса 555! Мы задержали ваш вылет, потому что иллюминатор треснул, а в левом двигателе хомут полетел...» (КП) (= Нет чтобы сказать «Граждане...»).

* **Нет, чтобы** просто сказать – возьми там-то – и всё (Е. Гришковец) – **Нет чтобы** учиться, так они только кляузничают... (КП).

Что за + N₁ (мест.) 1) Положительная оценка предмета речи: одобрение, похвала, восхищение. – **Что за кот!** – продолжал женский голос. – Чудо просто! (Л. Петрушевская); 2) неодобр., уничиж. негативная оценка предмета речи: неодобрение, порицание, возмущение. *И вообще – что за дозорный и что за постовой, если он без окрика вдруг выскакивает на дорогу и целит тебе прямо в лоб* (В. Маканин);

Что <ещё> за; что <это ещё> за; что <это> за + N₁. Все недоумевают: **что это ещё за нововведение?!** (КП); – *Что могло случиться? Дела.../ – Что ещё за дела?* (С. Довлатов); *Одна из них с досадой выговорила: – Что это за фенькин номер? Мать пошла, а деньги кончились?* (С. Довлатов).

Что <это> <...> за + N₁. *Я напишу письмо Джимми Картеру. Что это, мол, за безобразие?! Даже не позвонили...»* (С. Довлатов). *Мне все говорили: «Ну что у тебя за бардак на голове (Труд-7).*

Это + ещё + что за + N₁. – *Я ухожу с Рональдом Маневичем. Так надо. / – Это ещё что за новости?* (С. Довлатов).

◇ *что за шум, а драки нет; что за город, калача купить не на что; что за важность, что вошь в пироге; что за беда, коли пьется вода; что за червонная краля*

Ох уж + этот + Pron + N₁ (междом., част.) ирон., неодобр., шутл. 1) Экспрессивная оценка: одобрения и неодобрения: «**Ох, уж эти мне интеллигенты**, – вздыхали хирурги. – Их будешь резать, а они всё равно будут продолжать извиняться...» (Труд-7); «**Ох уэти мне родители!**» – Дядя Тумба даже застонал и схватился за голову (А. Приставкин); «**Ох, уж это мне французское легкомыслие**», – проворчал Дебоширин (С. Довлатов).

Ох уж + этот + <...> + N₁: **Ох уж эти русские**, всё у них не так! (КП); По сей день жду решения. **Ох, уж эти модели!** Долго же думают! (КП); **Ох уж этот Ростехнадзор...** Едва это слово звучит в деловом разговоре, предприниматели тяжело вздыхают и закатывают глаза (КП); **Ох уж эти наши полусумрачные поиски смысла бытия!** (КП).

<...> уж + этот + Pron + N₁: Князь баронессу не любил, я в этом более чем уверен. **Уж эти мне капризы...** Просто он распалился, получив отказ, а любому мужчине понятно, что это значит (Б. Окуджава); **Уж эти мне интеллигенты!**; **Эти мне интеллигенты!**;

Ох + <...> + этот + Pron + N₁: **Ох эти мне интеллигенты!**

Ох + уж + этот + <...> + N₁ (некорректно): **Ох, уж эти модели!** (КП); **Ох, уж мне интеллигентские штучки.**

О / Ах + уж + этот + Pron + N₁: «**О, эти мне актерские замашки...**» (А.С. Демидова); «**Ах, уж эти мне древние языки**, – сказал Шурка, и мы отправились на главную улицу» (Л. Ф. Зуров); **Ах уж эти мне пистолеты!** Сколько я от них страха натерпелась... (Е. Н. Чирикова).

* **Ох уж эти мне планы – вторые, и третьи, и четвертые** (Ю. О. Домбровский); «**Ох, уж эти мне интеллигентские штучки**, – разводил руками Солин (Ю. Азаров).

Хоть + V_{imperativ} неодобр. 1) Целесообразность и оценка предмета речи и ситуации в целом: «**Жизнь в Волгограде такая, что хоть стреляйся** – поэтому я уезжаю на ПМЖ в Монте-Карло» (КП); **Тут самое важное, чтобы эти периоды не совпали!** Потому что тогда **хоть разводись**. Нужно позволять близким слабости и ошибки (КП); **Хоть три маски надень, а грузный мужчина с авоськами так и нависал всем телом надо мной, рискуя плюхнуться мне на колени!** (КП);

◇ **хоть брось, хоть в гроб ложись, хоть волком вой, хоть в петлю лезь, хоть глаз выколи, хоть головой об стену бейся, хоть завались, хоть зарежь, хоть караул кричи, хоть кол на голове теши, хоть лопни, хоть отбавляй, хоть плачь, хоть разорвись, хоть святых выноси, хоть убей, хоть умри. Хоть убей**, не могу понять, причём тут газоны – не газоны (КП); **Порой в ход идут такие ноу-хау, что хоть стой, хоть падай** (КП)

Какой + N₁ (мест.) ирон., неодобр., уничиж. 1) уверенное отрицание, несогласие иногда в сочетании с неодобрением, возмущением, огорчением, досадой и т. п.: **А какой ты пародист, ежели не пародируешь Никиту Михалкова?** (КП); – **Какой ты медвежатник – ты человек-наук!** (КП); **Какой ты президент, если тебе по морде дали, а ты вопишь на весь мир** (КП); **Терроризма там нет как такового, экстремизма практически нет. Ну какой там экстремизм? А теперь возьмем Россию.** (КП); 2) уверенное утверждение, согласие иногда в сочетании с недоумением, возмущением, огорчением, досадой и т. п.: **Или он не местный и не знал, что они творили в 90-х? – Какое не местный?** – говорит Бачурский (КП); 3) негативная оценка предмета речи: **На вопрос о достатке семьи, вздыхает: – Какое там богатство, как все, они жили** (КП); **Какой это возраст для спортсмена в вашем виде спорта?** (Известия); **Вот они нам навязывают демократию, а какая это демократия!** (КП); 4) Ироническое неодобрение и несоответствие предмета заявленным характеристикам. **Школьники сами шли за полицейскими к автозаку, как за строгим завучем. Какой там протест, так, адреналин юношеский... И это, конечно же, к лучшему** (КП); – **Не раздувайте события, – предостерег меня замначальника ГУ МВД по Иркутской области полковник Олег Кнауэ.** –

Какой там межнациональный конфликт? Обычная драка (КП); Это все-таки была безалаберность или умысел какой-то? – **Какой там умысел?** Нет, не умысел (КП). 5) Невозможность какого-либо события, обстоятельства. В месяц выходит 35–40 тысяч рублей. **Какой там** ремонт! Все деньги – домой (КП). Конструкция имеет значение – «ремонт невозможен». После семи воспалений легких, двух клинических смертей и с палочками Коха. Эстафета. **Какой там** – умирать! Некогда мне было (КП); Он отвечал, что был на рыбалке. «**На какой там** рыбалке? С кем? (КП).

Какой + там + N₁. **Какой там** оркестр, какая оперная труппа, какая балетная труппа, какие артисты потрясающие (КП). **Какой там** русский язык! Он им совершенно не нужен и неинтересен. (КП); – Неужели крупный был гонорар? – **Какой там** крупный! Это простое самоуправство и невежливость по отношению к своим же клиентам. (Известия); Подобными материалами читателю Америки и Европы доносят несложную мысль: «**Какая вам** Сирия, **какое там** предотвращение войны, вы что, забыли, что там творится!» (Известия); А к детям очень по-доброму относится. **Какое там** насилие?! Татьяна за ним как за каменной стеной (КП).

Какое + V. Вот и потоп. Власти развенчивают слух – **какое там** обмелел! Зачем и кому это было надо – «приподнимать» Амур, когда все последние годы начиная с 2009-го в нем и так высокий уровень воды- паводки до 5 метров? (КП);

Какой, какое + <...> Это нам только кажется, что чужестранцы, прижав кулаки к груди, страстно бормочут что-то важное и актуальное. **Какое там!** Британцы до сих пор просят Господа Бога рассеять всех врагов королевы(входят ли в их число газетчики-папарацци? (Известия), Думаю, заночую в этой клетке, а утром стану первой. **Какой там!** Мигранты уже, набросав матрасов, улеглись (КП)

Какой + V_{inf} **Какой там** – умирать!

◇ **какие наши (ваши / твои / его / её / их) годы.** Мне говорили в кулуарах: «**Какие твои годы!**» (КП); Да и то сказать – **какие их годы?** (Труд-7); Сегодня этому двуногому мужскому существу всего 30 лет – **какие его годы!** (КП). **Какое мне дело!**

Найти + кто, что в + V_{inf} (гл., мест.) ирон., неодобр. Отрицательное отношение к предмету речи. **Нашли о чем** спрашивать у филолога, который не рулит (КП); **Декабрь 2000 года О женищинах.** – Ну **нашла о чем** спросить – много ли у меня женищин было, ха-ха! (Труд-7, 2008.08.13); Ольга мысленно прокляла себя. **Нашла о чем** говорить! – Бумаги водитель привезет (Е. Романова).

Найти + N₁. Отрицание, «мнимая оценка», то есть возражение, предполагающее, что согласие с мыслью или требованием и т. д. собеседника оправдывало бы подобную оценку» **А ты чего звонишь-то?** – **Чтобы предупредить.** – **Тожже мне – нашел** вопрос... (КП); **И не подумаю.** **Тожже мне, нашел** повод. Выпить, что ли, захотелось? (КП). **Тожже мне нашили** проблему! (КП); Дело прошлое, пойду я, не надо из меня «клоуна» делать, так бы любой поступил, **тожже мне – нашили** героя... (КП).

Найти + время, место. Ты **тожже, брат, нашел** время здесь гулять! (КП).

Найти + N₁. Герой **нашёлся**; Помощничек **нашёлся!** (Советский спорт).

◇ **нашли дурака.** разг., простореч. Выражение называет человека, который не является в какой-либо степени глупым, что выполнить какое-либо действие. Ср.: **Под лобовым стеклом листочек: «ВАЗ-21093», 1990 года выпуска, сигнализация, двигатель 1500, цена – 1150 долларов. Ха, тысяча долларов, нашел дурака!** (КП); **Как же, признается она.** **Нашли дуру.** Вчера, когда Киреева возвращалась после чаепития от Буровой и поднималась по запасной лестнице с четвертого на пятый, на площадке между этажами решила постоять у окошка и покурить (М. Зосимкина).

Выводы

Лексическая и грамматическая закреплённость постоянного компонента, нечленимость, асимметрия между означаемым и означающим обуславливают соединение эмоционального и рационального в границах синтаксического фразеологизма. Особенностью синтаксических фразеологизмов является их «природная» эмоциональность. Данные конструкции существуют в языке для выражения отношения к окружающему миру. В связи с этим одним из актуальных значений синтаксических фразеологизмов является значение иронического неодобрения.

Значение неодобрения является модальным значением синтаксических фразеологизмов и выражается экспрессивно, эмоционально. Проанализированные синтаксические фразеологизмы типа *Хорош друг!*, *Мало ли что говорят!*, *Много ты знаешь!*, *Буду / стану тебя слушать!*, *Нашёл кого слушать!*, *Охота тебе его слушать!*, *Тож же мне друг!*, *Какой там друг!*, *Что за ерунда!*, *Нет чтобы помог!*, *Хоть не общайся!*, *Ох, уж эти мне экзамены!* являются продуктивными в русском языке, представляют собой синтаксические построения, обладающие стандартными фразеологическими признаками и специфическими синтаксическими признаками: двукомпонентность, способность реализовывать модусное значение; имеют сниженную стилистическую маркированность. Сниженная стилистическая маркированность высказывания с синтаксическими фразеологизмами проявляется за счёт включения в их состав и контекст стилистически сниженных слов.

Ироническое неодобрение представляет собой особое субъективно-модальное значение синтаксического фразеологизма, реализуемое языковыми средствами, выражающее скрытое негативное, критическое отношение горящего к действительности. Реализация семантики

иронического неодобрения основана на использовании слов с ложной положительной оценкой. Это становится возможным за счёт диапазона оттенков, входящих в понятие *неодобрение*, его многогранности: презрение, уничижение, порицание и т. д. Средствами выражения иронического неодобрения в синтаксических фразеологизмах являются порядок слов, десемантизация опорного компонента, ложная положительная оценка, интонация, контекст.

Особенностью синтаксических фразеологизмов современного русского языка является тенденция к трансформации их структуры, о чём указывается при анализе каждой конструкции в отдельности и систематизировано в последнем параграфе данной главы. Трансформация происходит за счёт включения факультативных элементов, изменения грамматических характеристик переменного компонента, соединения нескольких синтаксических фразеологизмов в границах одного предложения. Неодобрение в границах синтаксического фразеологизма становится проявлением речевого конфликта, агрессивности поведения и речи говорящего.

На основе многоаспектного анализа синтаксических фразеологизмов сделана попытка их лексикографического описания. Для выявления синтаксических фразеологизмов из ряда иных синтаксических конструкций, точного определения их структуры и значения представляется целесообразным в словарную статью включать грамматическую характеристику постоянного компонента, семантику синтаксического фразеологизма, его стилистическую принадлежность, иллюстративный материал, варианты построения синтаксических фразеологизмов, примеры фразеологических единиц.

Заключение

Современный русский язык существует в устной и письменной формах, при этом обе разновидности используют закреплённые в языке конструкции, воспроизводящиеся в процессе построения устного или письменного высказывания. Синтаксические фразеологизмы до некоторого времени считались ненормированными единицами, построение которых не объясняется действующими в языке правилами. Систематичность их употребления в сфере публицистических и художественных текстов доказывает обратное.

Синтаксические фразеологизмы, функционируя в диалогической речи (диалог в художественном тексте, интервью – в публицистическом), характеризуют речевое поведение говорящего, отношение его к ситуации и предмету речи. Употребляясь же в сфере публичной коммуникации, монологических высказываниях, а также в качестве заголовков газетных статей, синтаксические фразеологизмы характеризуют состояние современного русского языка.

Язык, являясь живой и подвижной системой, реагирует на изменения в политической, социальной, экономической сферах. Синтаксические фразеологизмы типа *Хорош + N₁!*, *Мало ли что + V!*, *Много + Pron + V!*, *Буду / стану + Pron + V_{inf}!*, *Наиёл кого + V_{inf}!*, *Охота + Pron + V_{inf}!*, *Тоже мне + N₁!*, *Какой там + N₁!*, *Что за + N₁!*, *Нет чтобы + V_{inf}!*, *Хоть + V_{imper}!*, *Ох, уж эти мне + N₁!* имеют высокую степень распространения в текстах художественной литературы, печатных средств массовой информации, что является показателем стремления современного русского языка к экономности, устойчивости, эмоциональности и экспрессивности.

Синтаксические фразеологизмы являются системными единицами языка, элементы которых подвергаются десемантизации и переосмыслению.

Несмотря на зарождение в сфере речи устной, они активно используются в речи письменной, являясь частично воспроизводимыми конструкциями с обязательным набором компонентов, закреплённых в определённом порядке и в заданных грамматических формах.

Так, например, синтаксические фразеологизмы типа *Хорош + N₁!* в препозиции в качестве постоянного компонента имеют краткое прилагательное *хорош*, в постпозиции – лексически свободное имя существительное в форме именительного падежа: *Хорош свидетель, на основании показаний которого Лисуя загремела за решётку!* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *Это чисто джентльменский договор. «Хорош джентльмен!» – подумал я, сжимая кулак в узком кармане кожаных брюк* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь) и др.

Анализ научных исследований в области синтаксиса, фразеологии, теории оценки, анализа текста и проведённый комплексный анализ синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения позволили прийти к некоторым важным выводам.

Синтаксические фразеологизмы не несут новой информации, а служат для самовыражения говорящего в ответной реплике диалога. Следует отметить, что подобные высказывания лишены воздействующей функции, их цель – реакция не на действительность, а на высказывание адресата. В связи с этим синтаксические фразеологизмы экспрессивно и эмоционально окрашены, выражают ироническое неодобрение за счёт употребления слов с ложной положительной оценкой, порядка слов, контекста, чаще всего представляют собой восклицательные конструкции, что служит основанием для отнесения их к реактивному регистру речи. Этим обусловлена также сниженная стилистическая маркированность исследуемых конструкций, что следует расценивать как агрессивность речевого поведения.

Синтаксические фразеологизмы представляют собой синтаксические конструкции, построенные по закреплённой и «устоявшейся» в языке модели, содержащей постоянный и переменный компоненты.

Для постоянного компонента, который может быть выражен как служебными (*Нет чтобы + V_{inf}!*, *Хоть + V_{imper}!*, *Тоже мне + N₁!*, *Ох, уж эти мне + N₁!* и др.), так и знаменательными частями речи (*Хорош + N₁!*, *Буду / стану + Pron + V_{inf}!*, *Нашёл кого + V_{inf}!* и др.), характерны полная или частичная десемантизация, деграмматикализация, грамматическая несоотнесённость с определённым классом слов. Как и любая единица языка, синтаксические фразеологизмы обладают набором признаков: устойчивостью, идиоматичностью, частичной воспроизводимостью, двукомпонентностью, способностью реализовывать модусное значение, сниженной стилистической маркированностью.

Наблюдения над функционированием синтаксических фразеологизмов с семантикой иронического неодобрения показывают, что для них характерно несоответствие плана выражения плану содержания, то есть невыводимость значения из входящих в их структуру компонентов. Ср.: *Буду я ещё нервы трепать за эту мизерную зарплату...* (Комсомольская правда, 2002.12.03); *Много ты знаешь, кто чего может придумать или не может* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1). За внешним (формальным) утверждением скрывается ироническое отрицание, неодобрение ситуации.

Ироническое неодобрение как особое модальное значение синтаксических фразеологизмов предполагает наличие адресата и прагматическую установку. Анализ языкового материала доказывает, что в подобных конструкциях одновременно выражается уверенное неодобрение ситуации и предмета речи и намеренное присвоение ситуации, лицу, предмету, действию и т. д. положительных качеств, признаков. Ср.: *Список организаций-врагов тоже хорош: Посольство России в Эстонии, агентство Регнум, «Мир без нацизма», ГРУ ФСБ, СВР и учения «Запад-2013»...* (Комсомольская правда, 2014.14.06); *Сама потом ещё спасибочки скажешь. Также мне, королева нашлась...* (А. Геласимов. Степные боги);

Нет чтобы учиться, так они только клязничают... (Комсомольская правда, 2012.10.09).

Синтаксические фразеологизмы в современном русском языке имеют закреплённые значения, характерные для каждой из моделей их построения. Средствами выражения иронического неодобрения в синтаксических фразеологизмах являются закреплённый порядок следования компонентов, десемантизация постоянного компонента, ложная положительная оценка, лексическое наполнение переменного компонента и контекст. При этом ироническое неодобрение не является основным значением синтаксических фразеологизмов, оно лишь сопутствует ему, переплетается с ним.

Семантика иронического неодобрения в синтаксических основана на использовании слов с ложной положительной оценкой как в постоянном компоненте (*Хорош друг!*, *Буду / стану я тебе помогать!*), так и в переменном (*Какой там помощник!*, *Тож же мне помощник*, *Много ты знаешь!* и т. д.).

Ироническое неодобрение, реализуемое в синтаксических фразеологизмах, представляет собой особое модальное значение, заключающееся в выражении отношения говорящего к ситуации, которое представлено имплицитно, без использования общеоценочного слова *плохо* или его синонимов. Неодобрение в составе синтаксического фразеологизма переплетается с эмоциональной оценкой и экспрессией. Заключая отрицательные эмоции, не выраженные формальными средствами, синтаксические фразеологизмы типа *Нашёл, кого слушать!*, *Что за друг!*, *Хорош друг!*, *Тож же мне друг!*, *Ох, уж эти мне экзамены!* реализуют значение иронического неодобрения.

Выражение неодобрения в синтаксических фразеологизмах возможно в условиях закреплённого порядка слов, интонации и контекста. При этом ироническое неодобрение не является чисто синтаксической категорией, оно является и лексической, и грамматической одновременно. Неодобрение

не приписывается отдельному слову в структуре синтаксического фразеологизма, оно принадлежит конструкции в целом.

Неодобрение является одним из проявлений речевой агрессии. Речевая агрессия в синтаксических фразеологизмах типа *Что за ерунда!*, *Нет чтобы помолчать!*, *Нашёл, кого слушать!* и др. реализуется за счёт включения слов со сниженной стилистической окраской и ложной положительной оценкой как в их состав, так и в контекст, а также за счёт порядка следования компонентов и наличия в контексте слов, указывающих на поведение, эмоциональное состояние говорящего. Ср.: *Когда слава о болгарской ясновидящей дошла до СССР, Венцислав возмутился: «Что за чушь у вас пишут?»* (Комсомольская правда, 2014.08.07); **Нет, чтобы** просто сказать – возьми там-то – и всё. Понимаешь, и всё. И ведь столько ругани, ... а в конце концов все равно скажешь где (Е. Гришковец. Город); **Тоже мне нашёл** тихое местечко», – буркнул Ковыль, но возражать не посмел (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало).

Проанализированные нами синтаксические фразеологизмы в современном русском языке подвергаются трансформации, заключающейся в изменении структуры за счёт включения в их состав факультативных элементов (*Хорош, нечего сказать, наш помощник; Что это, мол, за безобразия?!* (С. Довлатов. Ремесло. Повесть)); исключения переменного компонента или части постоянного (*Разговорился, тоже мне...*; («*Вот ещё, – буркнул Зарубин, – буду я!.. Я ему и не сказал ничего*» (А. Маринина. Последний рассвет)); соединения нескольких синтаксических фразеологизмов в границах одного предложения (*Тоже мне, нашёл кого жалеть* (М. Шишкин. Венерин Волос); *Тоже мне, нашла время!* (А. Геласимов. Дом на Озерной); *Нашёл работёнку, тоже мне! !»* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова); *И ты не смей меня так называть. Также мне нашелся папаша. Как хочу, так и разговариваю* (М. Трауб. Нам выходить на следующей). При этом значение синтаксических фразеологизмов не изменяется. Трансформация синтаксических фразеологизмов не является

показателем разрушения системы функционирования синтаксических фразеологизмов. Являясь конструкциями, подверженными синтаксической компрессии, в сжатой форме они заключают в себе максимум информации. План содержания построений шире плана выражения.

Тенденция к трансформации продемонстрирована при анализе каждой из моделей построения синтаксических фразеологизмов и приведена в отдельном параграфе диссертационного исследования.

Список литературы

1. Абрамов, Б. А. Текст как закрытая система языковых знаков / Б. А. Абрамов [Текст] // Лингвистика текста: материалы научной конференции. Ч. 1. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974.
2. Абукаева, Л. А. Фразеологизированные конструкции со значением оценки [Текст] / Л. А. Абукаева // Вестник ТГПУ. – 2005. – Вып. 4 (48). – Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 107–111.
3. Акимова, Н. Г. Соотношение разговорных и письменных конструкций в современном русском языке [Текст] / Н. Г. Акимова // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 1997. – № 2. – С. 123–142.
4. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка [Текст] / Г. Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 162 с.
5. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения [Текст]: учеб. пособие / В. Ю. Меликян; Рост. гос. пед. ун-т, Лингвист. ин-т. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2002. – 242 с.
6. Алефиренко Н. Ф. Текст и дискурс [Текст]: учеб. пособие для магистрантов / Н. Ф. Алефиренко, М. А. Голованева, Е. Г., Озерова, И. И. Чумак-Жунь. – М., ФЛИНТА: Наука, 2012. – 232 с.
7. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм [Текст]: монография / Н. Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 711 с.– С. 136–137.
9. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 344 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1998. – 895 с.

11. Арутюнова, Н. Д., Ширяев, Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. – М.: Русский язык. – 1983. – 198 с.
12. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
13. Архангельский, В. Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства [Текст] / В. Л. Архангельский // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц. Материалы межвуз. симпозиума / отв. ред. В.Л. Архангельский. – Тула: Тульск. госпединститут, 1968.– 356 с. – С. 21–29.
14. Архангельский, В. Л. Семантика фраземного знака [Текст] / В. Л. Архангельский // Проблемы русской фразеологии. – Тула. 1978. – С. 9–18.
15. Архангельский, В.Л. Способы выражения предикативности в устойчивых фразах [Текст] / В. Л. Архангельский // Тезисы докладов III республиканской конф.– Баку, 1977.
16. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии [Текст] / В. Л. Архангельский. – Ростов н/Д: Изд.-во Ростов. ун-та, 1964.
17. Архипецкая, М. В. Интонационные фразеологизмы со значением эмоционального отрицания [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Мария Вячеславовна Архипецкая. – СПб., 2012. – 226 с.
18. Бабаян, В. Ю. Дискурсивное пространство терциарной речи [Текст]: автореф. ... д-ра филол. наук / В. Н. Бабаян. – Белгород, 2009. – 42 с.
19. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
20. Балобанова, Л. А. Семантико-прагматический потенциал синтаксических фразеологизмов и их лексикографическое представление в словаре учебного типа [Текст]: дис. канд. филол. наук / Л. А. Балобанова. – М., 2004.

21. Баранов, А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
22. Бахтин, М. М. Проблема текста [Текст] / М. М. Бахтин // Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – М.: Русские словари, 1996. – 732 с. – С. 306–326.
23. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – 2-е, изд. – М.: Искусство, 1986. – 446 с.
24. Белинский, В. Г. Басни Ивана Крылова [Текст] / В. Г. Белинский // Полн. собр. соч. Т. IV. – М., 1954. – С.151.
25. Белошапкина, В. А. Расширенные структурные схемы простого предложения [Текст] / В. А. Белошапкина // Русский язык за рубежом. – 1979. – № 5. – С. 63 – 68.
26. Белошапкина, В. А. Современный русский язык. Синтаксис [Текст]: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / В. А. Белошапкина. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
27. Белошапкина, В. А. Современный русский язык [Текст] / В. А. Белошапкина, Е. А. Земская, И. Г. Милославский, М. В. Панов ; под ред. В.А. Белошапкиной. – М.: Высшая школа, 1981. – 560 с.
28. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
29. Берман, И. М., Бухбиндер В. А. Ситуативность и обучение устной речи [Текст] / И. М. Берман, В. А. Бухбиндер // Иностранные языки в школе. – 1964. – № 5.
30. Болотова, С. К. Слово ТОЖЕ в пространстве текста [Текст] / С. К. Болотова // Ярославский педагогический вестник: научно-методический журнал – 2005. – № 1 (42). – С. 95–103.
31. Болотова, С. К. Частица ТОЖЕ и семантика иронического неодобрения в разговорных экспрессивно-оценочных конструкциях [Текст] / С. К. Болотова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. науч. статей. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 34–47.

32. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория [Текст] / В. Н. Бондаренко. – М.: Наука, 1983. – 212 с.
33. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл [Текст] / А. В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1978. – 176 с.
34. Бондарко, А. В. К функциональному анализу элементов разных языковых уровней [Текст] / А. В. Бондарко // Единицы разных уровней грамматической системы языка и их взаимодействие. – М., 1969.
35. Бондарко, А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды [Текст] / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 13–23.
36. Бондарко, А. В. Принцип построения функциональной грамматики современных славянских языков [Текст] / А. В. Бондарко // Грамматическое описание славянских языков. – М., 1974.
37. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика [Текст] / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
38. Булыгина, Т. В., Шмелёв, А. Д. Возражение под видом согласия [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Облик слова. – М.: РАН. Институт русского языка, 1997. – 384 с. – С. 137–147.
39. Бурдина, З. Г. Неразложимые языковые структуры и речевая коммуникация [Текст]: учеб. пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков / З. Г. Бурдина. – М.: Высшая школа, 1987. – 119 с.
40. Величко, А. В. Когда есть о чём поговорить, или: Предложения фразеологизированной структуры в русской речи [Текст]: учеб. пособие для иностранных учащихся / В. А. Величко. – СПб.: Златоуст, 2016. – 188 с.
41. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование [Текст]: монография / А. В. Величко. – Москва: МАКС Пресс, 2016. – 411 с.

42. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке [Текст]: структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование: автореф. ... д-ра филол. наук / А. В. Величко. – М., 2017. – 41 с.
43. Величко, А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев [Текст]: учеб. пособие / А. В. Величко. – М., 1996. – 96 с.
44. Виноградов, В. В. Из истории изучения русского синтаксиса [Текст] / В. В. Виноградов. – М. Изд-во Моск. ун-та 1958. – 400 с.
45. Виноградов, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики [Текст] / В. В. Виноградов // Публикуется по изд.: Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60–87.
46. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Труды института русского языка АН СССР. Т. 2. – М.– Л., 1950. – С. 38–79.
47. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140–161.
48. Виноградов, В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В. В. Виноградов // Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с. – С. 23–30
49. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
50. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В. В. Виноградов. – М., 1963.
51. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн / пер. с нем. ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса. – М. : ИЛ, 1958. – 136 с.
52. Вишневская, В. Д. К вопросу о статусе иронии. Языковые средства выражения [Текст] / В. Д. Вишневская // Мир культуры: теория и феномены. – Вып. 2. – Пенза, 2002.

53. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М.: УРСС, 2002. – 260 с.
54. Всеволодова, М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке [Текст] / М. В. Всеволодова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 282 с.
55. Всеволодова, М. В., Лим, Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки [Текст] / М. В. Всеволодова, Лим Су Ён. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 164 с.
56. Гаврилова, Г. Ф., Меликян, В. Ю. Асимметричные синтаксические конструкции с негопозитивным значением [Текст] / Г. Ф. Гаврилова, В. Ю. Меликян // Филология – Philologica – Краснодар: Краснодарский госуниверситет, 1997. – № 12. – С. 2–5.
57. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация [Текст] / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – 1972. – М.: Наука, 1973. – 600 с. – С. 349–372.
58. Гак, В. Г. К проблеме синтаксической семантики. (Семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) [Текст] / В. Г. Гак // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М., 1969.
59. Гак, В. Г. О содержательной типологии упражнений (на материале фразеологии) [Текст] / В. Г. Гак // Содержание и структура учебника русского языка как иностранного. Сб. статей / Сост. Трушина Л.Б. – М.: Русский язык, 1981. – 288 с. – С. 186–198.
60. Гак, В. Г. Синтаксис эмоций и оценок [Текст] / В. Г. Гак // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е. М. Вольф. – М.: Институт языкознания, 1996. – 168 с. – С. 20–31.
61. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
62. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

63. Гвоздѣв, А. Н. Очерки по стилистике русского языка [Текст] / А. Н. Гвоздѣв. – 3-е изд. – Москва: Просвещение, 1965. – 408 с.
64. Герасименко, И. А. Разговорные единицы в дискурсе современной мультипликации [Текст] / И. А. Герасименко // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26 – 28 сентября 2017 года), посвящённой 65-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – 576 с. – С. 105–109.
65. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 768 с.
66. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / пер. с англ. ; под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
67. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) [Текст] / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
68. Ермакова, О. П. Об иронии и метафоре [Текст] / О. П. Ермакова // Облик слова: сб. ст. памяти Д. Н. Шмелёва. – М., 1997. – С. 48–58.
69. Жельвис, В. И. Грубость как регулятор коммуникативного поведения. [Текст] / В. И. Жельвис // Сборник научных трудов к 80-летию В. И. Жельвиса. – Ярославль: изд-во ЯГПУ. – 2011. – С. 258–289
70. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения [Текст] / Е. А. Земска. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.
71. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис [Текст] / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
72. Земская, Е. А., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования [Текст] / Е. А. Земская, Е. Н. Ширяев // Русистка сегодня. – М., 1988.

73. Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи её изучения // Разновидности городской устной речи [Текст] / Е. А. Земская // Сб. научных трудов / отв. ред. Д. Н. Шмелёв, Е. А. Земская. – М.: Наука, 1988. – 259 с. – С. 5–44.
74. Земская, Е. А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога [Текст] / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи: сб. науч. Трудов / отв. ред. Д. Н. Шмелёв, Е. А. Земская. – М.: Наука, 1988. – 259 с. – С. 234–239.
75. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
76. Золотова, Г. А. О коммуникативной значимости синтаксических единиц [Текст] / Г. А. Золотова // Языковая системность при коммуникативном обучении. – М.: Русский язык, 1988. – С. 6–16.
77. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 352 с.
78. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
79. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / под общ. ред. Г. А. Золотовой. – М., 1998. – 528 с.
80. Ильченко, С. Н. Интервью в журналистском творчестве [Текст]: учеб. пособие / С. Н. Ильченко ; С.-петерб. гос. ун-т. – СПб.: С.-петерб. гос. ун-т, 2003. – 93 с.
81. Иомдин, Л. Л. Русские конструкции малого синтаксиса, образованные вопросительными местоимениями [Текст] / Л. Л. Иомдин // Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ. – Sofia, 2007. Т. 1. – С. 117–126.
82. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования [Текст] / О. К. Ирисханова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.

83. Кайгородова, И. Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка) [Текст]: монография / И.Н. Кайгородова ; М-во образования Рос. Федерации. Астрах. гос. пед. ун-т. – Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 1999. – 248 с.
84. Калинина, Л. В. Вербальная конкуренция в пространстве Интернета: реклама, рерайт, репост [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник ВятГГУ. Научный журнал. – № 3. – Киров, 2014. – С. 80–88.
85. Калинина, Л. В. Изучение семантики неуправляемого как лингвистическая и когнитивная проблема [Текст] / Л. В. Калинина // Вестник ВятГГУ. Научный журнал. – № 3. – Киров, 2016. – С. 63–67.
86. Калинина, Л. В. Образ человека рубежа XX–XXI веков в зеркале языковых и социальных процессов [Текст] : монография. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. – 190 с.
87. Калинина, Л. В. Правила построения связного текста [Текст] / Л. В. Калинина // Речь кировчан: наблюдения и рекомендации лингвистов : кол. монография / Т. В. Петрусь, З. В. Сметанина, О. Н. Федянина, Н. Г. Наумова. – Киров : Изд-во ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2017. – С. 71–100.
88. Каллаева, Д. Р. Роль теории диалога М. М. Бахтина в формировании социокультурной компетенции [Текст] / Д. Р. Каллаева // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – С. 132–135. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/68/3614/> (дата обращения: 24.02.2018).
89. Канафьева, А. В. Мотивация отрицания в вопросительно-исторических конструкциях [Текст] / А. В. Канафьева // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26–28 сентября 2017 года), посвящённой 65-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – 576 с. – С. 190–196.
90. Канафьева, А. В. О некоторых особенностях интонации риторического высказывания [Текст] / А. В. Канафьева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М., 2016. – № 6. – С. 35–41.

91. Канафьева, А. В. Отрицание: варианты форм и вариации смысла [Текст] / А. В. Канафьева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – №2. – С. 19–25.
92. Канафьева, А. В. Прагматика риторического высказывания в некоторых жанрах религиозного дискурса [Текст] / А. В. Канафьева // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М., 2015. – № 6. – С. 16–21.
93. Канафьева, А. В. Риторические высказывания с семантикой отрицания [Текст] / А. В. Канафьева // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. статей по материалам международной научной конференции, посвящённой 1000-летию г. Ярославля. – В. 2 ч. – Ч. 1. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 34–41.
94. Канафьева, А. В. Риторическое высказывание в интериоризованной речи [Текст] / А. В. Канафьева // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. ст. по материалам международной научной конференции. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – 396 с. – С. 94–101.
95. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов ; отв.ред. Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1987. – С. 24–25.
96. Карицкая, Л. Ю. Экспрессивные лексические ресурсы современной газетной публицистики (на материалах газет Мурманского региона 2001–2008 гг.) [Текст]: автореф. ... канд. филол. наук / Л. Ю. Карицкая. – Мурманск, 2009.
97. Касаткин, Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку [Текст] / под ред. П. А. Леканта. – 2-е, изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1995. – 363 с.
98. Кечкеш, И. Слово, контекст и коммуникативное значение [Текст] / И. Кечкеш // Вестник РУДН. – Серия: Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 7–18.
99. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу [Текст] / А. А. Кибрик // ВЯ. – 1994. – № 5. – С. 126–139.
100. Кодухов, В. И. Синтаксическая фразеологизация [Текст] / В. И. Кодухов // Проблемы фразеологии и задачи её преподавания в высшей

и средней школе. – Вологда: Северо-Западное книжное изд-во 1967. – 350 с. – С. 123–137.

101. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – Москва: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524.

102. Корниенко, Е. Р. Текст сквозь призму философии М. М. Бахтина [Текст] / Е. Р. Корниенко // Знание. Понимание. Умение. – 2010 – № 1. – С. 128–133.

103. Коряковцева, Е. И. Язык современной российской прессы: варваризмы и арготизмы как сигналы речевой агрессии / Е. И. Коряковцева // Współczesna komunikacja językowa. Prace. Slawistyczne 125 SOW. – Warszawa, 2008.

104. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики [Текст] / В. Г. Костомаров. – М.: ГАРДАРИКИ, 2005. – 287 с.

105. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В. Г. Костомаров. – М.: Моск. ун-т, 1971. – 265 с.

106. Костомаров, В. Г. Язык текущего момента: Понятие правильности [Текст] / В. Г. Костомаров. – СПб.: Златоуст, 2014. – 220 с.

107. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи [Текст] / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 247 с.

108. Лагузова, Е. Н. Модально-оценочная семантика высказываний с описательными глагольно-именными оборотами [Текст] / Е. Н. Лагузова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 590–592.

109. Лагузова, Е. Н. Модально-оценочное значение соответствия / несоответствия в высказываниях с описательными глагольно-именными оборотами [Текст] / Е. Н. Лагузова // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. – Ярославль: ЯГПУ, 2012. – № 2. – Том 1 (Гуманитарные науки). – С. 147–151.

110. Лагузова, Е. Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации [Текст]: монография / Е. Н. Лагузова. – М.: МГОУ, 2003. – 245 с.
111. Лагузова, Е. Н. Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция в современном русском языке [Текст] / Е. Н. Лагузова // Социальные и гуманитарные знания. – Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2016. – № 4. – С. 315-318.
112. Лагузова, Е. Н. Синтаксическая модальность в дополнительных высказываниях с описательными глагольно-именными оборотами [Текст] / Е. Н. Лагузова // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – № 2. – С. 8–10.
113. Лагузова, Е. Н. Синтаксические фразеологизмы с союзом хоть в современном русском языке [Текст] / Е. Н. Лагузова, О. Н. Прокопова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 8–10.
114. Лаптева, О. А. Нерешенные задачи изучения структуры СРЛЯ и устной литературной речи его составе [Текст] / О. А. Лаптева // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – 271 с.
115. Лаптева, О. А. Русский разговорный синтаксис [Текст] / О. А. Лаптева. – М.: Наука, 1976. – 397 с
116. Лекант, П. А. Аналитизм в категории русских частиц [Текст] / П. А. Лекант // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2013. – № 1.
117. Лекант, П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи [Текст] / П. А. Лекант // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2012. – № 5. – С. 44–48.
118. Лекант, П. А. Очерки по грамматике русского языка [Текст] / П. А. Лекант. – М.: Издательство МГОУ, 2002. – 312 с.
119. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке [Текст] / П. А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1974.– 158 с.
120. Лекант, П. А. Современный русский язык. Синтаксис [Текст] / П. А. Лекант. – М.: Академия, 2010. – 256 с.

121. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке [Текст]: учеб. пособие для студентов филологических специальностей пед. ин-тов / П. А. Лекант. – М.: Высшая школа, 1976 – 176 с.
122. Лекант, П. А. Современный русский литературный язык [Текст]: учеб. / П. А. Лекант, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, Л. П. Крысин. – М.: АСТ – ПРЕСС Книга, 2013. – 796 с.
123. Леонтьев, А. А. О речевой ситуации и принципе речевых действий [Текст] / А. А. Леонтьев // Русский язык за рубежом. – 1968. – № 2. – С. 19–23.
124. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А. А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 212 с.
125. Леонтьев, А. Н. Проблема эмоций [Текст] / А. Н. Леонтьев // Вопросы психологии. – 1958. – № 3.
126. Ломтев, Т. П. Структура предложения в современном русском языке [Текст] / Т. П. Ломтев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 199 с.
127. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа [Текст] / В. А. Лукин. – М.: Ось, 1999.
128. Маркелова, Т. В. Вопрос о категориальном статусе оценки. Оценка в отношении к грамматическим категориям предложения [Текст] / Т. В. Маркелова // Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой: монография / под ред. Леканта. – М., 2006. – С. 71–79.
129. Маркелова, Т. В. Оценочная семантика как область сопряжения языковой и медийной картин мира [Текст] / Т. В. Маркелова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. ст. по материалам международной научной конференции. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – 396 с. – С. 15–39.
130. Маркелова Т.В. Оценочное высказывание и оценочная ситуация [Текст] / Т. В. Маркелова // Вопросы лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов. – М., 1996. – С. 6–15.

131. Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке [Текст] / Т. В. Маркелова. – М.: МГУП имени Ивана Фёдорова, 2013. – 375 с.
132. Маркелова, Т. В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке [Текст] : автореф. ... д-ра филол. наук / Т. В. Маркелова. – М., 1996.
133. Матевосян, Л. Б. Прагматический эффект нестандартного употребления стандартных высказываний [Текст] / Л. Б. Матевосян // Филол. науки. – 1997. – № 4. – С. 96.
134. Матезиус, Ш. В. Язык и стиль [Текст] / Ш. В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 447.
135. Меликян, В. Ю. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения [Текст] / В. Ю. Меликян. – Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2002. – 242 с.
136. Меликян, В. Ю. Нечленимые предложения [Текст] / В. Ю. Меликян. – Ростов-н/Д., 1999.
137. Меликян, В. Ю. Очерки по синтаксису нечленимых предложений [Текст]: учеб. пособие / В. Ю. Меликян. – Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2001.
138. Меликян, В. Ю. Проблема статуса и функционирования коммуникем: язык и речь [Текст]: монография / В. Ю. Меликян. – Ростов-н/Д., 1999.
139. Меликян, В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка [Текст] / В. Ю. Меликян. – М.: Флинта, 2013. – 400 с.
140. Миронова, Н. Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа [Текст] // Н. Н. Миронова / Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 56. – 1997. – № 4.
141. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии [Текст] / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., перераб. – 2005. – 254 с.
142. Москальская, О. И. Грамматика текста [Текст] / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.

143. Москальская, О. И. Грамматический идиоматизм и синтагматика [Текст] / О. И. Москальская // Иностранные языки в высшей школе. Тематический сборник.– 1962. – № 1. – С. 3–10
144. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (На материале немецкого языка) [Текст] / О. И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1974. –156 с.
145. Мурзин, Л. Н., Штерн, А. С. Текст и его восприятие [Текст] / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1991.
146. Николина, Н. А. Типы предложений фразеологизированной структуры с оценочным значением в современном русском языке [Текст] / Н. А. Николина // Системно-функциональное описание словосочетания и простого предложения. – Л., 1988. – С. 61 –70.
147. Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса [Текст] / Е. В. Падучева. – М.: ЛИБРОКОМ, 2016. – 296 с.
148. Панов, М. В. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка [Текст] / М. В. Панов. – М., 1968.
149. Панова, Ю. С. Структурно-коммуникативные особенности диалога в новеллах А. Моруа / Ю. С. Панова. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/strukturno-kommunikativnye-osobennosti-dialoga-v-novellakh-andre-morua#ixzz57USQCrT1>.
150. Петрова, Н. Е. Рацибурская, Л. В. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии [Текст] / Н. Е. Петрова Л. В. Рацибурская. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 160 с.
151. Петрушина, М. В. Модальное значение неодобрения и его речевая реализация [Текст] / М. В. Петрушина. – М., 2005. – 257 с.
152. Пешковский, А. М. Интонация и грамматика [Текст] / А. М. Пешковский // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. – 1928. – Т. 1. – Кн. 2.
153. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

154. Пиотровская Л. А. К вопросу о синтаксической фразеологии [Текст] / Л. А. Пиотровская // Славистический сборник. – СПб., 1998. – С. 111–118.
155. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков) [Текст]: монография / Л. А. Пиотровская. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. – 146 с.
156. Посиделова, В. В. Проблемы синтаксической фразеологизации в системе русского языка [Текст] / В. В. Посиделова // Филологические науки в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 168–170. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1641/> (дата обращения: 24.02.2018).
157. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958.
158. Рогова, К. А. Синтаксические особенности публицистической речи [Текст] / К. А. Рогова. – Л.: Ленин. гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1975. – 69 с.
159. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка [Текст]: учеб. пособие для вузов / Д. Э. Розенталь. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
160. Рубинштейн, С. А. Основы общей психологии [Текст] / С. А. Рубинштейн. – В 2 т. – Т. 2. – М.: АПН СССР. Педагогика, 1989. – 322 с.
161. Русская грамматика [Текст]: в 2 т / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – 783 с.; Т. II. – 710 с.
162. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. [Текст] / отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Наука, 1983. – 238 с.
163. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект [Текст] / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1993. – 224 с.

164. Синтаксис современного русского языка [Текст]: учебник / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев ; под ред. С. В. Вяткиной. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 347 с.
165. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка [Текст] / А. П. Сковородников. – Томск: Томск. ун-т, 1981. – 251 с.
166. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032300 – рус. яз. / В. Ю. Меликян ; науч. ред. В. П. Малащенко ; Рост. гос. пед. ун-т, Лингвист. ин-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2004. – 287 с.
167. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология [Текст]: учебное пособие / В. Ю. Меликян. – Москва: Флинта: Наука, 2014. – 231 с.
168. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц [Текст]. В 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис: учебник / В. В. Бабайцева, Г. Г. Инфантова, Н. А. Николина, В. С. Печникова, Л. Д. Чеснокова. – 3-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 624 с.
169. Солганик, Г. Я. Фразеологические модели в современном русском языке [Текст] / Г. Я. Солганик // Русский язык в школе. – 1976. – № 5. – С. 73–78.
170. Солганик, Г. Я., Дроняева Т. С. Стилистика современного русского языка и культура речи [Текст]: учебное пособие / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. – М.: Академия, 2008. – 256 с.
171. Срезневский, И. И. Замечания об образовании слов из выражений [Текст] / [Соч.] И. И. Срезневского. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1873. – 12 с.
172. Стернин, И. А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа [Текст] / И. А. Стернин // Филологические записки, 1993. – № 1.
173. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.

174. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения [Текст] / И. П. Сусов. – Тула: Тульск. Госпединститут, 1974. – 141 с.
175. Телия, В. Н. Идиоматичность [Текст] / В. Н. Телия // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М., 1997. – С. 145.
176. Телия, В. Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки [Текст] / В. Н. Телия // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е. М. Вольф. – М.: Институт языкознания, 1996. – 168 с. – С. 31–37.
177. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке [Текст] / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 270 с.
178. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность [Текст] / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – 230 с.
179. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность [Текст] / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992. – 304 с.
180. Трипольская, Т. А. Языковые механизмы эмоциональной и оценочной интерпретации действительности [Текст] / Т. А. Трипольская ; Новосиб. гос. пед. ун-т // Проблемы интерпретационной лингвистики: сб. научных трудов. Новосибирск: НГПУ. – 2000. – С. 14–27.
181. Ушакова, А. П. Категория времени в синтаксических фразеологизмах современного русского языка [Текст] / А. П. Ушакова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 1. – С. 127–131.
182. Ушакова, А. П. Реализация ложной положительной оценки в синтаксических фразеологизмах современного русского языка [Текст] / А. П. Ушакова // Рецензируемый мультиязычный научный журнал «Stephanos». Проект филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://www.stephanos.ru/>.

183. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы с глаголами *буду, стану* в современном русском языке [Текст] / А. П. Ушакова // Языковые категории и единицы: синтаксический аспект. Материалы XII Международной научной конференции (Владимир, 26 сентября – 28 сентября 2017 года), посвященной 65-летию кафедры русского языка. – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – 576 с. – С. 486–490.
184. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы с опорным компонентом – местоименным словом [Текст] / А. П. Ушакова // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – № 4. – С. 61–66.
185. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы со словами, выражающими ложную положительную оценку в современном русском языке [Текст] / А. П. Ушакова // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов-2017» [Электронный ресурс]. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. – ISBN 978-5-317-05504-2;
186. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы со словами *много, мало* в современном русском языке // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – № 1. – С. 64–67.
187. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы типа «*Ох, уж эти мне экзамены!*» в современном русском языке [Текст] / А. П. Ушакова // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – № 3. – С. 38–41.
188. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы типа «что за + сущ. в им. п.» в современном русском языке [Текст] / А. П. Ушакова // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского» / под ред. М. Ю. Егорова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – С. 48–53.
189. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы типа *Тожe мне помощник!* в современном русском языке [Текст] / А. П. Ушакова // Социальные и гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 57–60.

190. Ушакова, А. П. Синтаксические фразеологизмы типа *Хорош друг!* В современном русском языке / А. П. Ушакова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей по материалам международной конференции. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – С. 124–130.
191. Ушакова, А. П. Структура и семантика синтаксических фразеологизмов с постоянным компонентом *нет чтобы* [Текст] / А. П. Ушакова // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – № 3. – С. 57–61.
192. Ушакова, А. П. Структурно-семантические особенности синтаксических фразеологизмов в современном русском языке [Текст] / А. П. Ушакова // Инновационный потенциал молодежи – 2017 г.: сб. статей открытого университетского конкурсного отбора инновационных проектов молодых учёных по приоритетным направлениям науки и техники. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – С. 240–247.
193. Ушакова, А. П. Синтаксическая компрессия в современном русском языке [Текст] / А. П. Ушакова // Студенческие тетради: сборник научных статей / науч. ред. и сост. М. Г. Пономарева. – Вып. 2. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – С. 16–24.
194. Ушакова, А. П. Эллиптические предложения и особенности их употребления в заголовках газетных статей [Текст] / А. П. Ушакова // Языковые категории и единицы: синтаксический аспект. Материалы XI Международной научной конференции (Владимир, 29 сентября - 1 октября 2015 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2015. – С. 548–552.
195. Фаст, Л. В. Стандартизованные предложения в разговорных и драматургических текстах [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Фаст. – М., 1993.
196. Формановская, Н. И. Коммуникативный контакт [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Изд-во ИКАР, 2012. – 200 с.

197. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: Коммуникация и прагматика [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: Изд-во ИКАР, 2007. – 480 с.
198. Формановская, Н. И. Речевой этикет в русском общении [Текст] / Н. И. Формановская. – М.: ИКАР, 2009. – 333 с.
199. Формановская, Н. И. Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / Н. И. Формановская. – М., 1979.
200. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса [Текст] / Н. Хомский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 259 с.
201. Чашина, А. М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса [Текст] / А. М. Чашина // Вестник челябинского университета. – 2013. – Вып. 86. – № 37 (328) – С. 60–62.
202. Чеснокова, Л. Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора [Текст]: учеб. пособие для студентов-филологов / Л. Д. Чеснокова. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.
203. Шаповалова, Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / Т. Е. Шаповалова. – Москва, 2000. – 421 с.
204. Шаповалова, Т. Е. О темпоральной семантике конструкций с наречиями когда-то, некогда, когда-нибудь [Текст] / Т. Е. Шаповалова // Вестник МГОУ. – Серия «Русская филология». – № 1. – 2007. – С. 158–160.
205. Шаповалова, Т. Е. Особенности выражения категории синтаксического времени в простом предложении [Текст] / Т. Е. Шаповалова // Вестник МГОУ. – № 4. Серия «Русская филология». – Вып. 1. – М. – 2004. – С. 51–54.
206. Шаповалова, Т. Е. Синтаксическое время и вопросительность [Текст] / Т. Е. Шаповалова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сб. ст. по материалам международной научной конференции. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. – 396 с. – С. 39–44.
207. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шаповалова. – М.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

208. Шаховский, В. И. О лингвистике эмоций [Текст] / В. И. Шаховский // Язык и эмоции. – Волгоград.
209. Шаховский, В. И. Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология [Текст] / В. И. Шаховский. – ЛИБРОКОМ, 2010. – 124 с.
210. Шведова, Н. Ю. Активные процессы в современном русском языке (словосочетание) [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М.: Просвещение, 1966. – 156 с.
211. Шведова, Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы. [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С.67–83.
212. Шведова, Н. Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1957. – № 1. – С. 85–95.
213. Шведова, Н. Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1998. –176 с.
214. Шведова, Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1958. – № 2. – С. 95–100.
215. Шведова, Н. Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения [Текст] / Н. Ю. Шведова // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. – М.: Наука, 1973. – С. 458–483.
216. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи [Текст]. – изд. стереотип / Н. Ю. Шведова // РАН Институт русского языка. – М.: Азбуковник. – 2003. – 378 с.
217. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1960. – 378 с.
218. Шведова, Н. Ю. Парадоксы словарной статьи [Текст] / Н. Ю. Шведова. // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 6–11.

219. Шмелёв, Д. Н. Избранные труды по русскому языку [Текст] / Д. Н. Шмелёв ; вст. ст. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с.
220. Шмелёв, Д. Н. К вопросу о производных частях речи и междометиях [Текст] / Д. Н. Шмелёв // Избранные труды по русскому языку / вст. ст. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. – С. 336–353.
221. Шмелёв, Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелёв // Избранные труды по русскому языку / вст. ст. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с.
222. Шмелёв, Д. Н. О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений в разговорной речи [Текст] / Д. Н. Шмелёв // Избранные труды по русскому языку / вст. ст. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. – С. 280–289.
223. Шмелёв, Д. Н. О синтаксической членимости предложения // Избранные труды по русскому языку [Текст] / Д. Н. Шмелёв / вст. ст. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. – С. 376–388.
224. Шмелёв, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях [Текст] / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
225. Шмелёв, Д. Н. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелёв // Избранные труды по русскому языку / вст. ст. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. – С. 289–311.
226. Шмелёв, Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелёв // Избранные труды по русскому языку / вст. ст. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 888 с. – С. 311–336.
227. Шмелёв, Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1976. – 148 с.
228. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык. Лексика [Текст] / Д. Н. Шмелёв. – М.: Просвещение 1977. – 336 с.

229. Шмелёв, Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке [Текст] / Д. Н. Шмелёв // Вопросы языкознания. – 1958. – № 6. – С. 63–75.
230. Шмелёва, Т. В. Повседневная речь как лингвистический объект. [Текст] / Т. В. Шмелёва // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1992. – 176 с. – С. 5–15.
231. Шулежкова, С. Г. Объект фразеологии в условиях полипарадигмальности науки о языке. [Текст] / С. Г. Шулежкова // Язык, сознание., коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – 388 с. – С. 374–380.
232. Шумейко, В. К вопросу об отрицании во французском языке [Текст] / В. К. Шумейко // Вопросы грамматического строя германских языков. – Омск, 1975. – Вып. 1.
233. Шутова, Т. А. Семантика отрицания и способы её имплицитного выражения в русском языке [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Шутова. – Санкт-Петербург, 1996. – 163 с.
234. Щерба, Л. В. О взаимоотношениях родного и иностранного языков. [Текст] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с. – С. 338 – 343.
235. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с. – С. 24–39.
236. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с. – С.77–100.
237. Элатик, А. А. Элементы разговорного синтаксиса в языке современных российских электронных СМИ) [Текст] / А. А. Элатик // Филологические науки. Вопросы теории и практики: Науч.-теорет. и прикладной журн. – 2016. – N 10. – Ч. 3. – С. 161–168.

238. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия [Текст]: монография. – Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. института. – 1990.
239. Якобсон, Р. Речевая коммуникация [Текст] / Р. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306–318.
240. Якубинский, Л. П. О диалогической речи [Текст] / Л. П. Якубинский // Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17–58. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/yakubinsky-86.htm>.
241. Янко-Триницкая, Н. А. Синтаксические фразеологизмы с лексическими повторами [Текст] / Н. А. Янко-Триницкая // Русский язык в школе. – 1967. – № 2. – С. 87–92.
242. Янко-Триницкая, Н. А. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка [Текст] / Н. А. Янко-Триницкая // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. XXVIII. – Вып. 5. – 1969. – С. 431.
243. Янко-Триницкая, Н. А. Эмотивность языковых единиц разных уровней языка [Текст] / Н. А. Янко-Триницкая // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1969. – Вып. 5. – Т. XXVIII. – С. 429–436.
244. Abelson, R. P. The structure of belief systems // Computer models of thought and language [Текст] / Ed. by R. C. Schank, K. Colby. San Francisco: Freeman, 1973. P. 287–339.
245. Aitchison, J. Words in the mind. An introduction to the mental lexicon [Текст]. – Oxford: Blackwell, 1987.
246. Baker, C.-L. Double negatives [Текст] // Linguistic inquiry 1, 1970.
247. Clark H. H., Gerrig R. J. On the pretense theory of irony [Текст] // Journal of Experimental Psychology: General, 113(1), 1984. – Pp. 121–126.
248. Fillmore, Ch., Kay, P., & OConnor, M. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone [Текст] // Language, 64/3. – 1988. – Pp. 501–538.
249. Firth, J. R. Papers in linguistics, 1934–1951 [Текст]. – London: Oxford University Press, 1957.

250. Gibbs, R. W., Jr. Irony in Talk among Friends [Текст] // Metaphor and Symbol. – 2000. – 15 (1–2). – Pp. 5–27.
251. Goldberg, A., A Construction Grammar Approach to Argument Structure [Текст]. – Chicago: University of Chicago Press, 1995.
252. Jackendoff, R. Gapping and related rules [Текст] // Linguistic Inquiry. – 1971. – 2 (1). – Pp. 21–36.
253. Sperber, D., Wilson, D. Relevance: Communication and Cognition [Текст]. – 2nd edition. – Wiley-Blackwell, 1996. – 338 p.
254. Weinreich, U. Problems in the Analysis of Idioms: Substance and Structure of Language [Текст]. – University of California Press, Berkley and Los Angeles, 1984.

Словари

255. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 576 с. (СЛТ)
256. Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: около 5000 единиц [Текст]: в 2 т. / под ред. С. Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – 658 с.
257. Большой универсальный словарь русского языка [Текст] / под ред. В. В. Морковкина. Около 30 000 наиболее употребительных слов. – М.: Словари XXI века «АСТ+ ПРЕСС ШКОЛА». – 1452 с. (БУС)
258. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ – ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. (БФС)
259. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. – В 4-х т. – М.: Русский язык, 1980. (СД)
260. Ефремова, Т. Ф. Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный [Текст]: около 20 000

слов, около 1200 словообразовательных единиц. – М.: АСТ, 2010. – 699 с. – ISBN 978-5-17-069855-4. (ТСЕ)

261. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник [Текст] / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с..

262. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. (ЛЭС)

263. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / под ред. А. Н. Николюкина. – ИНИОН РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 687 с. (ЛЭТП)

264. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. (БСРП)

265. Морковкин, В. В., Луцкая, Н. М., Богачева, Г. Ф. и др. Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова [Текст] / под ред. В. В. Морковкина. – М.: Изд-во Астрель. – 2002. – 432 с.

266. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Первый, второй, третий выпуски [Текст] / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. Б. Урысон, В. Ю. Апресян М. Ч. Гловинская, Т. В. Крылова ; под общ. ред.. акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 1999–2003. – 552 с, 488 с., 624 с. (НОС)

267. Ожегов, С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. – 944 с. (СОШ)

268. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер.. – М.: Русский язык, 1990. – 924 с. (ТСО)

269. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 544 с.

270. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань: Изд-во «Пилигрим». – 2010. (СЛТ)
271. Словарь русского языка [Текст]. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. (МАС)
272. Словарь современного русского литературного языка [Текст]. В 17 т. – М. – Л.: Наука, 1950–1965.
273. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. (ТСК)
274. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. 100000 слов и словосочетаний [Текст] / Д. Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 800 с. (ТСУ)
275. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А. И. Фёдоров. – М.: Астрель, АСТ. – 2008. (ФСРЛЯ)
276. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 словарных статей. [Текст] / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1986. – 544 с. (ФС)
277. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под ред. А. И. Молоткова. – Изд-е 4-е. – М.: Русский язык, 1986. (ФСМ)